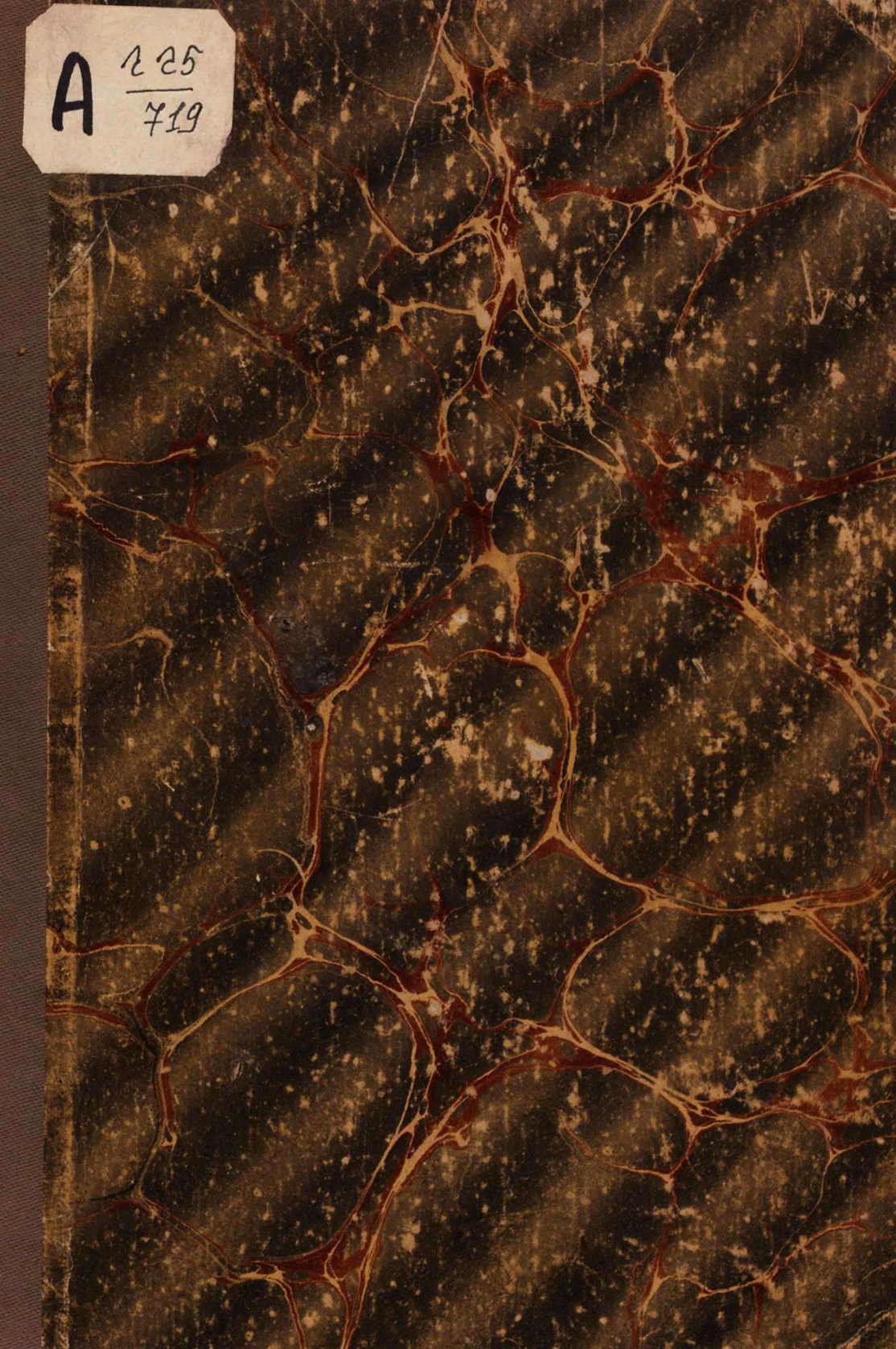

A

225

719

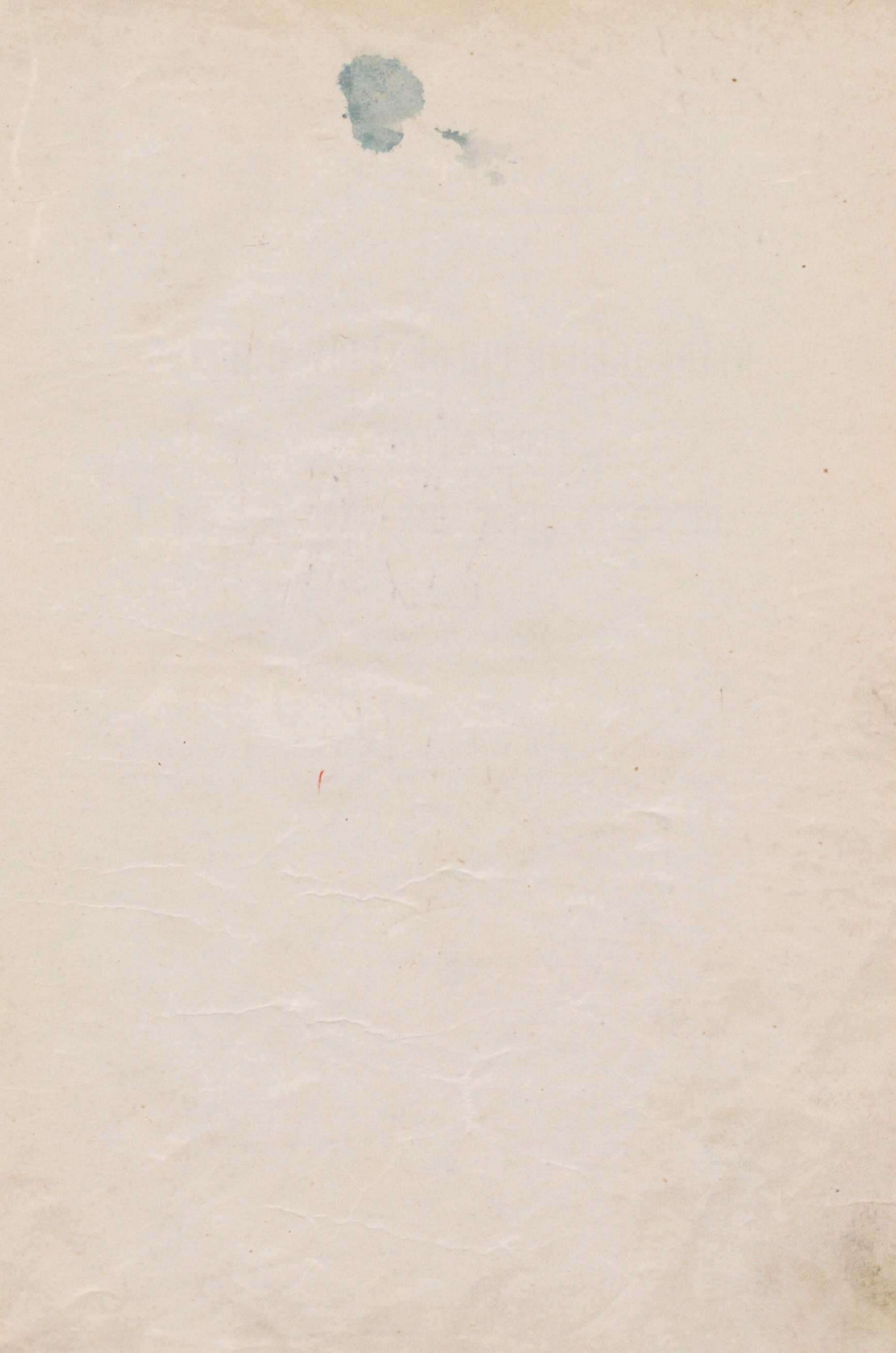
A $\frac{225}{719}$

0-28566

~~A $\frac{231}{777}$~~

032201

op
r

1998

2131
1911
Н. Н. Фирсовъ.

РУССКІЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЯ
КОМПАНИИ
ВЪ 1-Ю ПОЛОВИНУ XVIII СТОЛѢТІЯ.

(Очерки изъ исторіи торгово-промышленной по-
литики и соответствующихъ общественныхъ от-
ношеній).

Казань. 20
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1896.

A $\frac{225}{719}$

Н. М. Фирсовъ.

**РУССКІЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЯ
КОМПАНИИ
ВЪ 1-Ю ПОЛОВИНУ XVIII СТОЛѢТІЯ.**

(Очерки изъ исторіи торгово-промышленной политики и соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній).

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1896.

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КОМПАНИИ
ВЪ ИЮ ПОЛОВИНЫ ХАШ СТОЛБИ

Дозволено цензурою. Казань, 14 января 1896 г.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
37157-52

*2 тираж
имеется
привести
478 экз.
17/52
вс
Казань*

2022510297

Заглавіе большею частію не способно намѣтити вполне точно содержаніе сочиненія. Обыкновенно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что заглавіе или слишкомъ узко,— и изъ-за него некрасиво выглядываютъ разные концы данной работы,—или широко, и содержанію произведенія въ предѣлахъ поставленнаго заглавія неумѣренно-просторно. Въ историческихъ работахъ, сверхъ того, бываетъ и такъ, что заглавіе сравнительно съ содержаніемъ является то очень короткимъ, то очень длиннымъ. Подобныхъ недоумѣній со стороны читателя избѣжать невозможно. Въ виду этого, можетъ быть, будетъ полезно выяснитъ заранѣе, какъ мною поставлена тема настоящаго труда и что слѣдуетъ искать подъ „торгово-промышленными компаніями въ 1-ю половину XVIII столѣтія“.

Читатель весьма ошибся бы, если бы сталъ искать въ моей работѣ исторію русской торговли и промышленности ¹⁾ въ отмѣченный хронологическій періодъ, съ изображеніемъ въ числовыхъ данныхъ стариннаго отечественнаго производства и торговаго оборота (съ исторіей цѣнъ на товары). Ошибся бы читатель и въ томъ случаѣ, если бы пожелалъ посмотрѣть на мою работу, какъ на изученіе одного изъ эпизодовъ финансовой вѣдомости, если бы онъ началъ искать въ предлагаемомъ сочиненіи исторію (а не нѣкоторыя только свѣдѣнія) поступленій въ казну отъ торговли и промысловъ,—сосредоточенныхъ въ рукахъ торгово-промышленныхъ компаній.

Поставить тему такъ или иначе, какъ сейчасъ указано, я не могъ по двумъ причинамъ.

---

¹⁾ Въ русской исторической литературѣ есть обширный трудъ, посвященный исторіи торговли и промышленности, это соч. Семенова: «Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской виѣшней торговлѣ и промышленности» съ полов. XVII ст. по 1858 г.

Во первыхъ самое свойство матеріала, съ которымъ приходится имѣть дѣло, вовсе не располагаетъ къ детальнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ. Цыфры старинныхъ официальныхъ документовъ завѣдомо весьма неполны, и на нихъ, строго говоря, нельзя строить никакихъ прочныхъ выводовъ, если рядомъ съ цыфровыми данными нѣтъ на лицо другихъ указаній. Общая совокупность разныхъ обстоятельствъ и соображеній только и даетъ изслѣдователю полное право сдѣлать тотъ или другой выводъ, который такимъ образомъ будетъ зависѣть не столько отъ цыфръ, сколько отъ всесторонняго анализа цѣлаго ряда фактовъ, характеризующихъ жизненные явленія. Во вторыхъ, я оставилъ другимъ поле детальнаго экономическаго и финансоваго изслѣдованія и вслѣдствіе условій своего личнаго положенія, вслѣдствіе того, что я лишь на очень короткій срокъ могъ обращаться къ столичнымъ архивамъ, а короткіе сроки въ дѣлѣ статистическаго изученія по архивнымъ бумагамъ, какъ это извѣстно всякому, занимавшемуся документами этого рода, легко внушаютъ провинціалу убѣжденіе, что работа его сдѣлается безконечною.

Я отлично понимаю, что личное положеніе — не оправданіе. Строгий критикъ замѣтитъ мнѣ, что существуетъ много темъ и пр. Но это возраженіе было бы недоразумѣніемъ, ибо оправдываться мнѣ положительно не въ чемъ. Я только объясняюсь. Никто, вѣроятно, не станетъ спорить, что всякій выбираетъ ту тему, которая ему больше нравится и кажется болѣе цѣлесообразной, и если таковую нельзя, по соображеніямъ теоретическимъ и практическимъ, разработать съ одной стороны, то едвали изслѣдователь будетъ не правъ, если захочетъ разработать ея съ другой.

Я началъ свои наблюденія въ области исторіи *торгово-промышленнаго класса* въ XVIII стол. Обиліе рукописнаго матеріала въ одномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи скоро убѣдило меня, что представить исторію цѣлаго класса даже за 1-ю полов. XVIII ст.—такое предпріятіе, которое, не говоря уже о непосильности для начинающаго, потребовало бы много времени и для опытнаго работника; а временемъ я могъ располагать всего менѣе, по причинамъ, неинтереснымъ для читателя. вмѣстѣ съ тѣмъ въ старыхъ документахъ нетрудно было подмѣтить всё значеніе торговыхъ

и промышленныхъ компаній въ политикѣ и въ жизни, какъ русскаго купечества, такъ и тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые были втянуты (политикой) или сами втянулись въ торгово-промышленную сферу. Это наблюденіе и опредѣлило заглавіе моего труда.

Я однако не рѣшился упустить изъ-подъ своихъ ногъ ту почву, на которую всталъ съ самаго начала розысканій, почву *историко-общественнаго* изученія, и намѣреніе удержаться на прежней позиціи привело меня къ попыткѣ посмотреть на торгово-промышленныя компаніи, какъ на такое учрежденіе, которое, будучи создано и вызвано къ дѣятельности нуждами государственнаго казначейства, находясь въ тѣсной связи съ финансовымъ вѣдомствомъ, явилось рельефнымъ олицетвореніемъ русской торгово-промышленной политики и сдѣлалось важнымъ общественно-экономическимъ факторомъ. Представить значеніе русской торгово-промышленной компаніи не только въ сферѣ финансовъ, промышленности и торговли, но, главное, въ области торгово-промышленнаго класса—вотъ что сдѣлалось теоретической задачей моей работы ¹⁾. Естественно я долженъ былъ съ возможною подробностью остановиться на выясненіи официальныхъ мотивовъ торгово-промышленной политики, на изученіи ея колебанія и реальной основы, на установленіи типовъ торгово-промышленныхъ компаній и компанейщиковъ, равно какъ—и на тѣхъ отношеніяхъ, которыя вытекали изъ особаго положенія компанейщиковъ, созданнаго и политикой, и самою жизнью.

Что касается хронологическихъ граней, то я взялъ пока 1-ю половину XVIII ст.—до уничтоженія внутреннихъ таможенъ, которое, по моему мнѣнію, находится въ связи съ существовавшей этому факту торгово-промышленной политикой; но это, конечно, не мѣшало мнѣ иногда начинать издалика,

---

¹⁾ Правда, я не игнорировалъ, на сколько это было въ моихъ средствахъ, и другихъ многихъ, соприкасающихся съ моей задачей вопросовъ, попутно отвѣчая на нихъ или же только отмѣчая ихъ, не игнорировалъ даже цифровыхъ данныхъ, какія успѣлъ собрать; но всетаки главная моя цѣль заключалась въ попыткѣ связать извѣстный отдѣлъ внутренней политики съ общественными отношеніями. И для достиженія этой цѣли мнѣ предстояло употребить приемы не статистическаго, а историческаго изслѣдованія.

иногда заходить нѣсколько впередъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовало лучшее уясненіе того или другого вопроса.

Судить не мнѣ, какъ я выполнилъ свою задачу; но, осмѣливаясь думать, что судить меня слѣдуетъ за то, что я пытался дать ¹⁾, а не за то, за изображеніе чего я и не брался.

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность за научные совѣты, указанія и вниманіе къ моей работѣ: В. О. Ключевскому, Л. Н. Майкову, А. Θ. Бычкову и К. Н. Бестужеву-Рюмину.

Н. Н. Ойрсовъ.

¹⁾ Для удобства изложенія я сначала рассматриваю собственно торговья компаніи, а потомъ промышленныя.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Очеркъ первый.

Торговья компаніи.

- I-я Глава: Общія условія крупнаго торговаго оборота въ Московскомъ Государствѣ и общія замѣчанія объ административной реформѣ торгово-промышленнаго класса.
- II-я Глава: Торговая компанія, какъ средство поднять доходность казны отъ крупнаго торговаго оборота.
- III-я Глава: Мнѣнія (XVIII ст.) по вопросу о поднятїи крупнаго торговаго оборота и указанія на то, что препятствовало его развитію.

Очеркъ второй.

Промышленныя компаніи.

- IV-я Глава: Заводско - фабричная компанія, какъ средство удовлетворить потребностямъ правительства и развить обрабатывающую промышленность.
- V-я Глава: Колебаніе между казеннымъ и частно-компанейскимъ содержаніемъ въ сферѣ русской промышленности.

VI-я Глава: Характеристика промысловыхъ компаній—„содержаній“.

VII-я Глава: Столкновения и связи въ средѣ „компанейщиковъ“ и откупщиковъ.

Очеркъ третій.

Общественныя осложненія и правительственныя затрудненія, вызванныя «компанейщиками».

VIII-я Глава: „Содержатели“ и рабочіе.

IX-я Глава: „Мочное“ и „маломочное“ купечество.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

ТОРГОВЫЯ КОМПАНИИ.

I-я Глава (введеніе).

Общія условія крупнаго торговаго оборота въ Московскомъ Государствѣ и общія замѣчанія объ административной реформѣ торгово-промышленнаго класса.

Та часть государственнаго хозяйства, которая носитъ названіе торговой политики, обладала въ Россіи Московскаго періода нѣкоторыми своеобразными чертами.

При сравнительной простотѣ жизненныхъ отношеній въ старину великій князь могъ вполне удобно вести торговлю, такъ сказать, на свое имя; въ силу этого, онъ былъ лично заинтересованъ во всемъ томъ, что творилось на русскомъ рынкѣ; такъ, напр., великій князь зорко слѣдилъ за всѣмъ, что иностранные купцы привозили на Русь; заграничные товары строго запрещалось показывать кому бы то ни было изъ подданныхъ великаго князя, пока онъ самъ не осмотритъ ихъ и не закупитъ для себя, что ему потребуется¹⁾. Неоспоримо также и то, что цѣнные иностранные товары, взятые великимъ княземъ для себя (шелковыя матеріи, суено, свинець, жемчугъ), перепродавались затѣмъ туземнымъ купцамъ „по цѣнѣ, назначенной имъ самимъ“.

Вмѣстѣ съ возвышеніемъ политической власти великаго князя увеличивались и размѣры этихъ операцій. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ нѣкоторыя, наиболѣе цѣнные отрасли русскаго сбыта, на время объявлялись царской или, что тоже, государственной монополіей. Въ сферу казенной торговли

¹⁾ Герберштейнъ, русс. пер., стр. 89.

поступали мѣха, воскъ, даже хлѣбъ, при чемъ иногда повышалась и цѣна на эти предметы.

Послѣ покоренія восточныхъ царствъ въ московскую казну стало поступать много ясака съ инородцевъ, въ видѣ мѣховъ; этотъ ясакъ тоже дѣлался предметомъ „государевой“ торговли, равно какъ и обильные остатки припасовъ, поставляемыхъ для двора дворцовыми крестьянами. По свидѣтельству Флетчера, человѣка, весьма компетентнаго въ русскомъ оборотѣ, царь получалъ „такимъ способомъ“ „отъ оброчнаго хлѣба и другихъ припасовъ ок. 200000 рублей въ годъ, а отъ оброчнаго лѣса, сѣна и пр. 30000 р. въ годъ или около того“¹⁾. Царскіе товары, особенно мѣха, посылались и за границу²⁾.

Такимъ образомъ торговый оборотъ въ Московскомъ государствѣ до второй половины XVI ст. сосредоточивался въ рукахъ правительства, представляя одну изъ самыхъ важныхъ статей московскаго государственнаго хозяйства.

На долю всей массы торговыхъ людей оставалась лишь мелкая торговля внутри государства; немногіе именитые купцы, „гости“, были торговыми уполномоченными Царя, такъ какъ чрезъ нихъ онъ главнымъ образомъ и велъ свои торговые дѣла. Царская торговля была для гостей единственной школой, въ которой они могли приобрѣсти навыкъ къ болѣе широкимъ торговымъ предпріятіямъ сравнительно съ ихъ собственными. Но, конечно, этотъ навыкъ могъ бы выработаться лишь постепенно: требовалось время. Между тѣмъ текуція обстоятельства были нетерпѣливы; нельзя было дожидаться, когда русскіе торговцы, поставленные въ самыя дурныя условія—и географическія, и социальна-экономическія,—приобрѣтутъ предпріимчивость и необходимыя для большаго дѣла капиталы; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что царь Иванъ Васильевичъ отнесся внимательно къ предложенію англичанъ завести это самое дѣло въ его государствѣ. Если посмотрѣть на этотъ вопросъ съ общей точки зрѣнія, то вниманіе царя Ивана къ англичанамъ обуславливалось тѣмъ естественнымъ обстоятельствомъ, что земледѣльческой странѣ, имѣвшей относительно избытокъ лишь сырыхъ продуктовъ, потребова-

¹⁾ Флетчеръ, стр. 42 и 43.

²⁾ Истор. Госуд. Россійск., IV. примѣч. 260.

лись произведенія мануфактуры. Спросъ на эти произведенія давно уже ощущался въ государствѣ Московскомъ, главнымъ образомъ при дворѣ и въ средѣ правящаго класса, но предложеній было мало, ибо, какъ извѣстно, иностранцы, вслѣдствіе политическихъ соображеній, опасались знакомить невѣжественныхъ московитовъ съ предметами своей культуры, особенно — съ тѣми, которые были необходимы для усовершенствованья военного дѣла. Отсюда понятно, что русское правительство было готово на большія жертвы, лишь бы получить постоянный заграничный ввозъ и приобрести возможность столь же постоянного сбыта своего сырья. Англичане, потерѣвъ неудачу въ своихъ поискахъ пути въ Индію сѣверными морями, рѣшили утвердиться въ Россіи, торговля съ которой сулила англійскимъ торговцамъ неисчислимыя выгоды.

Образованной англичанами для торга съ Московскимъ государствомъ компаніи были даны небывалыя привилегіи двумя грамотами Царя Іоанна Васильевича Грознаго (1555 и 1567 г.г.). О томъ, что англичане отлично поняли величину своихъ выгодъ, хорошо свидѣтельствуетъ инструкція, данная компаніей ея агентамъ, посланнымъ на Русь; инструкція заботливо охраняетъ русскіе „религіозные и гражданскіе законы“, „дабы компанія не потерпѣла какого-нибудь убытка“¹⁾. Полученныя англичанами привилегіи въ главныхъ своихъ чертахъ сводились къ слѣдующимъ пунктамъ. — Компанія получила „право свободной и безошлинной торговли“ „оптомъ и въ розницу“, право собственнаго суда и расправы, такъ что „ни таможенники, ни воеводы, ни намѣстники не смѣли вмѣшиваться въ ихъ торговыя дѣла и задерживать ихъ“²⁾. Съ другой стороны англійское правительство, хорошо понимая, что для утвержденія въ Московскомъ государствѣ его коммерческаго господства необходимо единство торговыхъ операцій, рѣшило не допускать къ торговлѣ съ русскими тѣхъ англійскихъ купцовъ, которые не принадлежали къ „русской“ компаніи.

Но русскіе товары, заинтересовавшіе англичанъ — воскъ, сало, масло, пенька, ленъ, кожа и, особенно, мѣха — привлекали на

¹⁾ С. М. Соловьевъ: Истор. Россіи, т. 7, стр. 64 и 65.

²⁾ Костомаровъ: Очеркъ торговли Московскаго Государства. статья 1-я, стр. 13 (цит. по Современнику).

Русь купцовъ и другихъ національностей. За англичанами въ Московское государство явились голландцы, нѣмцы, шведы и другіе западно-европейцы. Царь, хотя и не давалъ имъ привиллегій, но и не стѣснялъ ихъ торговли. Видя, какую выгоду извлекаютъ англичане, благодаря исключительности своихъ привиллегій, голландцы на первыхъ же порахъ вступили съ ними въ борьбу на почвѣ придворныхъ и приказныхъ отношеній, стремясь ниспровергнуть коммерческое господство компаніи. Средства для достиженія цѣли были выбраны нехитрыя, но за то вполне совпадавшія съ привычками и нравами среды — подкупы дьяковъ и другихъ вліятельныхъ лицъ; кромѣ достиженія побѣды путемъ подарковъ, прибѣгли еще къ такому маневру: голландцы заняли у нѣкоторыхъ важныхъ русскихъ сановниковъ значительную сумму денегъ по 25%, а затѣмъ и выплачивали ежегодно каждому изъ нихъ по 5000 марокъ¹⁾. Впрочемъ Царь и самъ не могъ не видѣть, что за огромныя выгоды, дарованныя имъ англійской компаніи, онъ почти ничего не получаетъ отъ англійскаго правительства, кромѣ обѣщаній; то же, что привозили англійскіе корабли изъ предметовъ, въ которыхъ нуждалось московское правительство, разумѣется, далеко не окупало всѣхъ невыгодъ отъ англійскихъ привиллегій для государственной казны, не говоря уже о русскомъ торговомъ классѣ: это не могло не обнаружиться очень скоро и дѣйствительно обнаружилось воочию. По крайней мѣрѣ тотъ же Царь Иванъ IV, названный однимъ изъ его слугъ „англійскимъ царемъ“, началъ уже ограничивать привиллегіи англійской компаніи. Такъ, въ 70-хъ годахъ беспошлинная и свободная торговля компаніи была приурочена къ Москвѣ и къ собственно старымъ русскимъ городамъ, а для торговли въ Казани и Астрахани англичанамъ было поставлено въ обязанность испрашивать особое разрѣшеніе у царя и платить за товары половину положенной пошлины²⁾. Грозный царь умеръ въ тотъ моментъ, когда англійскій посольскій стремился получить для компаніи не только всѣ прежнія привиллегіи, но и полную монополію на сѣверѣ. На эти поползновенія отвѣчать пришлось правительству Федора Ивановича. Прежде

---

¹⁾ Исторія Россіи съ древн. врем., т. 7-й, стр. 66.

²⁾ Истор. Госуд. Россійскаго, IX, прим. 388.

всего оно чрез своего посла поставило условіе, что прежнія привиллегіи будутъ возвращены лишь въ томъ случаѣ, если королева со своей стороны дастъ русскимъ купцамъ право на свободную торговлю въ Англіи. Хотя Елизавета и отвѣчала, что такое право будетъ несомвѣстимо съ выгодами Англіи, тѣмъ не менѣе русское правительство въ лицѣ Бориса Годунова разрѣшило компаніи торговать повсюду въ Московскомъ Государствѣ, но только оптомъ, а не въ розницу. Что же касается отнятія права торговли у другихъ иноземцевъ и у англичанъ, не принадлежащихъ къ „русской“ компаніи, то этого распоряженія не удалось компанейцамъ добиться у московскаго правительства, не смотря на всѣ ихъ старанія. Въ письмѣ царя Ѳедора на имя Елизаветы было опредѣленно заявлено, что изъ угоды нѣсколькимъ англичанамъ царь не можетъ изгнать изъ своей страны купцовъ другихъ государствъ; то же самое говорили бояре, участвовавшіе въ переговорахъ съ Флетчеромъ, посланнымъ для улаживанья русско-англійскихъ торговыхъ отношеній. „Того нигдѣ не ведется, пояснили Флетчеру бояре отрицательный отвѣтъ московскаго правительства на домогательства компаніи, „ни въ которыхъ государствахъ, во всѣхъ поморскихъ земляхъ, ни у папы, ни у цесаря крестьянскаго, ни у испанскаго, ни у французскаго, ни у датскаго короля, ни въ иныхъ ни въ которыхъ поморскихъ государствахъ, чтобы изъ чужіе земли въ которомъ государствѣ указывали торговлю, которымъ людямъ въ которое государство ходити и которымъ не ходити и заказъ чинити; а Государю нашему о томъ для чего заказъ чинити и дорога Божія, окіянь море, къ своему государству затворити: то дѣло не сстаточное и говорити о томъ не пригоже; а указъ Государевъ нынѣ и впредь: въ государя нашего государство къ пристанищамъ морскимъ, на Колмогоры, и на Ругодивъ, во Псковъ и Великій Новгородъ, изо всѣхъ государствъ и изъ англійскіе земли всякимъ торговымъ людямъ, не однимъ тѣмъ, которые издавна въ Государя нашего Государства ходятъ, всякимъ торговымъ людямъ ... изъ англійскіе и всякихъ иныхъ земель... ходитъ съ государя нашего людьми торговати на Колмогоры, и въ Новгородъ, и во Псковъ повольно по прежнему“... Только „англійскимъ гостемъ тѣмъ, которые прежь сего хаживали и дорогу наши отъ государя нашего“, были оказаны „великимъ государемъ“

особыя милости, которыми они, т. е. члены русской компани, — до сихъ поръ и пользуются: „выимочное жалованье и дворы имъ по многимъ городамъ подаваны и живутъ въ государя нашего государства своими дворами мимо иныхъ всякихъ иноземцевъ“¹⁾. Въ этихъ поучительныхъ словахъ московскихъ бояръ была выражена программа правительства, которой оно постановило слѣдовать въ своей международной торговой политикѣ. Мы видимъ, что правительствомъ былъ сдѣланъ серьезный шагъ къ тому, чтобы въ русскихъ торговыхъ дѣлахъ сзудить значеніе могущественной англійской компани. Пока еще не уничтожая привилегій этой компани, московское правительство чрезъ своихъ бояръ сдѣлало довольно прозрачный намекъ, что компани слѣдуетъ быть довольно этими привилегіями, которыя и безъ того дѣлаютъ ея положеніе исключительнымъ въ государствѣ — „мимо иныхъ всѣхъ иноземцевъ“. Борисъ Годуновъ, сдѣлавшись царемъ, какъ умный правитель, не только не исполнилъ желанія компани — „затворить море окіянь“ для всѣхъ, кромѣ нея самой, — но даже самъ старался другимъ европейцамъ доставить возможность свободной торговли съ Московскимъ государствомъ; однако слѣдуетъ помнить, что права, какими владѣли всѣ эти другіе иностранцы, были ничтожны сравнительно съ привилегіями англійской компани, которую положительно можно назвать законодательницей цѣны на русскомъ рынкѣ, какъ при царѣ Михаилѣ, такъ и въ первые годы правленія его сына. Изъ челобитной русскихъ торговцевъ, поданной въ 1646 г. на имя царя Алексѣя Михайловича, видно, что конкуренція съ англичанами была совершенно невозможна для русскихъ торговцевъ: имъ нельзя было „ни купить, ни продать“. Англичане распоряжались въ русскихъ торговыхъ дѣлахъ, какъ хотѣли: они, по словамъ челобитной, „засѣли“ „на Москвѣ безъ сѣзду“, и русскимъ купцамъ приходилось именно у нихъ покупать „худые“ товары по высокой цѣнѣ.

Господство компани очевидно повлекло за собой тотъ общій результатъ, что другія иностранныя фирмы начали вести свои торговыя операціи на московской почвѣ большею

¹⁾ Статейный списокъ посольства Флетчера, напечат. во Временникѣ 1850 г., кн. 8, стр. 30—31.

частью не самостоятельно, а при посредствѣ компаніи: этимъ только и можно объяснить сѣтованья русскихъ торговыхъ людей на невозможность „ни купить, ни продать“. Въ той же челобитной мы читаемъ и сильное объясненіе этой невозможности: лишь только захочетъ русский купецъ войти въ непосредственныя сношенія съ другими европейскими фирмами, помимо компаніи, и привезетъ свой товаръ въ Архангельскъ, сейчасъ же иностранцы устроятъ стачку, понизятъ цѣну на русскіе товары и повесятъ на иностранные: приходится продавать за безцѣнокъ или везти товаръ назадъ изъ далекаго Архангельска.

Какъ извѣстно, господство компаніи было основано на правѣ беспошлиннаго торга; отсюда ясно, что компанія могла предложить другимъ иностраннымъ фирмамъ достаточно выгодныя условія купли-продажи, чтобы онѣ, во первыхъ, ей не мѣшали, а, во вторыхъ, поняли, что, дѣйствуя солидарно съ компаніей, онѣ лучше воспользуются выгодами туземнаго рынка, чѣмъ, конкурируя съ ней. Строго говоря, конкуренція была и невозможна, при существованіи исключительныхъ привилегій компаніи и при условіи пошлинныхъ сборовъ со всѣхъ остальныхъ торговцевъ: какъ русскіе, такъ и иноземцы, конечно, не могли выбрасывать изъ своихъ торговыхъ расходовъ пошлинный сборъ, отсутствующій въ расходахъ компаніи, а потому и не могли быть довольными цѣной друга друга. Русскіе, казалось иностранцамъ, просили за свои товары слишкомъ дорого, а давали за иностранные слишкомъ дешево; русскіе думали то же самое объ иностранной цѣнѣ. Тѣхъ и другихъ стѣсняли торговыя пошлины. Цѣна же, устанавливаемая беспошлинно торговавшими англійскими компанейщиками (для устраненія всякой помѣхи въ ихъ дѣйствіяхъ „на Москвѣ“ и „у Архангельска“), могла быть достаточно выгодной для другихъ европейскихъ фирмъ, разумѣется, на счетъ чрезвычайнаго удешевленія русскихъ товаровъ, каковое и было устрено компаніей; такимъ образомъ, при помощи послѣдней, вся торгующаяся съ Московскимъ государствомъ Европа успѣшно угнетала торгующую Русь. Словомъ беспошлинная свободная торговля англичанъ въ Россіи неминуемо должна была повлечь и дѣйствительно повлекла за собой тѣ результаты, которые отмѣчались русскими купцами въ ихъ челобитной: члены компаніи „обогатѣли“, а русскіе оптовые торговцы

„объдняли“¹⁾). Понятно, что самый большой убыток получали самые крупные русские купцы, такъ называемые гости; поэтому никто такъ настойчиво не стремился къ уничтоженію англійскихъ привилегій, какъ именно эта группа торговыхъ людей; при этомъ никто въ торговыхъ дѣлахъ не могъ бы повліять на власть болѣе тѣхъ же гостей. Дѣло въ томъ, что, не смотря на стѣсненіе англійскими привилегіями ихъ собственной торговой дѣятельности, гости успѣли приобрѣсти довольно замѣтное служебное значеніе. Извѣстно, что съ давнихъ поръ гости были агентами сначала великаго князя, а потомъ царя въ его личныхъ торговыхъ операціяхъ. То же самое явленіе въ этой сферѣ наблюдается и въ XVII стол. Сибирская мягкая рухлядь, въ изобиліи поступавшая въ казну отъ инородцевъ, по прежнему продавалась отъ имени царя русскимъ купцамъ и за границу; отъ этой торговли царская казна, по словамъ Олеарія, „обогащалась“ „наилучшимъ образомъ“²⁾. Русский наблюдатель подтверждаетъ сообщеніе иностранца болѣе опредѣленными чертами. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что сибирскіе мѣха доставляли казнѣ „приходу“ больше, чѣмъ въ 600000 рублей. Котошихинъ же сообщаетъ, что для пріема этого товара, для оцѣнки, для „раздачи и продажи“ ежегодно выбирался голова изъ гостей. Эта группа была немногочисленна, представляя самый высшій слой русскаго торговаго класса; на неё возлагались главныя, наиболѣе отвѣтственныя торговыя службы, благодаря чему личность гостя издавна пользовалась гораздо болѣе охраной закона, чѣмъ личности остальныхъ торговыхъ людей: за „безчество“ гостя судебникъ опредѣлялъ съ виновнаго штрафъ въ 50 руб., въ то время, какъ за оскорбленіе всякаго другого торговаго человѣка полагалось платить только 5 руб. Весьма важное общественное и торговое преимущество гостей заключалось въ томъ, что они имѣли право, 1) покупать вотчины и 2) возить свои товары за границу, право, которымъ не обладали даже члены гостинной сотни, близкіе отчасти по своему экономическому состоянію къ гостямъ³⁾. Такъ постепенно около московскаго государя, какъ бы въ добавленіе къ военно-служилому боярству, создавалась торгово—служилая аристократія или даже олигархія, имѣвшая

¹⁾ Доп. къ акт. истор., т. 5, стр. 186 и 187.

²⁾ Олеарій, стр. 261 и 262.

³⁾ О привилегіяхъ и правахъ гостей см. у Костомарова въ «Очеркъ торговли Московск. государства», статья 3-я, стр. 104—106.

прислужниковъ изъ другихъ разрядовъ торговыхъ людей. На близость гостей къ высшимъ правительственнымъ сферамъ указываетъ уже то обстоятельство, что гости не выбирались въ должности своими товарищами, какъ члены гостинной сотни, а назначались самимъ царемъ; съ теченіемъ времени это приближеніе дѣлалось все тѣснѣе и тѣснѣе, именно по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ казеннаго (государева) торговаго оборота. Въ XVII ст. для послѣдняго при сибирскомъ приказѣ, вѣдавшемъ, между прочимъ, царскую „мѣховую казну“, пришлось устроить особую торговую контору, получившую названіе „приказа купецкихъ дѣлъ“. Въ главные управляющіе этого учрежденія назначался ежегодно гость, а къ нему въ помощники выборные изъ другихъ разрядовъ торговыхъ людей, помѣщаемыхъ даже въ сторожа¹⁾. „Приказъ купецкихъ дѣлъ“, учрежденный, вслѣдствіе увеличенія сибирской мѣховой казны²⁾, сдѣлался вообще органомъ правительственнаго торговаго оборота, который далеко не исчерпывался торговлей сибирскими мѣхами; къ этому слѣдуетъ добавить, что существованіе названнаго учрежденія совпадаетъ съ періодомъ особеннаго оживленія казеннаго торговаго оборота съ Персіей и началомъ такихъ же сношеній съ Китаемъ. Вотъ тѣ въ общихъ чертахъ *основанія*, въ силу которыхъ современникъ и назвалъ гостей „царскими коммерціи совѣтниками и факторами“³⁾. Эти-то „коммерціи совѣтники“ и начали указывать царю на несовмѣстимость привилегій англійской компаніи съ выгодами русской торговли вообще и съ выгодами казны въ частности. Они указывали на „заговоръ“, т. е. стачки англійскихъ купцовъ, говоря, что „государевы торговые люди, видя ихъ заговоръ, товары свои возятъ назадъ, а иные оставляютъ у города, а скудные люди товары свои мечютъ за безцѣнокъ, и отъ того государевы торговые люди промысловъ своихъ отбыли, къ Архангельскому городу ѣздить перестали и отъ того государева многая пошлина пропала“.

Гости мѣтко мотивировали свои собственныя убытки казенными. Въ сущности они высказали лишь мнѣніе самого

¹⁾ Н. А. Поповъ: «Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ» въ Ж. М. Н. Пр. 1889 г., ССЛХІ.

²⁾ Этотъ приказъ (или палата) назывался также государевую соболиную палатю.

³⁾ Кильбургеръ: «Краткое извѣстіе о русской торговлѣ», стр. 156; изд. 1820 г.

правительства, уже давно взявшаго привилегіи англійской компаніи на замѣчаніе. Раньше уничтожить ихъ мѣшали разныя соображенія и обстоятельства болѣе политическаго, чѣмъ культурнаго характера. Теперь, правительство царя Алексѣя достаточно окрѣпло и потому не нуждалось въ слишкомъ убыточной политической дружбѣ; вслѣдствіе чего и рѣшило покончить съ привилегіями компаніи; нужно только было найти благовидный предлогъ; подумали и, кромѣ несоблюденія компаніей кое-какихъ торговыхъ условій, поставили ей на видъ „заговоръ“, но только политической: московское правительство обвинило англичанъ въ томъ, что они „всею землею учинили большое злое дѣло—государя своего Карлуса короля убили до смерти, и за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ имъ быть не довелось“. Членамъ компаніи было велѣно „изъ Московскаго государства“ „ѣхать за море“ „со всеѣми своими животы“, торгъ имъ былъ дозволенъ лишь у Архангельска и съ платежемъ установленныхъ пошлинъ¹⁾. Такъ кончилось коммерческое господство Англичанъ въ Россіи; преобладающее значеніе въ торговлѣ опять перешло къ правительству и гостямъ. У Архангельскаго порта торговля теперь особенно оживилась; изъ торговавшихъ здѣсь европейцевъ французы даже основали особую сѣверную компанію²⁾; но она не имѣла какихъ-либо значительныхъ, невыгодныхъ для гостей, привилегій.

Вскорѣ у гостей явился новый соперникъ, который довольно сильно началъ подрывать ихъ торговые интересы, хотя и не обладалъ такими исключительными привилегіями, какъ раньше англійская компанія. Этотъ новый соперникъ явился на югѣ, въ Астрахани, въ лицѣ общества армянскихъ купцовъ. Армяне показались царю Алексѣю лучшими посредниками въ торговлѣ съ Персіей казенными товарами. Чтобы было вполне ясно, какъ это случилось, сдѣлаемъ опять справку изъ исторіи правительственной монополіи.

Извѣстно, что къ персидской торговлѣ московское правительство относилось очень внимательно: этимъ прежде всего и объясняется то обстоятельство, почему гоштинской компаніи, основанной при царѣ Михаилѣ, въ 1634 г.,—спеціально для

¹⁾ Доп. къ акт. истор., 5 т., стр: 187.

²⁾ Семеновъ: Изученіе историч. свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промыш., ч. 3, стр. 17.

торговли съ Персіей, удалось получитьлишь самыя умѣренныя права отъ русскаго государя. Этой компаніи былъ данъ 10-ти лѣтній срокъ для торговыхъ операцій съ платой ежегодно въ казну 600⁰ефимковъ; кромѣ того, компанія не была освобождена и отъ пошлинъ; даже самый кругъ товаровъ, которые компанія могла вывозить изъ Руси, былъ сильно ограниченъ: было запрещено вывозить товары, служившіе главными предметами торговли русскихъ купцовъ—всѣ шелковыя издѣлія, бумажныя и металлическія ¹⁾. Ясно, что наибольшую выгоду отъ торговли съ Персіей получало московское правительство, а не голштинская компанія. Шелкъ сырецъ былъ главнымъ предметомъ выво³а изъ Персіи: этотъ товаръ и былъ сдѣланъ правительственной монополіей. Русскіе купцы имѣли право продавать его только въ царскую казну, которая и отпускала его въ западную Европу. „Государева купецкая казна“ ²⁾ пополнялась отъ этой торговли хорошо, но всетаки, повидимому, не такъ, какъ было желательно московскому правительству. Было найдено, что персидскій шахъ не задобрень русскимъ Царемъ на столько, чтобы весь шелкъ отпускался изъ Персіи въ Московское государство. „Великій Государь“, получая порядочныя торговыя удобства отъ шаха, ничего еще не сдѣлалъ для персидскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Россіи; московская торговая политика требовала какой-либо любезности и для персидскихъ торговыхъ предпріятій на Руси ³⁾. Такою любезностью и явилось со стороны московскаго правительства позволеніе армянамъ учредить для торговли съ нимъ компанію, которая и была основана въ 1667 г.

Гостямъ въ этомъ пунктѣ пришлось отступить на второй планъ: прежде они были посредниками между царской казной и европейцами въ торговлѣ персидскими товарами,—теперь это выгодное посредничество перешло къ армянской компаніи ⁴⁾. Компанія получила право возить свой товаръ въ Москву и другіе города, даже за границу, но въ чужіе края не прежде, какъ сначала удовлетворивъ царскую казну; компанія не была освобождена отъ пошлинъ, но пере-

✓ *тщель*

¹⁾ Акты ист. 3 т., 330 и у Костомарова въ вышецитир. ст., стр. 36.

²⁾ Акты ист., т. 4-й, стр. 239 и др.

³⁾ Костомаровъ, лит. ст., стр. 40.

⁴⁾ Собраніе госуд. грам. и догов., IV-й т., стр. 277—279.

численные и другія льготы, предоставленныя ей русскимъ правительствомъ, вызвали новыя жалобы гостей; впрочемъ, уже одно учрежденіе этой компаніи и ея главное назначеніе неминуемо должны были вызывать эти жалобы. Гости просто на просто заявили правительству, что армяне отнимаютъ у нихъ хлѣбъ. Царь и на этотъ разъ до извѣстной степени внялъ представленіямъ гостей: онъ сильно стѣснилъ отпускъ товаровъ компаніи за границу, а также отмѣнилъ вознагражденіе за потопленные суда и пограбленные разбойниками компанейскіе товары. Главная привиллегія — посредничество — пока была оставлена за компаніей.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить тотъ общій фактъ, что ко 2-ой половинѣ XVII ст. положеніе гостей весьма сильно упрочилось. Это видно не только изъ довольно успѣшной борьбы гостей съ иностранными привиллегіями, но и изъ исторіи торговаго законодательства того времени. Ново-торговый уставъ, составленный въ интересахъ гостей, Костомаровъ справедливо считаетъ ихъ дѣломъ. Ново-торговый уставъ монополизировалъ внутреннюю торговлю въ пользу гостей: иностранцы юридическимъ путемъ изгонялись съ русскаго внутренняго рынка. Это однако не удержало нѣкоего Петра Марселиса отъ попытки обойти установленный для иностранцевъ новый принципъ русскаго торговаго права. Въ 1669 г. Петръ Марселисъ подалъ въ посольскій приказъ проэктъ обогащенія Московскаго государства золотою монетою; основная мысль этого проэкта слѣдующая: пусть иноземцы платятъ пошлины ефимками, а не золотомъ, золотую же монету пусть они привозятъ въ московское государство и продаютъ её тамъ или „въ уплату отдають кому угодно“. Если это будетъ позволено, то иностранцы много привезутъ золотыхъ въ Московское государство. Петръ Марселисъ, „обнадеживалъ“ московское правительство, что въ государствѣ „соберется огромное количество ефимковъ и золотыхъ“, если иностранцамъ „*позволить покупать товары въ Москвѣ и въ другихъ городахъ*“. Но московское правительство не поддалось на неловко заброшенную золотую удочку, а „гостямъ и другимъ торговымъ людямъ“, призваннымъ въ торговый приказъ для подачи мнѣнія, не трудно было „смекнуть“, къ чему стремится Марселисъ, и запротестовать всею силою своихъ расчетовъ противъ предложенія бойкаго прожектера. Русскіе крупные торговцы и въ этомъ вопросѣ соединили свои выгоды съ

выгодами казны. Они указали на то, что казна не соберетъ золота врозницу съ русскихъ людей, если послѣдніе „и возьмутъ у иноземцевъ за свои товары небольшое число золотыхъ и ефимковъ“. Русскіе же торговцы отъ допущенія иностранцевъ снова на внутренній рынокъ потерпятъ очевидный убытокъ, а разбогатѣютъ отъ этого одни иностранные купцы: „иноземцы стануть продавать иноземцамъ же золотые по 40 алтынъ, а ефимки по 20 алтынъ и на тѣ деньги стануть покупать русскіе товары дешевою цѣною, въ половину противъ архангельской цѣны: продастъ иноземець 4 золотыхъ по 40 алтынъ, и того возьметъ 4 рубля 26 алтынъ 4 деньга; на эти деньги купить поташу, берковецъ дастъ 5 рублей, а въ Архангельскѣ русскіе люди продаютъ по 9 и по 10 рублей. Такъ прочіе всякіе товары переведутъ у русскихъ людей полуцѣною предъ Архангельскомъ“¹⁾.

Русскіе торговцы, чувствуя себя бессильными предъ иностранцами²⁾, и не могли вести иной политики по отношенію къ домогательствамъ послѣднихъ—попасть на русскій рынокъ даже на равныхъ съ туземными купцами правахъ. Побѣда крупныхъ русскихъ торговцевъ надъ этими домо-

¹⁾ См. Соловьевъ, т. 13, стр. 126—128.

²⁾ Торговое безсиліе русскихъ купцовъ въ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ неспособности ихъ конкурировать съ неизмѣримо болѣе богатыми и тѣсно сплоченными иностранными фирмами, не мѣшало имъ быть очень изворотливыми въ торговыхъ сдѣлкахъ и даже прослыть у иностранцевъ большими обманщиками. Такъ Кильбургеръ даже полагалъ, что русскіе торговцы «отъ природы склонны къ обманамъ» (цит. изд., стр. 14). Извѣстнаго Олеарія удивляло, что русскіе «обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его разумнымъ и достойнымъ похвалы дѣломъ» (Олеарій, стр. 168). Обманъ отождествлялся съ сообразительностью, и умѣло обмануть—значило прослыть расчетливымъ и умнымъ, не говоря уже о полученіи отъ этого извѣстной матеріальной выгоды. Видя въ обмѣнѣ эту честолобивую и экономическую цѣль, русскіе купцы сдѣлались въ немъ такъ искусны, что, по словамъ Кильбургера (XVII ст.), «опытные иностранные купцы часто попадались къ нимъ въ дураки». (Кильбургеръ, стр. 14, также у Олеарія, стр. 168). Но, вообще, всѣ эти мнѣнія справедливы съ тою оговоркой, что иностранцы слишкомъ увлекаются своимъ нерасположеніемъ къ русскимъ, когда говорятъ объ обманѣ, какъ объ исключительной принадлежности русскихъ торговцевъ. Это свойство торговли было одинаково присуще и иностраннымъ фирмамъ и прожектерамъ (какъ видѣли выше): ибо торговля въ тѣ времена—да и позднѣе еще плохо отдѣлялась отъ обмана.

гательствами весьма отчетливо намекает на значеніе этого купческаго слоя въ области русской торговой политики. Это значеніе сильно возросло и укрѣпилось въ теченіе столѣтія (XVII) именно на почвѣ торговой службы гостей и ихъ повѣренныхъ московскому правительству. Служа казнѣ, этотъ торговый слой естественно не забывалъ и себя. Кильбуреръ свидѣтельствуешь, что гости въ качествѣ старшихъ царскихъ торговыхъ уполномоченныхъ обладали правомъ „покупать первыми“ не только для государя, но и для себя¹⁾. Тотъ же современникъ сообщаетъ что „коммерціи совѣтники“ „неограниченно управляютъ торговлею во всемъ государствѣ“²⁾.

Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ къ концу XVII ст. создалась, благодаря своему официальному положенію³⁾, небольшая сравнительно группа значительныхъ по своему капиталистовъ, начавшихъ сильно давить остальныхъ торгово-промышленныхъ людей средней и малой состоятельности, во всякомъ случаѣ нисколько не меньше, чѣмъ въ свое время англійская компанія обездоливала ихъ самихъ. Теперь все вообще наиболѣе крупныя русскія торговцы тѣсно соединяются своими торговыми интересами съ гостями, прилаживаясь къ правительственному торговому обороту „подъ видомъ царскихъ факторовъ“. Таковыя тоже получаютъ „привиллегію“ и начинаютъ „стѣснять торговлю“ тѣми же способами, какъ и „коммерціи совѣтники“⁴⁾. Вслѣдствіе этого про гостей шла дурная слава. „Простые купцы“, конечно, особенно ретиво распространяли про гостей эту славу; ненависть въ населеніи противъ гостей была на столько жгуча, что современникъ находилъ возможность сказать: „въ случаѣ какого возмущенія опасаться надобно, чтобы народъ не сломалъ шеи всемъ гостямъ“⁵⁾. Итакъ, повторяю, гости и ихъ агенты нажили на царской службѣ капиталы и приобрѣли извѣстное значеніе въ московской торговой политикѣ.

Не таково было положеніе на той же службѣ средняго торговаго человѣка, тѣмъ болѣе „худого“. Его обыкновенно

---

¹⁾ Кильб., стр. 157.

²⁾ Ibid., стр. 156.

³⁾ Олеарій сообщаетъ, что «гости» присутствовали даже при приемѣ иностранныхъ пословъ, стр. 197.

⁴⁾ Кильбург., стр. 197.

⁵⁾ Кильб., стр. 157.

назначали на второстепенныя мѣста прислужниковъ при гостяхъ. Иногда средній торговый человѣкъ посылался для сбора экстреннаго налога на торговый классъ, въ родѣ „пятинныхъ денегъ“. Нажиться такому на царской службѣ, разумѣется, было гораздо труднѣе, чѣмъ крупнымъ торговцамъ, потому-что все дѣло находилось въ рукахъ „головъ“ государева оборота. Купцовъ-богачей было немного и въ самой Москвѣ, среди гостинной и суконной сотенъ; они не изобиловали и въ провинціи, гдѣ купцы и промышленники носили общее названіе посадскихъ. И вотъ бывало такъ, что „мимо гостинной и суконной сотенъ“ къ казенному торговому предпріятію прикомандировывался посадскій; посылался онъ, положимъ, въ Астрахань „съ государевою товарною казною“, „къ гостю въ товарищи“; тутъ случалось, что служба посадскаго и вообще человѣка, новаго въ царскомъ купеческомъ караванѣ, проходила совершенно безвозмездно; мѣжду тѣмъ за такую службу полагалось жалованье по 1000 и по 2000 руб., но именно тѣмъ торгово служилымъ людямъ, которые часто назначались къ торговымъ дѣламъ московскаго правительства: „которые бывають на государевыхъ службахъ въ купеческой палатѣ и въ отгѣзжихъ торгахъ“¹⁾.

Вслѣдствіе того, что средній торговый человѣкъ, скорѣе проживался, чѣмъ наживался на государевой службѣ, онъ и не могъ смотрѣть на эту службу иначе, какъ на обузу. Если къ вынужденному участию средняго купца въ правительственной торговлѣ присоединить также „наряды“ его къ разнаго рода государственнымъ сборамъ—таможеннымъ, кабацкимъ и т. под.,—то это будутъ новыя причины обѣдненія средняго торговаго человѣка, обратившагося къ концу XVII стол. въ постояннаго слезнаго жалобщика предъ правительствомъ на свое оскуденіе и на невозможность, въ силу этого, нести государственное тягло. Особенно пострадало русское купечество въ смутное время, послѣ котораго изъ 350 купеческихъ семей, среднихъ и худыхъ (изъ гостинной сотни), осталось 158 семей; гостинная сотня просила „прибавочныхъ“ людей говоря, что „многіе люди обѣдняли отъ государевыхъ службъ

---

¹⁾ Вопросъ о приказѣ куп. д. Н. А. Попова, Ж. М. Н. Пр. ССЛXI, стр. 248.

и служить стало некому¹⁾. Оправиться же худымъ и даже среднимъ людямъ было невозможно, ибо этому мѣшало то социальное давленіе, которое они испытывали отъ „прожиточныхъ“ людей, бывшихъ въ милости у власти. „Прожиточные“ купцы, приобрѣтя достаточный авторитетъ въ правительственныхъ сферахъ, начали посылать на бездоходныя службы все тѣхъ же „среднихъ и худыхъ людей“, разоряя слѣдовательно ихъ не только монополіями, но и возложеніемъ на меньшую братію всего того, что было неудобно для нихъ самихъ—крупныхъ капиталистовъ. Напр., изъ Пскова писали на имя государя: „жалоба намъ бѣднымъ сиротамъ твоимъ сердечнымъ и мелкимъ людишкамъ на псковичей же посадскихъ прожиточныхъ людей... Тѣ прожиточные люди всякія дѣла городовыя и мірскія дѣлають и челобитчиковъ выбираютъ и посылають къ тебѣ Великому Государю, въ Москву безъ городского и мірскаго вѣдома среднихъ и мелкихъ людишекъ и безъ заручныхъ приговоровъ; отъ того намъ чинится великое разореніе и всякія подати, большія и частыя“²⁾. Если такъ относились къ рядовымъ купцамъ „прожиточные“ изъ посадскихъ, то легко признать справедливость показанія Кильбургера, что столичные капиталисты (гости и состоятельные купцы изъ гостинной и суконной сотенъ) тяжелымъ бременемъ лежали на торгово-промышленномъ классѣ: вѣдь гости и ихъ подручные („царскіе факторы“) были въ одно и тоже время и служителями и господами монополіи—служителями царской монополіи и монополистами *для себя*, въ силу службы царской. Итакъ мы намѣтили въ общихъ чертахъ социальное положеніе русскихъ торговыхъ людей въ зависимости отъ общихъ условій торговаго оборота въ Московскомъ государствѣ. Какъ мы видѣли, это положеніе характеризуется 1) привилегированной позиціей верхняго слоя, занятой имъ весьма прочно послѣ уничтоженія льготъ англійской компаніи, и 2) общественною и торговою угнетенностью нижнихъ слоевъ. Въ исходѣ XVII ст., когда размѣры социальной розни въ средѣ торговыхъ людей, стали вредно отражаться на государственныхъ финансахъ, на бѣдность низовъ этого класса обратило серьезное вниманіе само московское правительство.

¹⁾ Соловьевъ, т. 13, стр. 102 и 103.

²⁾ Ibid., стр. 120 и 121.

Въ указѣ 1699 г. ¹⁾ правительство признало фактъ разоренія торгово-промышленныхъ людей. вмѣстѣ съ тѣмъ оно пояснило, почему это случилось и почему это главнымъ образомъ неудобно. Оказалось, что это неудобно не только для самихъ разорившихся, но и для государственной казны, потому-что слишкомъ „умножилась“ недоимка въ податяхъ и появились разнаго рода „недоборы“. Это неудобство для государственныхъ финансовъ и было главнымъ мотивомъ реформы этого класса: „чтобы казнѣ было пополненіе“, мотивомъ, который невозможно пропустить даже при поверхностномъ изученіи юридическихъ источниковъ... Этотъ мотивъ въ объясненіи вообще реформъ петровскаго времени не вчера былъ выдвинутъ и нашими историками, благодаря чему весьма обстоятельно уже обслѣдованъ въ ученой литературѣ, какъ на почвѣ юридическаго, такъ и финансоваго матеріала ¹⁾; поэтому мы считаемъ вполне достаточнымъ ограничиться здѣсь лишь нѣкоторыми замѣчаніями по вопросу объ административныхъ учрежденіяхъ для торгово-промышленнаго класса.

Причину даннаго разоренія правительство усмотрѣло не въ тѣхъ явленіяхъ, которыя были въ этомъ вопросѣ существенными, а въ побочныхъ обстоятельствахъ, которыя могли до нѣкоторой степени обострять социаль-финансовый кризисъ, но которыя отнюдь не могли быть, да и не были *основною причиною* разоренія. По мнѣнію правительства, вся бѣда заключалась въ томъ, что управленіе торгово-промышленнымъ классамъ было разбросано по „многимъ приказамъ“, при чемъ какъ въ этихъ центральныхъ учрежденіяхъ, такъ въ областяхъ начальство состояло изъ лицъ, чуждыхъ торгово-промышленному классу; на долю выборныхъ изъ купцовъ для нихъ же самихъ, а не для государевой торговой службы, была оставлена только раскладка податей.

---

¹⁾ П. С. З., т. III, № 1674.

²⁾ П. А. Мулловъ: Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по устройству городского управленія; А. П. Пригара: Городскіе обыватели при Петрѣ Великомъ; Дитятинъ: Устройство и управленіе городовъ въ Россіи въ XVIII ст.; П. Н. Милуковъ: Государственное хозяйство въ 1-й четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго.

Чтобы сдѣлать матеріальное положеніе торгово-промышленныхъ людей лучше, „Великій Государь“ рѣшилъ устроить управленіе ими на болѣе раціональныхъ началахъ: было приказано объединить торгово-промышленныхъ людей въ одномъ учрежденіи. Идея этого распоряженія не была новой. Еще одному изъ вліятельныхъ членовъ правительства царя Алексѣя, Ордыну-Нащокину, удалось провести эту мысль въ законодательство, именно въ ново торговый уставъ; но она тогда имѣла значеніе лишь какъ *pium desiderium*, и въ такомъ положеніи дѣло оставалось до тѣхъ поръ, пока этою мыслью не воспользовался Петръ Великій. Проектировавшійся Ордынѣмъ — Нащокинымъ, довольно таинственный, „пристойный приказъ“ для управленія торгово-промышленными людьми, принялъ подъ другими названіями вполнѣ опредѣленные очертанія. Самое типическое, что характеризуетъ петровскія учрежденія этого рода, это—выборъ администраціи изъ среды управляемыхъ; эта черта однако была не новостью уже какъ фактъ, потому что „государева купецкая казна“ давно „вѣдалась“ торговыми людьми въ „купецкомъ“ приказѣ или „купецкой палатѣ“; теперь только этотъ фактъ изъ сферы государева торговаго дѣла былъ перенесенъ въ болѣе широкую область всѣхъ русскихъ купцовъ; люди, считавшіеся компетентными въ непосредственномъ „умноженіи“ казны отъ царской торговли, были признаны компетентными и въ увеличеніи „сборовъ“ съ торгово-промышленнаго класса.

Итакъ первый указъ о реформѣ въ управленіи торгово-промышленнымъ классомъ, а также и послѣдующія реформаціонныя мѣропріятія въ этой области исходили изъ убѣжденія законодателя въ томъ, что главная причина обѣдненія купеческой массы заключается въ недостаткахъ административной организаціи и въ злоупотребленіяхъ чиновниковъ; законодатель надѣялся, что стоитъ только централизовать управленіе и отдать его въ руки самихъ торговыхъ людей, какъ „разоренія“ торговой группѣ „чинено“ не будетъ и „сборы“ съ нея въ казну станутъ поступать гораздо аккуратнѣе, чѣмъ при хищническомъ воеводско-приказномъ управленіи; кромѣ того, законодатель при этомъ имѣлъ въ виду круговую финансовую отвѣтственность выбранныхъ и ихъ избирателей предъ правительствомъ. Практика новыхъ учрежденій въ скоромъ времени доказала неосновательность этихъ надеждъ, и не

только потому, что привычки, воспитавшіяся и окрѣпшія въ обществѣ въ теченіи вѣковъ, не могли быть добродѣтельными и у выборныхъ, но и потому, что наиболѣе существенная причина обѣдненія большинства торгово-промышленныхъ людей продолжала развиваться параллельно съ реформаторскими опытами въ административной области. Эта *наиболѣе важная причина* заключается въ *особенномъ положеніи высшаго разряда „купецкихъ людей“* въ Московскомъ государствѣ, т. е. въ томъ фактѣ, который мы пытались установить, анализируя явленія торговаго оборота до Петра Великаго.

Мы видѣли, что московское правительство будучи самымъ крупнымъ дѣятелемъ въ русскомъ торговомъ мірѣ, иногда передавало значительную часть своего права на торговлю иностранцамъ, а во второй половинѣ XVII стол. „своимъ гостямъ“, успѣвшимъ выслужиться и „обогатѣть“, на казенныхъ торговыхъ дѣлахъ. Правительство видѣло болѣе или менѣе ясно, что финансовыя выгоды могутъ быть скорѣе всего связаны съ развитіемъ крупныхъ торговыхъ предпріятій, почему и спѣшило укрѣпить ихъ привилегіями, такъ какъ у русскихъ купцовъ не было къ большому дѣлу достаточно навыка и охоты. Привилегіи явились тою приманкой, которая должна была воспитать вкусъ къ торговому риску.

Но русскіе капиталисты—гости и ихъ агенты, хотя и были привилегированной торговой группой, все же дѣйствовали въ своихъ операціяхъ примитивно, безъ организаціи, скорѣе въ разбродъ, чѣмъ дружно, скорѣе къ тому же опираясь на свой официальные полномочія, чѣмъ на обдуманый торговый планъ... Торговля компаніи иностранцевъ, оперировавшія въ Московскомъ государствѣ, были у всѣхъ предъ глазами, но никто и не думалъ имъ подражать даже тогда, когда иностранцы уже не имѣли исключительныхъ привилегій, а московскіе „гости“, повидимому, владѣли достаточно крупными капиталами.—Гости и въ концѣ XVII стол. довольствовались лишь тѣмъ, къ чему прибѣгали сами ихъ верховные хозяева: передавали излишекъ своего права на торговлю другимъ, неофициальнымъ, капиталистамъ, разумѣется, не въ убытокъ самимъ себѣ.

Петръ Великій, болѣе своихъ предшественниковъ озабоченный „пополненіемъ“ казны для трудныхъ политическихъ

предпріятій его времени и болѣе своихъ предковъ убѣжденный въ зависимости „казны“ отъ состоянія торговли и промышленности въ странѣ, рѣшилъ внести *организацию* въ эти отрасли народнаго труда. Крупный торговый оборотъ прежде всего привлекъ его вниманіе и заботы; его преемники пошли по той же дорогѣ, которая, какъ мы видѣли, была проторена еще московскій торговой политикой, пользовавшейся только болѣе простыми средствами.

II-я Глава.

Торговая компания, какъ средство поднять доходность казны отъ крупнаго торговаго оборота.

Въ 1699 г., когда начались реформы управленія торгово-промышленнымъ классомъ, Петръ Великій обнародовалъ указъ, повелѣвавшій „купецкимъ людямъ“ торговать также, какъ торгуютъ въ иныхъ государствахъ, *компаніями* и... имѣть всѣмъ купецкимъ людямъ межъ собой съ общаго совѣта установленія, какъ пристойно бѣ было къ распространенію торговъ ихъ, отъ чего надлежитъ быть казны пополненіе“¹⁾. Преобразователь здѣсь кратко, но вполнѣ опредѣленно намѣтилъ конечную цѣль „распространенія торговъ“ въ странѣ —увеличеніе доходовъ государственнаго казначейства, очевидно, чрезъ умноженіе всякаго рода „сборовъ“ съ болѣе развитой торговли, чѣмъ та, которую Петръ Великій засталъ. На сколько преобразователь былъ заинтересованъ торговлею именно въ этомъ смыслѣ—показываютъ не одни официальные указы его времени, но и его частныя замѣтки въ записныхъ книжкахъ; такъ въ записной книжкѣ 1702 и 1703 гг., т. е. въ самое скудное для русскихъ финансовъ время царствованія Петра Великаго имъ было помѣчено: „о пропускѣ товаровъ за деньги нужды ради и жидамъ приѣздъ свободный“ и еще раньше, въ 1701 г. такъ-же лаконично: „о жидахъ изъ Испаніи: къ Озову торговать и мѣсто дать“²⁾, очевидно, съ петровской точки зрѣнія, тоже „нужды ради“, которая такимъ образомъ успѣш-

¹⁾ П. С. З., т. III, № 1706.

²⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, т. 2-й, 309—316 стр.

но конкурировала съ національною боязнью опасности отъ еврейскаго племени. „Нужда“ дѣйствительно была сильна и, какъ извѣстно, „ради“ нея Петръ Великій прибѣгалъ къ разнымъ способамъ борьбы съ ней, способамъ большею частью завѣщаннымъ практикою московскаго государственнаго хозяйства; но это не исключало и того, что Петръ Великій въ болѣе зрѣломъ возрастѣ могъ имѣть „очень здравыя мысли о полезномъ и вредномъ для торговой промышленности въ его царствѣ“¹⁾. Современникъ, написавшій о Петрѣ В. и его реформѣ очень неспокойный трактатъ, высказываетъ убѣжденіе, что „главнымъ намѣреніемъ“ Петра В. „въ торговомъ дѣлѣ постоянно было то, чтобы сдѣлать изъ своихъ подданныхъ настоящихъ купцовъ и довести до того ихъ, чтобы они отвозили товары и сбывали ихъ въ чужихъ краяхъ, не черезъ посредство другихъ мореплавательныхъ народовъ, а на собственный счетъ и на своихъ судахъ“²⁾. Между тѣмъ рускіе торговцы были очень далеки отъ подобныхъ желаній; они слишкомъ привыкли къ стариннымъ способамъ торговли и недовѣрчиво относились къ новымъ, требовавшимъ больше подвижности и предприимчивости, чѣмъ эти качества могли развиваться у русскихъ купцовъ въ ихъ официальной и полуофициальной торговлѣ съ одной стороны и въ сильно стѣсненной торговлѣ первыми ея видами—съ другой. Непосредственное торговое сношеніе съ иностранцами цугало русскихъ купцовъ очень долго; поэтому со времени перваго указа объ учрежденіи торговыхъ компаній прошло довольно лѣтъ, прежде чѣмъ это предложеніе было осуществлено въ дѣйствительности. „Понужденія“, посредствомъ правительственныхъ указовъ, какъ напр., въ 1711 году³⁾, плохо раз-

¹⁾ Фоккеродтъ: Россія при Петрѣ В., въ Читеніяхъ Общества Исторіи и древн. Рос., 1874 г., кн. 2.

²⁾ Ibid.

³⁾ П. С. З. IV, № 2330; именной указъ 2-го марта; «Торгъ Китайскій сдѣлавъ, компанію добрую, отдать. П. С. З. IV, № 2349: указъ 13 апрѣля; въ пунктахъ, объявленныхъ Петромъ В. Сенату, между многими другимъ, предписывалось: по свѣдѣніямъ Сибирскаго приказа разсмотрѣть состояніе Китайскаго торговаго до 1705 г., когда «изъ торговыхъ людей никому ни съ какими товарами въ Китай ѣздить было не велѣно»; теперь дѣло другое: о состояніи Китайскаго торговаго надо было знать «для опредѣленія компаній, дабы китайскій торгъ былъ свободенъ и ко умноженію пошлинъ».

бывали твердыя „купецкія“ привычки. Для того, чтобы „поспѣшествовать торговлѣ“, въ нѣкоторыхъ европейскихъ городахъ были учреждены агентуры (1715—1723)¹⁾, но всё это на первыхъ порахъ мало помогало дѣлу. О жалкомъ его состояніи мы узнаемъ отъ самого правительства, изъ указа 1724 г. объ учрежденіи компаніи для торгу съ Испаніей. Повелѣвъ „собрать компанію изъ торговыхъ людей“, Петръ Великій отдалъ её въ управленіе коммерцъ—коллегіи, которая должна была заботиться о „сей новости“, какъ мать надъ дитятею, пока въ совершенство придетъ“. Иначе вельзя было поступить, по мнѣнію Петра Великаго: „понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не пойдуть“²⁾.

Желая, во что бы то ни стало, пріохотить русскихъ купцовъ къ торговымъ путешествіямъ въ чужіе края, Петръ В. не жалѣлъ на это средствъ; онъ снабдилъ компанію „кораблями, матросами отъ адмиралтейства“ и отчасти деньгами³⁾. Но въ первое время и такая заботливая политика не достигала цѣли. Фоккеродтъ сообщаетъ, что первыя попытки извлечь выгоду изъ торговли съ Испаніей и Франціей окончились полной неудачей, не смотря на то, что Петръ Великій „обязалъ своихъ богатѣйшихъ купцовъ—собрать значительныя склады пеньки, льна, корабельныхъ канатовъ и другихъ русскихъ товаровъ“ для отсылки ихъ на казенныхъ корабляхъ въ эти государства вмѣстѣ съ „пушками, морскими ядрами, бомбами и корабельными якорями“ отъ казны... „Расходы“, говоритъ Фоккеродтъ, „поглотили весь капиталъ, и имѣвшіе доли въ барышахъ“ отъ этой торговли „получили немного или ничего“⁴⁾. Вообще, Петру Великому не удалось не только „вырвать морскую торговлю изъ рукъ иностранцевъ“, о чемъ онъ мечталъ по свидѣтельству Фоккеродта, но—и видѣть сколько-нибудь прочно поставленнымъ дѣло привилегированныхъ торговыхъ компаній.

Петръ В., впрочемъ, и не могъ исполнить того, о чемъ мечталъ, ибо интересы торговли русскаго купечества онъ, по необходимости, долженъ былъ подчинить требованьямъ казны. Дѣло въ томъ, что въ продолженіе всего царствованья Петра

¹⁾ См. у П. Н. Милюкова: Государственное хозяйство, стр. 533.

²⁾ П. С. З., VII, 4540.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Чтенія Общ. Ист. и Др.: Россія при Петрѣ В.; 1874 г., кн. 2.

Великаго „казна“ занималась торговлею на свое имя, при чемъ она объявила своей монополіей гораздо большее количество товаровъ, чѣмъ даже это практиковалось въ московскій періодъ. А мы видѣли, что такъ называемый „государевъ торгъ“ создалъ въ лучшемъ случаѣ выгодное положеніе *крупныхъ русскихъ купцовъ*, сравнительно съ другими категоріями торговыхъ людей, но и только: *на торговлю* всего русскаго купечества онъ могъ вліять и дѣйствительно вліялъ только подавляющимъ образомъ; само собой понятно, что это явленіе принуждено было развиваться и въ XVIII столѣтіи, такъ какъ для того на лицо оказывались даже лучшія условія, выражавшіяся еще въ болѣе ревнивыхъ отношеніяхъ правительства къ торговому обороту, чѣмъ раньше...

Подъ вліаніемъ вышеотмѣченной „нужды“ старинный приѣмъ полученія доходовъ непосредственно отъ казеннаго торговаго была исчерпанъ до конца. Апогей этого торговаго слѣдуетъ отнести къ 1714 году, когда казенными товарами были объявлены, кромѣ прежнихъ (клея, ревеня, смолы и икры), еще слѣдующіе: воловья шерсть, пенька, поташъ, смольчугъ, сало, воскъ, масло конопляное, сѣмя льняное и щетина. Это направленіе правительственной дѣятельности обращало на себя понятное вниманіе иностранцевъ, какъ и раньше, указывавшихъ, что преувеличеніе казеннаго торговаго „стѣсняло и убивало торговлю въ Россіи“¹⁾. Правитель-

---

¹⁾ Джонъ Перри приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Флетчеръ и, можетъ быть, не безъ его вліанія, описываетъ правительственныя монополіи: царскіе прибыльщики «скупаютъ и присвояютъ только себѣ многіе изъ главныхъ товаровъ, составляющихъ богатство страны, какъ-то поташъ, деготь и пр., покупаютъ большое количество товаровъ и затѣмъ возвышаютъ цѣны на нихъ, запрещая русскимъ купцамъ продавать этотъ товаръ до тѣхъ поръ, пока товаръ скупленный такимъ образомъ для царя, будетъ весь распроданъ по установленной ими цѣнѣ» и пр. (Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, стр. 162). Или вотъ мѣсто, составленное во вкусѣ Герберштейна и Флетчера: «Когда по прибытіи въ Архангельскъ товаровъ изъ заграничныхъ рынковъ, объявлено было, что они необходимы для нуждъ царя, то, вслѣдъ затѣмъ отдавалось приказаніе, чтобъ никакой русскій купецъ или кто-либо другой не смѣлъ покупать товаровъ, пришедшихъ въ пристань, прежде чѣмъ будетъ скуплено всё то, что требуется для царя». (Ibid., стр. 163). 11-го Февраля 1707 г. частнымъ лицамъ было запрещено торговать дегтемъ, коломазью, мѣломъ, жиромъ, рыбнымъ саломъ;

ство „попрежнему“ торговало не только туземными товарами, но и заграничными, закупаая ихъ, какъ у себя дома, такъ и въ европейскихъ портахъ при помощи своихъ агентовъ ¹⁾.

Такова была практика, и это одновременно съ тѣмъ, какъ Петръ Великій подумывалъ о „вольномъ торгѣ“. Уже въ 1711 г. преобразователь распорядился спросить у купцовъ мнѣніе о свободномъ торгѣ, который онъ хотѣлъ установить для всякаго чина людей, „если подлинно“ для „купеческихъ“ людей не будетъ отъ этого ущерба. Это указываетъ, что Петръ Великій хотѣлъ сдѣлать торговлю доступной для всѣхъ своихъ подданныхъ, не обращая вниманія на ихъ классовыя дѣленія. Видя, что торговый классъ не оправдываетъ надежды доставить, посредствомъ организованной торговли, необходимаго Петру Великому „пополненія“ казны, онъ и рѣшилъ привлечь въ компаніи всякаго, желающаго пустить свой капиталъ въ торговый оборотъ. Заботясь же главнымъ образомъ о крупномъ оборотѣ, Петръ Великій естественно имѣлъ въ виду людей, способныхъ на значительныя затраты. Сказанное усматривается изъ его порицанія дѣйствіямъ сената въ дѣлѣ „предложенія“ (въ 1711-мъ году)—учредить китайскую компанію; Петръ В. былъ недоволенъ тѣмъ, что предложеніе было сдѣлано однимъ купцомъ: „невозможно, чтобы посадскимъ однимъ въ такое великое дѣло вступить; но искать, чтобы изъ знатныхъ людей нѣсколько человѣкъ и при нихъ торговые въ оное вступили“ ²⁾.

Но это пока была теорія, встрѣтившая сильную оппозицію въ „купеческихъ“ людяхъ за ея универсальность, за распространеніе права торговли на „всякаго человѣка“. Торговые люди очень желали бы „вольнаго торга“, но только для себя. П. Н. Милюковъ приводитъ изъ кабинетскихъ бумагъ государ-

---

эти предметы поступили въ казенную продажу, которая должна была производиться выборными цѣловальниками; но частныя лица не слушались и торговали; 21-го Іюля послѣдовало подтвержденіе (И. С. З., IV, 2153); 1-го іюля 1709 «щетинный торгъ» было велѣно «вѣдать санктпетербургской канцеляріи», такъ какъ откупщикъ Любъ «съ торга откупныхъ денегъ не доплатилъ» (И. С. З., IV, 2234); Сборн., Импер. Истор. Об., XXXIX., стр. 262 и у П. Н. Милюкова: «Государств. хозяйство», стр. 219.

¹⁾ Фоккеродтъ: Чт. О. И. и Д. Р., 1874, кн. 2-я; П. Н. Милюковъ: Госуд. хоз., стр. 219 и 220.

²⁾ П. Н. Милюковъ: Государств. хоз., стр. 623.

ственного архива совѣтъ нѣкоего Ивана Филиппова не допускать „вышнихъ и ближнихъ людей“ къ торговлѣ: „если имъ торговать не повелѣно будетъ“, то „отъ того въ государствѣ... будетъ великій и честный многоприбыльный интересъ“¹⁾. Точно также думалъ и извѣстный Посошковъ.

Будучи такъ ревнивы въ охраненіи своихъ исключительныхъ правъ на торговлю, купцы однако были скупы на выдачу тѣхъ суммъ, которыя правительство требовало отъ нихъ за откупное содержаніе. Въ томъ же 1711-мъ году, когда Петръ Великій спрашивалъ ихъ мнѣніе о „вольномъ торгѣ“, онъ получилъ и донесеніе о томъ, что, вслѣдствіе требованья правительствомъ за китайскій торгъ суммы въ 260,000 руб., ежегодно, компанію составить „невозможно“; нуженъ капиталъ въ 1½ мил., который не только немисливо собрать даже въ продолжительное время, но нельзя ожидать и согласія между „компанейщиками“, вслѣдствіе именно этой медленности организованія дѣла²⁾. Вотъ такого-то рода препятствія въ быстромъ полученіи доходовъ отъ „свободнаго торга“, долго и побуждали Петра В. на практикѣ всё болѣе и болѣе расширять кругъ казеннаго оборота. Всё дѣло заключалось въ той же неотлагательной „нуждѣ“ въ деньгахъ сейчасъ же, сію минуту; тутъ отбрасывались всякія теоретическія соображенія, и правительство было готово на всякія мѣры, лишь бы только онѣ вели къ ближайшей цѣли. Не даромъ одинъ изъ иностранныхъ наблюдателей этой „нужды“ (Витвортъ) думалъ, что въ виду необходимости денегъ для армій, „министры готовы предпочесть дѣйствительнымъ выгодамъ казны какой угодно ничтожный, но только наличный доходъ“³⁾.

Таковы были практическія побужденія. Въ теоріи же и самъ Петръ Великій, и окружавшіе его составители проэктвъ, какъ русскіе, такъ и иностранные, были убѣждены, что „наилучшимъ образомъ“ казна можетъ обогащаться лишь при свободномъ торгѣ; во всякомъ случаѣ—при значительномъ ограниченіи казеннаго торга. Современные Петру Великому публицисты указывали на благосостояніе подданныхъ, какъ на главное основаніе фискальной выгоды; Посошковъ говорилъ, что если купечество

¹⁾ Госуд. хоз., стр. 523.

²⁾ Ibid., стр. 524.

³⁾ Сб. И. Ист. Общ., XXXIX, стр. 45; приведено и у П. Н. Милюкова: Госуд. хоз., стр. 222.

не обоготится, то и „собиранію пошлинной казны умножится не отъ чего будетъ“; Салтыковъ въ своихъ сообщеніяхъ Петру В. въ 1712 г. заботился о такихъ „прибыляхъ, какъ внутреннихъ, такъ и вѣшнихъ“ при которыхъ „людямъ ни малой тягости не будетъ“; Люберасъ не былъ такъ наивенъ, какъ доморощенные совѣтники: онъ выказалъ и порядочную эрудицію, и систематичность; но, отстаивая „вольный торгъ“, Люберасъ, подобно другимъ прожектерамъ, свои краснорѣчивыя разсужденія о поднятіи промышленности въ странѣ и о развитіи мореплаванья связывалъ съ казенной пользой. Такъ, критикуя тотъ случай, „когда государь, либо за свой собственный счетъ возьметъ извѣстную торговлю, либо дозволить другимъ лицамъ монопольную торговлю за ежегодное вознагражденіе“, Люберасъ замѣчаетъ: „отъ этого по видимости и вначалѣ казна можетъ нѣсколько выиграть, но въ дѣйствительности наибольшую выгоду извлекаетъ руководитель предпріятія“¹⁾.

Словомъ, можно сказать, что идея о наилучшей выгодѣ „свободнаго торга“ для національной торговли и государственнаго хозяйства давно носилась въ воздухѣ²⁾. Для Петра Великаго, въ наблюдательности и сообразительности котораго невозможно сомнѣваться, не было ничего легче, какъ воспринять меркантильную идею непосредственно изъ европейской торговой дѣйствительности; тѣмъ болѣе, что онъ къ ней внимательно присматривался. Зависимость между экономическимъ преуспѣяніемъ подданныхъ и интересами государственныхъ финансовъ, зависи-

---

¹⁾ См. соч. П. Н. Милюкова: «Госуд. хоз.» и пр.: извлеченія изъ рукописныхъ прожектовъ въ гл. 8-ой.

²⁾ Но этотъ «свободный торгъ», какъ одно изъ основаній такъ называемой покровительственной системы въ торгово-промышленной политикѣ, болшинствомъ понимался именно такъ, какимъ онъ уже въ XVII ст. осуществился въ Западной Европѣ, т. е. лишь въ смыслѣ отдачи казенныхъ товаровъ въ частную торговлю—«въ народъ»,—однако со всѣми тѣми ограничительными условіями этой торговли со стороны государства, которыя дѣлали меркантильную «свободу» очень относительной, во всякомъ случаѣ не въ привычномъ для насъ смыслѣ «свободной конкуренціи». Сводъ данныхъ петровскаго торгово-промышленнаго законодательства см. у Аванасьева: «Государств. хозяйство при Петрѣ Вел.

мость, на которую указывали ему авторы проектов, не была для Петра Великого новымъ представлениемъ, какъ желательная перспектива, потому - что уже въ 1699 г., хотя и по другому поводу, въ указѣ объявлялось о надеждѣ на „пополненіе казны“, если будетъ облегчено положеніе торгово-промышленнаго класса ¹⁾. Итакъ, нельзя усмотрѣть ничего новаго въ *мотивировку* дѣйствительно новаго распоряженія объ отдачѣ всѣхъ казенныхъ товаровъ, кромѣ „смольчуга и поташа“, „въ народъ“. Въ указѣ 1719 г. также, какъ и за двадцать лѣтъ до него, говорилось, что государь объявляетъ вольный торгъ, „милосердую въ купечеству“.

Но во всякомъ случаѣ самый фактъ былъ новый. Мы однако ошиблись бы, если бы мы назвали этотъ новый фактъ началомъ *новой эры* нашей торговой политики, потому что дѣйствіе его продолжалось не такъ долго; непродолжительность же законодательной силы за отмѣненнымъ распоряженіемъ и раскрываетъ предъ нами *дѣйствительное обоснованіе* этого распоряженія, какъ легко догадаться, — *очень старое*, именно фискальный интересъ. Временами государственное казначейство сильно оскудѣвало. Требовались экстренныя его пополненія, а источниковъ на лицо не оказывалось, ибо всѣ обыкновенные были уже исчерпаны: тогда стоило только вспомнить старый приемъ полученія доходовъ отъ торговли, еще свѣжій въ памяти правительства... Объ этомъ приемѣ и вспомнило правительство императрицы Елизаветы Петровны въ 1746 г., когда сенатъ указомъ 29-го ноября подтвердилъ указъ 1714 года, запрещавшій частнымъ лицамъ вывозить перечисленные въ немъ товары куда бы то ни было, кромѣ „русскихъ пристаней“. Казенное „содержаніе“ внѣшней торговли продолжалось до 1754 г., когда коммерцъ-коллегія, обязанная, какъ извѣстно, заботиться о прѣуспѣяніи торговаго дѣла, добилась своими представленіями того, что сенатъ 18-го ноября разрѣшилъ вывозить „за государственную границу“ всѣ товары, исключая заповѣдныхъ. Но это распоряженіе оставалось въ силѣ меньше мѣсяца, не

---

¹⁾ Здѣсь прямо говорилось о томъ, что «Великій государь», «милосердую» о торговыхъ людяхъ, повелѣлъ устроить иначе управленіе ими, чтобы отъ того послѣдовало «казны пополненіе» (И. С. З., т. III, № 1674).

смотря на то, что было сдѣлано „для распространенія коммерціи“. 11 декабря было велѣно пріостановить дѣйствіе сказаннаго указа на томъ основаніи, какъ бы купцы не стали вывозить такихъ товаровъ, которые, будучи запрещенными, еще не объявлены къ свѣдѣнію, „по нѣкоторымъ резонамъ“¹⁾. Такъ внѣшняя русская торговля туго переходила изъ сферы правительственныхъ монополій въ частныя руки, почему туго и развивалась.

Трудно было боязливымъ русскимъ купцамъ рѣшиться на вкладыванье своихъ капиталовъ въ компанейское торговое дѣло, если они не могли быть увѣрены даже въ сохранности своихъ капиталовъ. Пониманіе неудобства такого порядка для развитія внѣшней торговли не было чуждо и официальному лицу, подавшему правительству „разсмотрѣніе“ о томъ, какимъ образомъ „компанейскій торгъ завести“ „съ пограничными около Сибири государствами и народами?“ По мнѣнію сибирскаго вице-губернатора Ланга, это возможно лишь при условіи, если никто изъ тѣхъ, которые пожелали бы „въ ту компанію вступить“, не будетъ имѣть „сомнительства“, что капиталъ компаніи не отберутъ „въ потребномъ случаѣ на государственныя нужды“²⁾.

Въ 1739 г. правительство подтвердило существовавшій казенный китайскій торгъ, не смотря на свое желаніе передать его въ руки частной компаніи. Характерно то, что о подтвержденіи говорилось въ указѣ (21 сентября), специально заявлявшемъ: „впредь китайскому караванному торгу не быть, а собрать компанію знатныхъ купцовъ и прочихъ персонъ, кто пожелаетъ въ оную китайскую компанію положить капиталъ“³⁾. Желających, очевидно, не находилось, и дѣло, вообще, шло плохо. Въ 1743 году правительство отмѣтило фактъ, что китайскіе товары стали привозить въ Россію изъ европейскихъ государствъ, тѣ товары, которые раньше „всегда отпускались на продажу изъ Россіи“; вслѣдствіе такой перемѣны въ дви-

¹⁾ П. С. З. XIV, 10335; въ 1757 году (8-го Августа) было велѣно илей выключить изъ числа запрещенныхъ для заграничной продажи товаровъ (XIV, 10754).

²⁾ Чулковъ: Историч. описаніе російской коммерціи, т. 3-й, ч. 2-я, стр. 244.

³⁾ П. С. З. X, № 7906.

женіи этихъ товаровъ, „китайскій съ Россіею торгъ не только съ помѣшательствомъ, но и съ великимъ убыткомъ происходитъ“. „Помѣшательство“ было устранено очень просто, вполне пассивнымъ способомъ, какъ въ 1-ой четверти XVIII стол. совѣтывалъ поступать туземный политико-экономъ Посошковъ и какъ вообще было склонно поступать и дѣйствительно поступало само правительство въ затруднительныхъ для него коллизіяхъ на международной торговой сценѣ: было запрещено ввозить въ Россію китайскіе и „подобные онымъ“ индѣйскіе товары изъ европейскихъ государствъ¹⁾. Очевидно, болѣе предприимчивые европейскіе купцы перехватили китайскій вывозъ у русскаго правительства.

Персидскій шелкъ тоже уходилъ въ Европу, хотя извѣстная армянская компанія за предоставленія ей русскимъ правительствомъ привилегіи и обязалась вывозить изъ Персіи въ Россію „весь шелкъ, сколько они тамъ промыслить могутъ“. Неисполненіе армянами этого условія послужило поводомъ къ отнятію у компаніи ея привилегій въ 1719 году²⁾; *дѣйствительное* же побужденіе правительства въ этомъ случаѣ исходило просто изъ общаго стремленія правительства отстранить иностранцевъ отъ русской привилегированной торговли и тѣмъ поощрить своихъ купцовъ къ большому торговому дѣлу, которое дало бы „казнѣ пополненіе“.

Итакъ, отсутствіе общиннаго настроенія въ русскомъ купечествѣ, унаслѣдованное отъ московскаго періода и не разъ отмѣченное Петромъ Великимъ, а также слишкомъ фискальное отношеніе самого правительства къ внѣшней торговлѣ, — вотъ главнѣйшія причины, почему русскіе купцы въ теченіе долгаго времени неохотно вступали въ торговыя компаніи. Впрочемъ, правительства, — какъ петровское, такъ и слѣдовавшія за нимъ, всю бѣду приписывали первой причинѣ, вовсе не замѣчая второй... Въ 1731 г. императрица Анна Ивановна въ именномъ указѣ, данномъ въ Москвѣ (18-го марта) тайному дѣйствительному совѣтнику, кн. Черкасскому, объявила: „увѣдомились мы о купцахъ“, которые, будучи „въ прошломъ году“ въ Хивѣ и Бухарѣ, „торгъ непорядочно производили и *отъ несогласія*

¹⁾ Ibid. XI, № 8828.

²⁾ Ibid., XV, 10848.

своего цѣну товаровъ уменьшили, а на тамошніе товары цѣну возвышали, отъ чего и впредь торгъ можетъ поврежденъ быть“. Императрица, „всегдашнее имѣя о государственной пользѣ попеченіе“, повелѣла кн. Черкасскому „разсмотрѣть о проступкѣ купцовъ, удержанныхъ въ Астрахани“, и рѣшить вопросъ, какъ лучше на будущее время „производить торгъ“— посредствомъ частной компаніи или отъ казны? ¹⁾ Неизвѣстно, какъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ кн. Черкасскимъ, но самая постановка вопроса центральною властью еще разъ показываетъ, что правительство очень затруднялось при столкновеніи своихъ стремленій—организовать компанейскій торгъ—съ антикомпанейскими привычками русскихъ купцовъ. И въ данномъ примѣрѣ, какъ разъ,—на такомъ торговомъ пути, на которомъ у русскихъ купцовъ всего скорѣе могли выработаться общинныя привычки, потому-что еще въ XVII ст. по средне-азиатской степи отъ времени до времени тянулись къ Бухарѣ и Хивѣ русскіе торговые караваны-артели... Этотъ торговый путь, интересовавшій съ давнихъ поръ европейцевъ и вызвавшій столько заботъ и жертвъ со стороны Петра Великаго, продолжалъ интересовать правительства императрицъ—Анны и Елизаветы. Въ 1752 г. Сенатъ послалъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ предложеніе—учредить на Каспійскомъ морѣ судовую морскую компанію именно для торга съ Бухарой и Хивой. На это предложеніе отъ названной коллегіи послѣдовало „доношеніе“ въ Сенатъ въ томъ смыслѣ, что „не стоитъ“ учреждать для торговли съ Бухарой и Хивой торговой компаніи, ибо торгъ съ этими государствами уже ведется изъ Оренбурга, что—далѣе—въ высшей степени непрактично строить на морскомъ берегу, у Балахвы, „хотя малую“, крѣпость. Аргументы для показанія непрактичности военнаго прикрытія къ средне-азиатской торговлѣ были выставлены слѣдующіе: персіяне, находящіеся ближе русскихъ къ границамъ туркестанскихъ владѣній, уже испытали неудачи съ этой стороны; тѣмъ возможнѣе потерпѣть ихъ русскимъ, отдѣленнымъ отъ своей родины моремъ, а проэктируемая „малая крѣпость“, легко можетъ быть уничтожена хивинцами; „ежели же большую крѣпость построить и для безопасности

---

¹⁾ Архивъ департ. тамож. сборовъ, д. коммерцъ-кол. № общаго катал. 5513.

въ ней довольный горнизонъ содержать“; то всё предприятие „не стоит“ той прибыли, которая можетъ быть получена отъ торговли съ средне-азиатскими ханствами. Коллегія иностранныхъ дѣлъ совѣтывала оставить всё такъ, какъ дѣло въ этихъ мѣстахъ было поставлено изстари; а именно: „пріѣзжаютъ“ купцы съ товарами на судахъ „къ берегамъ тухменскимъ (туркменскимъ) и продаютъ свои товары, не выгружая съ судовъ за опасность отъ разграбленія“; при благоприятныхъ условіяхъ, купцы, по мнѣнію коллегіи, могутъ проникать со своими товарами въ Бухару и Хиву. Сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, „приказавъ“ „знать“ губернатору „для вѣдома и пристойнаго компаніи объявленія“¹⁾.

О компаніи, упомянутой въ заключительныхъ словахъ сенатской резолюціи, мы узнаемъ изъ другихъ бумагъ, извѣстія которыхъ слѣдуетъ однако поставить въ связь съ только что переданными. Обстоятельства этого дѣла были таковы. Въ 1746 г. корабли, на которыхъ русскіе купцы торговали съ Персіей, были отобраны въ казну, чтобы „отъ здѣшней стороны“ персіяне „пользы получить не могли“ „продажей судовщиками такелажа“. Казенное содержаніе судовъ продолжалось до 1750 г., когда отъ астраханскаго магистратскаго президента Федора Кобякова и другихъ крупныхъ купцовъ поступило въ коллегію иностранныхъ дѣлъ „доношеніе“, въ которомъ испрашивалось возвращеніе судовъ изъ казны въ частныя руки. Приводились „резоны“; главнымъ образомъ, конечно, опирались на убытокъ, причиненный „здѣшней имперіи“ такимъ положеніемъ вещей; указывалось на то, что отъ недостатка шелка могутъ прекратиться здѣсь мануфактуры, заведенныя „съ великимъ иждивеніемъ“, а владѣльцы ихъ будутъ принуждены разориться; „прибытокъ“ отъ казеннаго управленія судами меньше для казны, чѣмъ отъ частнаго, потому что „гораздо больше“ выходитъ на „починку и содержаніе оныхъ“; да и рейсовъ казенныя суда дѣлаютъ меньше частныхъ, такъ какъ приходится ждать „полнаго груза“, а „отъ медлительности“—торгу остановка и „купцамъ неминуемое разореніе“. Сенатъ приказалъ возвратитъ суда частнымъ лицамъ, на которыхъ была возложена обязанность составить

---

¹⁾ Секрет. д. сенатскаго архива въ Петерб., № 1051; дѣло—1755 года.

компанію „для лучшаго впредь тѣхъ судовъ содержанія“¹⁾. Сопоставляя вышеприведенныя извѣстія съ только-что переданными, можно сдѣлать заключеніе, что въ 1752 г. Сенатъ хлопоталъ лишь о расширеніи дѣятельности уже учрежденной по инициативѣ Федора Кобякова съ товарищами морской судовой компаніи, желая сдѣлать её, такъ сказать, органомъ средне-азиатской торговли.

Нѣсколько отрывочныя данныя морской судовой компаніи показываютъ намъ проблескъ именно *иниціативы* къ компанейскому предпріятію со стороны самихъ купцовъ, хотя эта инициатива и обращена на очень немногое: лишь на перевозочныя средства торговли. Этотъ фактъ нѣкоторой купеческой самостоятельности виденъ и изъ того обстоятельства, что „пункты“, т. е. условія содержанія этой компаніи, были произведеніемъ мѣстнаго купчества, а не правительственной регламентаціей²⁾.

Время сдѣлало то, что могло сдѣлать. Въ головы наиболѣе состоятельныхъ и вліятельныхъ купцовъ постепенно проникла и тамъ укрѣплялась мысль, что, посредствомъ компанейской организациі, можно отлично пользоваться выгодами монополіи; но этотъ умственный процессъ, повидимому, происходилъ весьма медленно, ибо правительство „допрежнему“ продолжало указами вызывать желающихъ составить торговую компанію, „увѣщевать“ и заманивать купцовъ къ компанейскому торгу обѣщаніемъ привилегій³⁾. Чтобы не быть голо-

---

¹⁾ Секр. д. С. Ар., № 1457.

²⁾ «Пункты» компаніи были представлены въ губернскую канцелярію, при чемъ было изъяснено (это доноситъ губернаторъ), что «онѣ купцы объявили въ показанную судовую компанію положить своего капитала до 50,200 руб. (Секр. д. с. ар., № 1157).

³⁾ Какъ мы узнаемъ ниже, коммиссія о коммерціи въ 1742 году отрицала существованіе нѣсколькихъ компаній, которыхъ она однако не считала заслуживающими этого названія, именно: персидскую, бухарскую, хивинскую, украинскую, польскую, ишленскую (эстляндскую?) и прочія, о которыхъ нѣтъ извѣстій въ Полн. Собр. Зак. Повидимому, это были лишь одновременные захваты извѣстныхъ товаровъ «подъ видомъ компанейскаго торга» и, вѣроятно, посредствомъ стачекъ, наиболѣе крупными капиталистами. Къ числу такихъ компаній, несомнѣнно, принадлежала и та, которая была учреждена въ 1753 г. для торга чрезъ Темерниковскій портъ поселившимися въ 1750-мъ году въ Константинополь двумя русскими купцами (Семеновъ,

словными, приведемъ нѣсколько типическихъ чертъ изъ указовъ объ образованіи двухъ торговыхъ компаній—*константинопольской и персидской*.

Въ указѣ 2-го марта 1755 г. было отмѣчено существованіе спорадическихъ торговыхъ сношеній русскихъ купцовъ съ Константинополемъ („черезъ нѣкоторое время“); воспользовавшись этимъ фактомъ, правительство сдѣлало запросъ, не найдется ли охотниковъ эту „коммерцію компанією производить“, чтобы можно было дѣйствовать „по примѣру европейскихъ купцовъ“—учредить конторы и факторовъ. Если охотники найдутся, то чтобы явились въ Сенатъ, „коимъ, при такомъ новомъ учрежденіи, особливо нѣкоторые авантажи показаны будутъ“¹⁾. Но „авантажи“ долго не производили желательнаго Сенату впечатлѣнія: никто не являлся. Тогда чрезъ главный магистратъ обратились съ увѣщаніемъ къ „первостатейнымъ московскимъ купцамъ“, чтобы понудить ихъ составить компанію, и послѣ этого они „отъ того отреклись“²⁾. Наконецъ, только въ 1757-мъ году явились охотники—московскій купецъ Хостатовъ, калужскій—Шемякинъ и ярославскій—Ярославцевъ—всѣ „первостатейные“ купцы, которымъ и было дозволено составить компанію. Она получила право отпускать въ Константинополь и итальянскіе города всѣ товары, дозволенные указами: мягкую рухлядь, желѣзо, „такожь и чугуны во всякой посудѣ и въ другомъ отливномъ мастерствѣ (кромѣ пушекъ, бомбъ, ядеръ и прочаго военнаго ружья)“, при чемъ желѣза было дозволено вывозить до 100,000 пудовъ, а чугуна („въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ“) до 50,000 пуд.; затѣмъ: веревки, канаты, икру, рыбу, клей и т. под. Всѣмъ остальнымъ купцамъ было запрещено производить такой торгъ, „дабы отъ того сей компаніи никакого подрыва и помѣшательства происходить не могло“. Кромѣ того, правительство, недовольное отношеніемъ къ его публикаціи со стороны московскихъ „перво-

---

Изученіе историч. свѣд. о Россійской виѣшней торговлѣ и пр., часть 3-я, стр. 35). Эта компанія была уже слишкомъ «вольной», почему правительство и игнорировало её, вызывая въ 1755 году желающихъ составить компанію именно для торга съ Константинополемъ, но такую, которая получила бы организацію по правительственной инструкціи.

¹⁾ П. С. З. XIV, 10368.

²⁾ Ibid. XIV, 10694.

статейных“ купцовъ, повелѣло недопускать въ компанію „посторонних“, если послѣдніе не заявятъ о своемъ желаніи взять акціи въ теченіи полугода; по прошествіи этого времени, акціи должны поступить въ полное владѣніе директоровъ компаніи. Мѣстной администраціи, особенно командующему донскимъ войскомъ генералу-маіору Ефремову, предписывалось „содержать компанію“ „въ своей опеку и охраненіи“¹⁾. Тѣ же обязанности и въ такихъ же выраженіяхъ были возложены на астраханскаго губернатора и кизлярскаго коменданта по отношенію къ компаніи персидскаго торгова, учрежденной въ 1758-мъ году.

На правительственный вызовъ охотникомъ сначала явился ассесоръ Козьма Матвѣевъ „съ товарищи“; но онъ сталъ просить казенную субсидію, вслѣдствіе чего его ходатайство было отклонено. Армянинъ Манвелъ Иссахановъ, воспользовавшись этимъ урокомъ, согласился образовать компанію безъ правительственной субсидіи, и персидскій торгъ всѣми товарами, кромѣ военныхъ, былъ сланъ ему. Но отдавая „торгъ“ армянской фирмѣ, правительство обставило дѣло такъ, чтобы онъ не былъ всецѣло въ армянскихъ рукахъ. Хотя глава фирмы и былъ названъ оберъ-директоромъ, а его три брата директорами, тѣмъ не менѣе къ нимъ присоединили „изъ астраханскаго первостатейнаго купечества“ Федора Кобыкова въ качествѣ директора же и съ полномочіемъ, чтобы онъ представилъ въ директоры же еще трехъ человѣкъ, которые взяли бы акцій на 200,000 рублей (изъ 4000 акцій, по 150 руб. каждая). Кромѣ того Матвѣевъ „съ товарищи“, который, нѣсколько запоздало, выразилъ желаніе „взять компанію“ уже безъ субсидіи, удостоился преимущества „передъ прочими“ — получить акцій на 100,000 руб.; на 200,000 руб. было позволено взять еще тѣмъ, кто пожелаетъ, изъ „россійскихъ купцовъ“, которые „службы гражданскія служатъ“, а изъ инородцевъ — на 100,000 руб. и при томъ только „вѣчно поданнымъ“; членамъ провинившейся армянской компаніи было запрещено вступать во вновь организованное армянами же торговое дѣло²⁾, но теперь уже по правительственнымъ инструкціямъ. Общій

¹⁾ П. С. З. XIV, 10694.

²⁾ П. С. З. XV, 10848.

характеръ заботливости правительства о компаніи персидскаго торгова выразился еще въ одномъ маловажномъ, но типическомъ фактѣ: ея директоры получили право носить шпаги, чтобы компанія, какъ „торгующая отъ Россійскаго государства“ была бы „предпочтена другимъ“¹⁾. Словомъ, правительство тщательно опекало вновь учрежденныя компаніи; и не мудрено: онѣ замѣняли его „казенный торгъ“; къ тому же правительство надѣялось получить отъ нихъ болѣе устойчивыя выгоды, чѣмъ отъ непосредственнаго участія казны во внѣшней торговлѣ. Что компаніи были учреждены въ интересахъ государства—ясно усматривается и изъ того обстоятельства, что онѣ были отданы „въ вѣдомство правительствующаго сената по однимъ только тѣмъ дѣламъ“, которыя относятся исключительно къ торговымъ операціямъ компаній, „а по прочимъ и криминальнымъ особо, гдѣ надлежитъ“²⁾.

Такимъ образомъ въ рассматриваемый періодъ только на время и на нѣкоторыхъ путяхъ правительство передавало свое верховное право на торговлю значительнымъ капиталистамъ на извѣстныхъ условіяхъ, нисколько однако не отказываясь отъ него, какъ въ принципѣ, такъ въ иныхъ случаяхъ и на практикѣ, и поэтому оставляя за собой верховный контроль надъ дѣятельностью частныхъ компаній.

---

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. XIV, 10694; XV, 11848.

III-я Глава.

Мнѣнія (XVIII ст.) ¹⁾ по вопросу о поднятіи крупнаго торговаго оборота и указанія на то, что препятствовало его развитію въ Россіи.

Русская торговля въ XVIII стол. находилась подъ болышой опекой. Коммерцъ-коллегія была спеціальнымъ учрежденіемъ, на обязанности котораго лежала забота о преуспѣяніи всей промышленности и торговли. Но, кромѣ этого спеціальнаго учрежденія по торговымъ дѣламъ, каждая изъ коллегій, при удобномъ случаѣ, считалась компетентной въ обсужденіи торговыхъ вопросовъ, и мы видѣли, что представленія иностранной коллегіи относительно торговыхъ сношеній съ Хивой и Бухарой были приняты Сенатомъ, какъ вполне основательныя. Коллегіи и сами не были чужды торговыхъ операцій, ибо отъ „купецкой палаты“ къ нимъ перешло завѣдыванье казенными товарами, которые распределялись между ними сообразно съ практическими удобствами. Однако у коллегій и безъ торговли было достаточно своего спеціальнаго дѣла; поэтому всё то, что касалось торговыхъ совѣтовъ, являлось болѣе или менѣе случайнымъ и неудовлетворяло центральную власть; мало помощи въ данномъ отношеніи правительство видѣло и отъ коммерцъ-коллегіи, которая фактически сдѣлалась центральнымъ учрежденіемъ для управления торгово-промышленнымъ классомъ. Въ виду всего этого для тор-

---

¹⁾ До отрицательнаго отношенія русскаго правительства въ лицѣ Императрицы Екатерины II-й къ монополіямъ. См. въ заключеніи.

говыхъ совѣтовъ было образовано новое учрежденіе, которое начинаетъ функционировать со 2-ой четверти XVIII-го ст. Это учрежденіе должно было разсматривать поступавшіе въ его канцелярію торговые проэкты и жалобы и предлагать затѣмъ выработанныя совокупными усиліями „программы“ торговли къ свѣдѣнью центральной власти. Словомъ новое учрежденіе не чуждалось совѣтниковъ, но въ то же время само оно представляло наивысшаго совѣтника, своего рода—юристоконсульта по торговой части. Рѣчь идетъ о такъ называемой комиссіи о коммерціи. Будучи учреждена еще при Петрѣ В. ¹⁾, эта комиссія обнаруживаетъ свою дѣятельность не ранѣе 1726 г.; по крайней мѣрѣ, только съ этого года мы можемъ наблюдать эту дѣятельность по дошедшимъ до насъ бумагамъ комиссіонной канцеляріи. Изученіе дѣлопроизводства этой послѣдней дало намъ то общее заключеніе, что самыя жгучія заботы комиссіи сосредоточились на изысканіи средствъ улучшить крупную торговлю вообще и „казенную“ въ частности. Комиссія въ 1742 г. констатировала фактъ, что „купечество Россійское“ находится „въ плачевномъ положеніи“. Доискиваясь причинъ этого грустнаго явленія, она нашла, что главнѣйшая изъ нихъ лежитъ въ торговыхъ привычкахъ самихъ

---

¹⁾ Въ описи архива департ. тамож. сборовъ, составленной его покойнымъ архивариусомъ г. Кайдановымъ, учрежденіе этой комиссіи отнесено къ 1720 году, а конецъ ея дѣятельности къ 1749 г. Г. Кайдановъ извлекъ эти свѣдѣнія изъ дѣла объ учрежденіи этой комиссіи, зарегистрированнаго въ томъ же архивѣ. Изъ Полн. Собр. Законовъ мы знаемъ, что 17 марта 1727 года государыня императрица, «милосердуя о купечествѣ, видя оное въ слабомъ состояніи», повелѣла «для поправленія и разсмотрѣнія онаго» «учредить особливую комиссію, ... въ которой для того разсмотрѣнія опредѣленъ .... вице-канцлеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ баронъ Остерманъ съ товарищи»; при этомъ велѣно «публиковать»: «ежели который городъ или кто и партикулярно въ купечествѣ имѣеть какое недовольство или въ чемъ признаваетъ тягость, или сами усмотрятъ, что какъ генерально и партикулярно къ распространенію и умноженію купечества полезно быть можетъ, и то бы объявляли безъ всякаго сумнѣнія и опасенія съ яснымъ доказательствомъ, и подавали бы въ городахъ письменно генераль-губернаторамъ, и воеводамъ, которымъ, принимая то, неудерживая, отсылать въ учрежденную комиссію въ Санктпетербургъ, по которому чинено будетъ въ той комиссіи разсмотрѣніе къ народной пользѣ» (П. С. З., VII, 5093).

купцовъ; купцы „наипаче претерпѣваютъ другъ отъ друга“, ибо „мѣшаютъ“ другъ другу „въ своихъ торгахъ“. Это взаимное „помѣшательство“ казалось комиссіи результатомъ, какъ предоставленныхъ торговымъ людямъ правъ законодателемъ, такъ—и торговой практики. Комиссіи представлялось ненормальнымъ, что „всякому“ позволено торговать внутри государства и „заграницу отъѣзжать“, что „всякому“ позволено „держатъ“ „валовые и лавочные торги, и мастерскіе заводы и промыслы“. Препятствіемъ къ развитію торговли, по мнѣнію комиссіи, было и частое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ специальностей—ремесленно-промысловой и чисто торговой: такихъ купецкихъ энциклопедистовъ, если такъ можно выразиться, комиссіа считала разбрасывающимися на два дѣла; при этомъ она выражала убѣжденіе, что энциклопедисты „ни перваго, ни послѣдняго въ совершенствѣ не постигнутъ“... Эти торгово-промышленники, по мнѣнію комиссіи, „къ чести и къ незазорному житію привести себя не могутъ“. Немалымъ зломъ въ глазахъ комиссіи было и то, что „малоторговцы“ „повреждаютъ“ „настоящихъ купцовъ“. Какъ же это выходитъ? Очень просто: „малоторговцы“ „при портахъ“ не дожидаются настоящей цѣны, ибо имѣютъ въ виду лишь малый барышъ, „а иные“ продаютъ и съ убыткомъ для себя, чѣмъ „большія партіи почитай нагло убытчатъ“. Комиссіа такъ заинтересована „настоящими“ купцами, т. е. крупными капиталистами, что не хочетъ и разсуждать о непорядкахъ „въ мелочныхъ торгахъ и мастерствахъ“ и прямо переходитъ къ способамъ исправленія „плачевнаго“ положенія вещей въ русскомъ торговомъ мірѣ. Однако прежде всего она желаетъ узнать отъ „россійскаго купечества“ мнѣніе, „какимъ бы наилучшимъ образомъ“ ему самому раздѣлить торги по компаніямъ „не такимъ, какъ носится слухъ“; а „слухъ“ былъ такой: будто компаніи существуютъ только по имени, на самомъ же дѣлѣ всѣ торговыя операціи—въ рукахъ единичныхъ хозяевъ ¹⁾. Сама же комиссіа предлагала „снабдевать“ тѣхъ лицъ, „кто въ компанію запишется“,

---

¹⁾ «Якобы вступившіе въ компанію принуждаются однимъ людямъ свои капиталы вручать и отъ нихъ щеговъ требовать, но течію одно было имя».

привилегіями „по достоинству ихъ купечества и при томъ такими, чтобы никто изъ непрічастныхъ къ извѣстной привилегіи не могъ торговать тѣмъ же самымъ товаромъ ¹⁾), на который дана привилегія. При этомъ коммиссія выразила желаніе, чтобы въ компанію вступали лица, которые могутъ обязатья „имѣть свой торгъ“ на сумму не ниже 3000 и 4000 р., „дабы маломочные не повреждали другихъ имущихъ большіе торги“. Если же „мочный купецъ“ захотѣлъ бы вступить въ двѣ, три, даже во всѣ существующія компаніи, то ему принадлежатъ особенный почетъ и вниманіе ²⁾. Когда установится такой порядокъ, то, по мнѣнію коммиссіи, „всякъ воленъ торговать на свой счетъ, не давая никому отчету“. Остальные, которые не войдутъ въ компаніи, должны удовольствоваться: одни лавочными торгами, другіе отъѣзжими и ярмочными торгами, третьи мастерствами, „раздѣляя каждый особо и тако имѣя всякъ свое“ ³⁾.

Итакъ, коммиссія надѣялась поднять русскую торговлю тоже, какъ еще раньше центральная власть,—посредствомъ компаній съ широкимъ развитіемъ монопольнаго торга. Повидимому, коммиссія желала, чтобы каждый „компанейщикъ“ имѣлъ особую монополію, установленную для него всей компаніей,—владѣтельница извѣстнаго „торга“—константиновскаго, персидскаго и т. под.; иначе непонятно, какъ, участвуя въ компаніи, можно „торговать“, „не давая никому отчета“. Если это такъ, то слѣдовательно, по проѣкту коммиссіи, каждая компанія должна представлять какой-то конгломератъ отдѣльныхъ монополій, въ торговыхъ расчетахъ независимыхъ другъ отъ друга; при чемъ на долю собственно компанейскаго содержанія слѣдуетъ, кажется, отнести лишь установленіе съобща этихъ монополій и общій надзоръ за тѣмъ, чтобы компанейщики торговали именно тѣми товарами, на которые дана имъ привилегія, монополія тожь. Такая спеціализація въ торгахъ, а главнымъ образомъ между торгами и промыслами (чтобы „каждый имѣлъ всякъ свое“) была положена коммиссіей въ основу преуспѣянія торговаго оборота; при этомъ крупныя его представители настоятельно выдвигались ею на первый планъ; можно сказать, что только на нихъ и было обращено милостивое вниманіе

¹⁾ «Развѣ кто отъ самой той компаніи удостоенъ будетъ»....

²⁾ .... «таковой инаиаче за первѣйшаго почтенъ быть можетъ».

³⁾ Арх. департ. т. сб., дѣла коммиссіи о коммерціи, № 430.

коммисіи, чтобы „маломочные не повреждали мочных“. Это было бы необъяснимо, если бы не соответствовало вполне тому, чего ждало отъ торговли само правительство:—пользу для казны. Будучи давно убѣждено, что такая польза всего скорѣе „послѣдуетъ“ отъ крупнаго оборота, правительство учреждало для его усовершенствованья торговыя компаніи; видя, что послѣднія идутъ плохо, оно учредило совѣщательный по торговымъ дѣламъ органъ и потребовало отъ него указаній—какимъ образомъ улучшить „плачевное состояніе“ „Россійскаго купечества“; отсюда понятно, почему „органъ“ началъ стремиться къ улучшенію состоянія „мочныхъ“ купцовъ; это будетъ еще понятнѣе, если мы добавимъ, что „мочность“ русскихъ купцовъ была очень относительной; она была болѣе или менѣе внушительной на русской почвѣ, а никакъ не на международной. Богатые русскіе купцы были бѣдняками въ сравненіи съ европейскими крупными торговцами. По свидѣтельству Фоккеродта, Петръ Великій для торга съ Испаніей собралъ богатѣйшихъ купцовъ, а между тѣмъ въ указѣ было объявлено, что субсидія деньгами, караблями и матросами дается компаніи „ради скудости денегъ“¹⁾. Въ одномъ проектѣ „о коммерціи“ позднѣйшаго времени тоже отмѣчается недостатокъ у русскихъ купцовъ капиталовъ, вслѣдствіе чего „наши купцы всегда находятся въ зависимости отъ иностранныхъ“²⁾. Потому-то Петръ В. и началъ „понуждать“ русскихъ купцовъ къ составленію компаній: онъ ясно видѣлъ, что каждый русскій купецъ въ одиночку совершенно безсиленъ вести внѣшнюю торговлю сколько-нибудь раціональнымъ и успѣшнымъ образомъ; потому-то и частный прожекторъ заднимъ числомъ совѣтывалъ правительству „учредить компаніи или общества торговыя“: онъ полагалъ всю силу ихъ „въ общемъ богатствѣ“, благодаря которому „сильнѣе можно дѣйствовать“³⁾; потому же и въ послѣдующее время правительство заботилось о компаніяхъ: чтобы онѣ составлялись изъ самыхъ большихъ торговцевъ и по возможности безпрепятственно богатѣли; интересы остального торгового люда игнорировались. Если въ „разсужденіи“ коммисіи мы и не встрѣчаемъ

¹⁾ П. С. З. VII, 4540.

²⁾ Рукон. Импер. Пуб. Б., F, отд. II, № 55.

³⁾ Ibid.

столь же откровеннаго обоснованія ея заботъ о богатыхъ купцахъ, какое наблюдается въ правительственныхъ указахъ, то одной односторонности въ ея попеченіяхъ для насъ достаточно, чтобы не сомнѣваться въ отличномъ пониманіи комиссіею цѣлей правительства и ея собственнаго назначенія служить интересамъ крупнаго оборота. На сколько же правительство делѣяло крупный оборотъ очень рельефно показываетъ и объясненіе къ картинѣ, нарисованной по поводу изданія новаго тарифа (въ 1757 г.) и символически изображающей Россію, какъ покровительницу промышленности и торговли; толкователь картины свое бѣглое описаніе торговой эмблемы съ разными фигурами и гаванью заканчиваетъ указаніемъ на то, что „предъ фигурами лежатъ всякіе *крупные товары*“¹⁾.

Не менѣ частныхъ „крупныхъ товаровъ“ вниманіе комиссіи сосредоточивалось и на казенныхъ; въ началѣ ея существованія даже болѣе, потому что „россійскіе“ купцы всё еще мало товаровъ посылали за границу „на свой счетъ“. Коммиссія очень желала бы, чтобы „Россійское купечество сами умножали отпуски своихъ товаровъ за море и корреспондентовъ имѣли“; но такъ какъ этого „въ скорости“ было „учредить невозможно“, то слѣдовало прежде всего позаботиться о казенномъ отпускѣ²⁾. Въ 1728-мъ г. комиссія указывала центральной власти на слѣдующія обстоятельства. Казенные товары продавались при Россійскихъ портахъ, „а именно“: поташъ и смольчугъ отъ коммерцъ-коллегии, икра, клей, ремень изъ камеръ-коллегии. Эта продажа на русской территоріи, по мнѣнію комиссіи, крайне невыгодна; отъ такого порядка не казна, а иноземцы „прибыль себѣ получаютъ“. Слѣдовало бы казенные товары отпускать непосредственно въ Голландію и тамъ продавать чрезъ особую „коммиссію, кому ввѣрено будетъ“. Но тутъ предъ нашими торговыми совѣтниками вставало одно капитальное неудобство: „за моремъ россійскаго капитала не имѣется“. Этотъ недостатокъ приносилъ существенный вредъ казнѣ и по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что „за море“ правительство „для интересовъ ея императорскаго величества и разныхъ коллегій и канцелярій“ ежегодно преводило „чрезъ

¹⁾ Моск. Арх. М. Юст., Сенат. д., № 2848: «Объясненіе», какъ нелишенное нѣкоторой характерности, помѣщаемъ цѣликомъ въ «приложеніяхъ».

²⁾ П. С. З., VIII, № 5273.

вексель немалыя суммы денегъ“, „отъ чего“ „отъ времени до времени“ падалъ вексельный курсъ; это бывало именно въ тотъ моментъ, когда происходила „отдача изъ казны на вексель“: иноземцы, пользуясь отсутствіемъ за границей свободнаго русскаго капитала, особенно тѣ, которые не нуждались въ деньгахъ, намѣренно держали курсъ векселя очень низко; преднамѣренность же была, по мнѣнію комиссіи, вполне очевидна, потому-что такъ поступали и тѣ, „кому и надобны“ деньги. Если будетъ учрежденъ „за моремъ“ капиталъ, то такая зависимость отъ иностранныхъ купцовъ должна будетъ прекратиться, и тогда можно будетъ смѣло оперировать съ казенными товарами прямо на европейской почвѣ; кромѣ того, изъ нарочно учрежденнаго въ Архангельскѣ „довольнаго хлѣбнаго магазина“ тогда можно будетъ отпускать хлѣбъ за границу „въ такое время, когда за моремъ“ онъ повысится въ цѣнѣ. Вообще, когда „иноземцы станутъ знать, что есть свой капиталъ и затѣмъ въ векселяхъ не такъ властны будутъ“, можно будетъ, соображаясь съ курсомъ векселя, свободно производить операціи переводныхъ платежей... Тогда нечего будетъ опасаться иноземныхъ козней, хотя бы казенныхъ товаровъ отпускалось на сумму въ 150,000 руб., потому-что торговля поведется на равныхъ финансовыхъ условіяхъ съ той и другой стороны ¹⁾. Такимъ образомъ комиссія находила необходимымъ увеличить казенный отпускъ и поставить его въ наиболѣе выгодныя условія; дѣйствительно, въ этой сферѣ господствовала какая-то спутанность и случайность; въ распредѣленіи завѣдыванья казенными товарами, повидимому, преобладали частныя интересы; иначе—чѣмъ объяснить, почему поташъ и смольчугъ, которые, какъ намъ извѣстно, от-

---

¹⁾ Комиссія указывала на операціи переводныхъ платежей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «когда вексель повысится, тогда... отдавать деньги здѣсь, а въ Голландіи принимать по тѣмъ векселямъ ефимки и серебро» .... «когда, по умноженіи за моремъ капитала, понадобятся которой коллегіи за моремъ деньги, а вексель высокъ, то сами тѣ коллегіи будутъ черезъ вексель переводить, а буде вексель упадетъ, тогда изъ готовыхъ за моремъ денегъ взять, а здѣсь по вексельному курсу деньги въ коммерцъ-коллегію отдать, и какъ накі подыметъ, вексель тотъ послѣ за море перевесть» (Ар. Департ. тамъ сб., д. к. о коммерціи, № 80).

пускались изъ коммерцъ-коллегии, были внезапно изъ нея отобраны и поступили въ вѣдѣнне самого Верховнаго Тайнаго Совѣта ¹⁾). Коммиссія стремилась къ тому, чтобы казенные товары, идущіе въ продажу изъ разныхъ канцелярій, объединялись, наконецъ, за границей въ одномъ русскомъ учрежденіи съ коммиссіонерами и повѣренными изъ иностранцевъ, которое могло бы контролировать все то, что въ него поступало. Была ли однако учреждена особая торговая коммиссія въ Голландіи для сбыта казенныхъ товаровъ? На этотъ вопросъ мы не въ состояніи отвѣтить съ увѣренностью, потому-что знаемъ только указъ, объявленный 28 мая (1728 г.) Сенату отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта ²⁾, въ числѣ вліятельныхъ членовъ котораго находился бар. Остерманъ, бывшій въ то же время и предсѣдателемъ коммиссіи о коммерціи. Верховный Тайный Совѣтъ согласился съ предложеніями этой послѣдней и повелѣлъ привести ихъ въ исполненіе; но, прежде чѣмъ образовать особую торговую коммиссію за границей, онъ самъ предложилъ Сенату справиться съ мнѣніемъ на этотъ счетъ иностранной, камеръ и коммерцъ-коллегій, т. е. тѣхъ самыхъ, чрезъ которыя производилась казенная торговля. Въ дѣлопроизводствѣ совѣщательнаго правительственнаго органа мы нашли только весьма уклончивое мнѣніе коммерцъ-коллегии; она, указавъ на нѣкоторыхъ голландскихъ купцовъ, годныхъ въ члены торговой коммиссіи, однако оговорила, что лучше о нихъ „освѣдомиться“ у „россійскихъ министровъ“, пребывающихъ въ Голландіи и „прочихъ мѣстахъ“, потому-что имъ небезызвѣстно „о тамошнихъ знатныхъ купцахъ“; во всякомъ случаѣ коммерцъ-коллегія „мнитъ“ что опасно ввѣрять значительную сумму денегъ „тамошней персонѣ“; бываетъ нерѣдко, что и „знатные“ купцы становятся банкротами „въ краткое время“; поэтому „дабы повѣренный казенный капиталъ не былъ въ тратѣ“, „за лучший способъ“ „признается“ вести казенную торговлю „на наличныя деньги или съ добрыми поруками“ ³⁾. Не находя больше данныхъ ни въ печатныхъ, ни въ рукописныхъ источникахъ о проектировавшихся—заморскомъ капиталѣ и торго-

¹⁾ П. С. З., VIII, 5273.

²⁾ Ibid.

³⁾ А. д. т. сб., д. ком. о ком., № 83.

вой комиссії, мы въ правѣ на основаніи намъ извѣстнаго сдѣлать только то заключеніе, что предложеніе образовать новую и общую для всѣхъ казенныхъ товаровъ инстанцію очень не понравилось учрежденіямъ, вѣдущимъ казенную торговлю: имъ понятно, не хотѣлось имѣть контролирующихъ казенный отпускъ посредниковъ, вдобавокъ иностранцевъ,—между ними, органами центрального управленія, и иностранными торговыми фирмами; ясно также и то, что правительственные торговые совѣтники не сдѣлись и тянули дѣло въ разные стороны. Неудивительно, что дѣло не клеилось... Казенный торгъ, по признанію самого правительства, былъ плохъ; между тѣмъ этотъ плохой казенный торгъ являлся, такъ сказать, вынужденнымъ торгомъ, ибо, какъ намъ уже извѣстно, частныя лица крайне неохотно ѣхали торговать за море, не смотря на всѣ поощренія и понужденія къ этому со стороны власти. Но мы также знаемъ, что эти правительственныя заботы о торговлѣ въ значительной степени парализовались уже самымъ существованіемъ казеннаго торга. Такія заботы порождали лишь недовѣріе, и купцамъ приходилось начинать торги „не своею волею“, какъ они сами заявляли въ „комиссіи о коммерціи“, мотивируя этою „не своею волею“ свою просьбу объ освобожденіи ихъ отъ пошлинныхъ сборовъ. Кромѣ того, русскіе купцы жаловались комиссіи на то, что они потерпѣли „великіе убытки“, вслѣдствіе „незнанія того торгу“: продали свои товары за моремъ дешево, а купили иностранныя товары дорого ¹⁾. Это говорили купцы, торговавшіе въ 1724 г. по именному указу во Франціи. Отсюда очевидно, на сколько запоздали и въ то же время утопичны были совѣты прожектеровъ, предлагавшихъ, напр., „вывозъ въ чужія государства отнять у чужестранныхъ купцовъ и отдать то своимъ“ ²⁾. Совѣтывать это ничего не стоило, а сдѣлать это было весьма трудно. Правительство гораздо раньше подобныхъ совѣтовъ дѣлало въ этомъ смыслѣ опыты; но они не удавались; „зависимость“ отъ иностранцевъ не прекращалась, а прожектеръ тоскливо вопрошалъ: „какіе способы употребить, чтобы освободить русскихъ купцовъ отъ такой

---

¹⁾ П. С. З., VIII, 5274.

²⁾ Р. И. П. Б., Ф, отд. II, № 55.

зависимости?⁴ и начиналъ фантазировать на тему о банкѣ „изъ многихъ милліоновъ“, которыхъ хватило бы на всѣхъ; спохватившись, что занесся слишкомъ высоко, онъ себя урезонивалъ въ бесплодности такихъ желаній и въ концѣ концовъ предлагалъ „подумать“: нѣтъ ли какого-нибудь „иного способа достигнуть до сего намѣренья, сколь ни трудно кажется, удвоить капиталъ нашихъ купцовъ“? ¹⁾

Положительные „способы“—поднятіе промышленности и просвѣщенія—признавались въ теоріи наибавнѣйшими, и со времени Петра Великаго постоянно, до удивительнаго однообразія даже въ выраженіяхъ, повторялись и самимъ правительствомъ, и совѣтниками; рекомендовалось завести „купецкій флотъ“ и пріохотить русскихъ къ мореплаванью; совѣты валося правительству воспитывать мореходцевъ не посредствомъ рекрутства, которое являлось единственной и слишкомъ недостаточной школой, а болѣе раціональными способами: обучать „купецкихъ дѣтей“ въ специальныхъ школахъ, посылать ихъ въ иностранныя торговые города „съ предписаніемъ, чему и какъ тамъ учиться“, „соединяться въ компаніи съ иностранными купцами“ и т. п. ²⁾. Но эти способы, кажется, указывались болѣе изъ приличія, чѣмъ въ твердой надеждѣ что ими кто-либо воспользуется; это были общія мѣста, служившія скорѣе самимъ авторамъ проэкттовъ, какъ школьныя и нелишнія для образованнаго человѣка добавленія въ писаніяхъ такого рода, чѣмъ практическимъ задачамъ народной промышленности и торговли. Болѣе существеннымъ считалось устраненіе того, что *мѣшало* развитію торговли; указывали на то, что торгъ пойдетъ если „канцеляріи всего государства“ не станутъ въ него вмѣшиваться, „подъ какимъ бы видомъ оно ни было“, и это говорили, какъ официальные ³⁾, такъ и частныя лица ⁴⁾, шедшія, впрочемъ, по слѣдамъ самого правительства, которое давно нашло вредъ „канцеляріи“ даже въ сферѣ управленія торгово-промышленнымъ

¹⁾ Р. И. П. Б., Ф. отд. II, № 55.

²⁾ Ibid.

³⁾ Чулковъ: Истор. опис. російск. коммерціи, т. 3, ч. 2-я, стр. 244.

⁴⁾ Авторъ «проэкта» «о коммерціи» видѣлъ препятствіе къ развитію торговли, между прочимъ, въ разныхъ «привязкахъ и грабительствахъ» со стороны воеводъ и приказныхъ людей, которые «подъ прикрытіемъ испол-

классомъ; говорили также и о томъ, что невозможно до тѣхъ поръ преуспѣть во внѣшней торговлѣ, пока внутренняя „на добромъ основаніи не учредится“, т. е. пока окончательно не будутъ уничтожены внутреннія пошлины; „за нужное почитается“, говорилъ прожектерь, „всё сложить, ежели какіе еще остались сборы съ товаровъ“.... „Ежели корона изъ того какой доходъ и потеряетъ, то надобно вымыслить другой равномѣрный, который бы то замѣнилъ, словомъ, чтобы совѣзмъ внутри Россіи торговля была неотесненная и свободная“¹⁾. Это говорилось въ то время, когда уже очень много было испытано средствъ, чтобы „корона“ не только не теряла прежнихъ своихъ доходовъ, но и получала бы новые отъ торгово-промышленной сферы; но бѣда заключалась въ томъ, что русскій внѣшній оборотъ не могъ освободиться отъ иностранной зависимости и въ послѣдующія за Петромъ В. времена: прожектерь только и дѣлалъ, что мечталъ „объ иномъ образѣ коммерціи“, когда минетъ „нужда въ денежныхъ задаткахъ“ и когда „мы будемъ вольны какую хотимъ пошлину на товары налагать, такіе, въ которыхъ надобности мало“²⁾.

Въ 1758 г., по предложенію гр. П. Ив. Шувалова, было постановлено вновь образовать при Сенатѣ комиссію о коммерціи, которой, „по прежнему“, предлагалось „разсуждать“, „какимъ образомъ русскую коммерцію распространять въ чужестранныя области“.... „какъ раздѣлить русскихъ купцовъ компаніями“.... и т. под.³⁾.

Въ шестидесятыхъ годахъ, къ которымъ, повидимому, относится составленіе вышецитированнаго проекта⁴⁾, въ сущности повторялись тѣ же самыя общія мѣста „о коммерціи“, какія высказывались въ правительственныхъ указахъ въ на-

---

ненія по какому-либо указу» вели себя очень дурно «у разныхъ отпусковъ и переправъ», а также и «при таможенныхъ, гдѣ подъ видомъ пересмотру товаровъ иногда безъ нужды разрываютъ и задерживаютъ» (Р. И. П. Б., Ф, отд. II, № 55).

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Истор. Россіи С. М. Соловьева, т. 24, стр. 240 и 241.

⁴⁾ Проф. Новороссійскаго университета М. Шпилевскій приписываетъ составленіе этого проекта («о коммерціи», Р. И. П. Б., Ф, отд. II, № 55.) Ломоносову (Бесѣда, 1872 г. кн. I); А. Θ. Вычковъ, отрицая принадлежность проекта Ломоносову, относитъ составленіе его къ ближайшему времени послѣ смерти Ломоносова, (1765 г.) (см. Петербургскія Вѣдомости, 1872 г., № 92).

чалъ столѣтія. Такъ, напр., въ указѣ 1711 года высказывалась мысль, что для развитія торговли полезно учредить свободный торгъ для всякаго чина людей: и въ цитированномъ проэктѣ рекомендовалось „сочинить“ компаніи „изъ всякаго рода людей, т. е. изъ мѣщанъ, купцовъ и дворянъ, какъ то во многихъ государствахъ съ великою пользою производится“¹⁾. Вообще сходство въ указаніяхъ, совѣтахъ и мнѣніяхъ XVIII ст., касающихся торговли, поразительно и относится не только къ самымъ общимъ пунктамъ, но и къ нѣкоторымъ излюбленнымъ частностямъ. Существовало, напр., мнѣніе, что армяне очень способны къ персидскому торгу: такіе экономисты, какъ Рычковъ и Гмелинъ были убѣждены въ этомъ;²⁾ если и возбуждалось сомнѣніе въ полезности армянъ, какъ посредниковъ въ азіатской торговлѣ, то оно возникало въ средѣ правительства.

Въ концѣ концовъ изъ всѣхъ теоретическихъ разсужденій 50-хъ и даже 60-хъ годовъ XVIII ст. вытекалъ лишь одинъ выводъ, что всё въ дѣлѣ русскаго внѣшняго торговаго оборота лежитъ еще впереди, въ далекомъ будущемъ... Этотъ выводъ былъ дѣйствительнымъ фактомъ, а не результатомъ самообличенія, и несомнѣнно являлся показателемъ того, что всё еще плоха была основа торговли—промышленность въ странѣ. А между тѣмъ въ первую половину XVIII ст. не мало было предпринято мѣръ для усовершенствованія промышленности. Количественная сторона этихъ мѣропріятій болѣе или менѣе извѣстна. Предстоитъ вопросъ объ ихъ *качествахъ*, т. е. вопросъ объ ихъ истинномъ характерѣ, который можетъ быть раскрытъ только при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣйствительныхъ *цпей* и *интересовъ*, лежавшихъ въ основѣ правительственныхъ мѣръ.

---

¹⁾ Р. И. П. Б., Ф, отд. II, № 55.

²⁾ Рычковъ: «обращаясь въ торгахъ съ азіатскими народами, какъ діалекты ихъ языковъ, такъ и нравы»... армяне «довольно знаютъ» (Труды Вольнаго Экон. Общ., 1766 г., ч. 2-я, стр. 97); Гмелинъ тоже хвалитъ армянъ, какъ знающихъ языки персидскій и турецкій, а равно и обычаи этихъ странъ. (Разсужденіе «о каспійскомъ торгѣ, см. Ар. д. т. сб., д. к. о коммер.; № 25).

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

ПРОМЫШЛЕННЫЯ КОМПА- НИИ.

IV-я Глава.

Заводско-фабричная компанія, какъ средство удовлетворить потребностямъ правительства и развить обрабатывающую промышленность въ странѣ.

Никто, вѣроятно, не станетъ искать сколько-нибудь развитой заводско-фабричной промышленности въ Московскомъ государствѣ. Производительныя силы и средства Московскаго государства были ничтожны; они находились еще въ потенциальномъ, скрытомъ состояніи. Никому не новость тотъ общеизвѣстный фактъ, что громадное большинство древне-русскаго населенія было очень неприхотливо и довольствовалось тѣмъ, что могло произвести само, у себя дома и для себя, а не для продажи. Если брать въ расчетъ только обрабатывающую промышленность, то до петровская Русь была по истинѣ страной кустарей. Иначе быть не могло: предоставленный самому себѣ земледѣлецъ поневолѣ сдѣлался кустаремъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кустарная промышленность, въ силу вѣковой практики, достигала такого развитія, что произведенія кустарей могли успѣшно конкурировать съ произведеніями заводовъ, которые въ XVII ст. начали устраивать на Руси иностранцы. Такъ отъ 1674 года имѣется показаніе, что существовавшіе около Москвы три желѣзныхъ завода не приготавливали стали по той простой причинѣ, что въ сбытѣ именно этого произведенія заводы не выдерживали конкуренціи съ крестьянами,

дѣлавшими сталь при помощи „небольшихъ ручныхъ мѣховъ“; желѣзные заводы были принуждены также прекратить ковку гвоздей, потому что ихъ ковали дешевле тѣ же крестьяне ¹⁾. Но правящій классъ Московскаго государства гораздо раньше этого времени уже не могъ довольствоваться тѣмъ, что давали туземные ремесленники—вольные и невольные кустари. Прежде всего, конечно, почувствовалось отсутствіе тѣхъ предметовъ, въ которыхъ явилась „нужда“ для самого правительства. Правительство первое и сознало необходимость обратить вниманіе на значительно болѣе совершенную западно-европейскую технику и рѣшило такъ или иначе ею воспользоваться...

Ограничившись этими немногими замѣчаніями, я не стану останавливаться на общеизвѣстныхъ фактахъ, въ которыхъ выразились первыя попытки московскаго правительства въ означенномъ направленіи: такова, напр.,—вербовка за границей архитекторовъ, мастеровъ для литья пушекъ, таково же вышеотмѣченное ревнивое отношеніе князя къ привозимымъ на Русь иностраннымъ товарамъ и т. под. Торговья привиллеги, данныя англичанамъ, какъ то же было замѣчено выше, были лишь дорогой платой имъ за то, что они согласились снабжать московское правительство предметами западно-европейской техники, главнымъ образомъ военнаго дѣла, въ то время, когда шведы, ганзейцы, отзейцы и поляки хлопотали о томъ, чтобы всё, въ чѣмъ москвиты начали нуждаться, продолжало оставаться для нихъ недоступнымъ. Въ этотъ моментъ англійскія привиллеги были прямо необходимою и потому онѣ были полезны для московскаго государства, т. е. для его правительственныхъ сферъ; потомъ онѣ сильно затормозили и угнали національную торговлю, сдѣлались черезъ то безусловно вредными для государственной казны и потому были уничтожены. Подобнымъ образомъ по инициативѣ правительства были перенесены въ Московское государство цѣликомъ формы западно-европейскаго производства. На первыхъ порахъ обратились къ помощи иностранныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ; извѣстно, что первые заводы и фабрики на Руси принадлежали иностранцамъ ¹⁾, точно также, какъ первыя крупныя торговыя това-

¹⁾ Кильбургеръ стр. 160 и 169.

²⁾ Кильбургеръ, 160—170 стр., Ibid.—173 стр.

рищества были здѣсь иностранными. Кн. Щербатовъ, написавшій сочиненіе „о порокахъ и самовластіи Петра В.“ и очень сочувственно отнесшійся къ добрымъ правамъ до-петровскаго прошлаго, не пропустилъ однако того, чтобы отмѣтить, что до Петра В. на Руси „не было ни фабрикъ, ни ремесль, а что и было, и то находилось въ крайнемъ несовершенствѣ“. И не было потому, что „не знали и не могли хотѣть многихъ вещей, которыя Петромъ В. введены и нужны учинились“. Это говорилось о національной промышленности несомнѣнно въ томъ смыслѣ, что на Руси не было тѣхъ формъ производства, которыя давно уже возникли и развивались на западѣ,—что не было, словомъ, мануфактуры, фабрикъ и заводовъ¹⁾. Петру В. не трудно было понять, что зависимость отъ иностраннаго товара есть слѣдствіе неразвитой домашней промышленности, и онъ, рѣшивъ бороться противъ этой зависимости, всѣ свои усилія направилъ къ поднятію національной промышленности. Нерасположенный къ Петру В. иноземецъ Фоккеродтъ свидѣтельствуетъ: чтобы „уменьшить количество иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ въ Россію и за то увеличить вывозъ своихъ туземныхъ“, Петръ В. „выбралъ самый простой путь: развитіе горнаго дѣла и заведеніе фабрикъ въ царствѣ, какія обыкновенно заводятся въ чужихъ краяхъ“. Тутъ-то и пришлось снова обратиться прежде всего къ непосредственной помощи иностранцевъ: преобразователь нанималъ европейскихъ мастеровъ, всякими способами поощрялъ ихъ переселяться въ Россію и „заводить тамъ фабрики“. Сѣверная война, хотя и отвлекала вниманіе Петра отъ внутреннихъ дѣлъ, но, по свидѣтельству Фоккеродта, даже въ это время царь „не опускалъ изъ виду“ состоянія промышленности въ странѣ²⁾. Едва ли даже не правильнѣе думать, что потребности войны и были самымъ главнымъ импульсомъ въ петровскихъ мѣрахъ, касавшихся промышленности. При томъ такое освѣщеніе вопроса вовсе и не ново; это подмѣтилъ еще Шереръ, на котораго ссылается Иванъ Германъ въ „Историческомъ начертаніи горнаго производства въ Россійской имперіи“: „война, говоритъ

¹⁾ Нѣкоторыя попытки къ такимъ промышленнымъ предпріятіямъ указываетъ Семеновъ въ своемъ изученіи истор. свѣд. о Россійской торговлѣ и пром., часть 1-я, стр. 32—34.

²⁾ Чт. О. И. и Д. Р., 1874 г., т. 2, стр. 74.

Шереръ, „каковую Петръ I-й долженствовалъ вести со Швеціей, вселила въ него мысль къ такимъ учрежденіямъ, которыя бы могли привести его въ состояніе продолжить оную съ вѣщимъ усиліемъ. Желѣзные рудники, находящіеся по близости Тулы и сдѣлавшіе большую часть ея жителей кузнецами и оружейниками, казались для него способными къ споспѣшествованію его намѣреній. Ружейная тульская фабрика была первая, которую онъ старался возобновить“. Правда „желѣзные рудники того уѣзда были отданы на откупъ датчанину Розенбушу“ еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно доставлялъ извѣстное число чугунныхъ пушекъ, бомбъ, ядеръ и гранатъ; но сей откупщикъ вскорѣ нашель себя не въ состояніи удовлетворять умноженію требованій“¹⁾.

Правительственные указы, въ свою очередь, гармонизируютъ со всѣмъ только что изложеннымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ, что Петръ В. пошелъ дальше своихъ предшественниковъ: особенныя надежды онъ возлагалъ также, какъ въ торговлѣ, — на „компанейское“ содержаніе фабрикъ и заводовъ. И здѣсь, вслѣдствіе той же причины, какую мы видѣли въ спеціально торговой области, Петръ Великій не скупился на льготы и привилегіи; преобразователь не остановился даже предъ освобожденіемъ фабрикантовъ и заводчиковъ „отъ службъ“. Это, впрочемъ, не было противорѣчіемъ столь извѣстному убѣжденію Петра В., что служить государству обязаны рѣшительно всѣ, входящіе въ его составъ: занятіе промыслами всякаго рода Петръ В. разсматривалъ, какъ ту же „службу“ государству. Дальнѣйшее изложеніе будетъ подтвержденіемъ или, точнѣе, — иллюстраціей этого положенія.

Въ 1721 (17-го января) императоръ присутствовалъ въ Сенатѣ. Рѣчь шла о томъ, что фабрики „размножаются“ „для государственной пользы, для чего учреждены компаніи“, въ которыя вступили разныя лица и „особно многіе купецкіе люди“, что послѣдніе „опредѣляются къ разнымъ дѣламъ, въ службы“, „отъ чего размноженію фабрикъ можетъ чиниться“ „помѣшательство“... Петръ В. „указалъ“: „первый, который заведеть, свободенъ отъ службы“; отъ службы будутъ свободны

¹⁾ Цитир. по названному въ текстѣ труду И. Германа, ч. I, стр. 9; Екатеринбургъ 1810 г.

и тѣ его товарищи. „которые отъ начала завода въ полтора года въ товарищество вступать“; „а которые послѣ, тѣ отъ службы не свободны, развѣ особливо необходимо того случай какой требовать будетъ, и за нашу рукою указъ о томъ данъ будетъ“¹⁾. На другой день, послѣ этого постановленія, было позволено покупать къ заводамъ и фабрикамъ населенныя мѣста, съ условіемъ, чтобы купленные деревни были „уже неотлучно при тѣхъ заводахъ“; эта льгота мотивировалась тѣмъ, что „нынѣ“ „купецкіе люди“ стали заводить фабрики и заводы на компанейскихъ началахъ „къ приращенію государственной пользы“, чего раньше не дѣлали, занимаясь однимъ „купечествомъ“²⁾. Кромѣ того фабричныя и заводскія компаніи получили много другихъ общихъ привиллегій, вошедшихъ въ регламентъ мануфактуръ коллегіи, изданный въ 1723-мъ году. Монополія, снабженіе казенной субсидіей „съ вѣдома Сената“, наслѣдственность фабрикъ и заводовъ, отчасти спеціальныя и льготныя суды въ вѣдомствѣ мануфактуръ коллегіи³⁾—это всё такія привиллегіи, которыя вмѣстѣ съ

¹⁾ П. С. З., VI, № 3710.

²⁾ П. С. З., VI, 3711. Однако въ 50-хъ годахъ XVIII ст. стремленіе правительства поднять обрабатывающую промышленность было до известной степени парализовано охраной другой отрасли государственнаго хозяйства—зѣбовъ. Въ видахъ сбереженія зѣбовъ было запрещено заводить фабрики и заводы близъ Москвы и Петербурга (П. С. З., XIV, 10285; XV, 10914). Указомъ 1754 г. (30-го Августа) въ 200-хъ верстахъ отъ Москвы было велѣно уничтожить за известное вознагражденіе «частныя огнедѣйствующіе заводы» (XIV. 10.285). Какъ видно, правительство испугалось быстро обезлѣсенія «близъ» главнѣйшихъ наиболѣе культурныхъ центровъ.

³⁾ П. С. З., VII, 4378. Монополія назначается въ законодательствѣ осмотрительно («ежели какія мануфактуры заведены такъ», что отъ нихъ есть толкъ). И вообще «надлежитъ коллегіи осторожность имѣть, когда дается привиллегія для утвержденія какой-либо фабрики, то другихъ, которые со временемъ такія же учредить похотятъ, не надлежитъ выключать,.... ибо изъ ревности между заводчиками не токмо размноженіе можетъ происходить, но и достоинство оныхъ и дѣлаемые товары будутъ продаваться посредственною цѣною». Осмотрительность во всякомъ случаѣ была нелишней: дальнѣйшее въ исторіи русской мануфактуры и фабрики вполне оправдало опасенія законодателя. При освидѣтельствованіи фабрикъ въ 1730-мъ году было найдено, что у многихъ фабрикъ и заводовъ также, какъ и у торговыхъ компаній (см. выше), «одно имя»: они заведены не для производства, а для пользованія... привиллегіями, установленными для заводчиковъ и фабрикантовъ.

поименованными выше дѣлали положеніе промышленныхъ компанейщиковъ совершенно исключительнымъ. Перечисленными привилегіями имѣла право награждать промышленныя компаніи мануфактуръ-коллегія, сносясь съ Сенатомъ въ денежныхъ вопросахъ; но дальше мы узнаемъ, что получаемое заводчиками непосредственно по указанію высшаго правительства было въ дѣйствительности гораздо больше того, что юридически предоставлялось „вѣдѣнью“ спеціального учрежденія.

Лично Петръ В. на столько страстно желалъ поскорѣе достигнуть своей цѣли, оживить и развить обрабатывающую промышленность въ государствѣ, основать ея новыя отрасли, что для этой цѣли онъ даже готовъ былъ по временамъ почти покровительствовать бѣглымъ помѣщичьимъ крестьянамъ, укравшимся на фабрикахъ. Побѣги были большимъ социальнымъ зломъ и, какъ таковое, строго преслѣдовались властью; но въ данномъ случаѣ они были удобны для вводимой промышленности, ибо правительство до известной степени утилизировало бѣглыхъ въ области государственно-промышленнаго производства ¹⁾. Словомъ употреблялись всѣ возможные средства къ тому, чтобы водворить въ государствѣ промышленность на европейскій образецъ и прежде всего для государства, поступа-

---

Судъ надъ фабрикантами и фабричными «служащими» былъ «особливый», въ мануфактуръ—коллегіи, «кромѣ государственныхъ и криминальныхъ дѣлъ»; слѣдовательно только гражданскія дѣла «вѣдала» названная коллегія. При этомъ послѣдней вмѣнялось въ обязательность споры въ малыхъ дѣлахъ между мастерами и учениками рѣшать «безъ продолженіи времени, дабы затѣмъ волокитѣ не было», почему и было позволено практиковать словесную форму суда, а не письменную.

¹⁾ Въ 1722 г. (18-го іюля) Петръ Великій далъ Сенату слѣдующій характерный указъ: «Господа Сенатъ! Вѣдомо намъ учинилось, что съ фабрикъ учениковъ и работниковъ отдають ихъ помѣщикамъ по послѣднему указу о бѣглыхъ; но понеже интересны фабрикъ объявляютъ, что затѣмъ въ фабрикахъ ихъ чинится остановка; того ради, по полученіи сего, объявить указъ, чтобы до нашего возвращенія, никому ни съ которой фабрики учениковъ и работниковъ, чьи бѣ они ни были, зотя, и бывше явятся, не отдавали и взятыя возвратили». Было велѣно только переписать бѣглыхъ (П. С. З., VI, 4055). Здѣсь я привожу этотъ указъ только для характеристики отношенія Петра В. къ заводскому имъ фабричному дѣлу; вопросъ о рабочихъ рукахъ будетъ разсматриваться ниже. О личномъ вниманіи Петра В. къ фабричному дѣлу см. Голикова—«Дѣянія Петра В.», т. 15-й.

вшагося въ этотъ моментъ многими прежними повинностями торговыхъ людей по отношенію къ нему: теперь купцы, заводившіе фабрики и заводы, освобождались на извѣстный срокъ отъ податей и внутреннихъ пошлинъ, отъ пошлинъ съ документовъ, отъ постоя войскъ и т. д.¹⁾ Главнымъ рычагомъ для поднятія русской промышленности Петръ В. считалъ компанейское, коллективное начало въ промышленныхъ предприятияхъ; онъ, какъ бы, торопился, чтобы въ Россіи образовалось въ короткое время побольше фабричныхъ и заводскихъ компаній, что довольно ясно усматривается изъ закона объ освобожденіи отъ службы тѣхъ товарищей главнаго предпринимателя, которые присоединятся къ нему не позднѣе, какъ чрезъ 1½ года отъ учрежденія фабрики или завода. Но и эта торопливость преобразователя охладилась того же суровою дѣйствительностью; приходилось и тутъ убѣждаться, что дѣло промышленнаго преуспѣянія медленное дѣло: „охотниковъ мало“, сообщалъ Петръ въ 1722-мъ году (5-го Ноября) во всеобщее свѣдѣнье, почему и „дѣйствія мало „видѣлось“ „въ произведеніи онаго дѣла.“²⁾

Отсюда понятно, почему въ регламентѣ мануфактуръ— коллегіи торопливость уже значительно ослабѣла: увидали, что она скорѣе можетъ повредить, чѣмъ помочь дѣлу; здѣсь былъ гласно отмѣченъ тотъ печальный фактъ, что „подданные“ „не обыкли“ „капитала власть“ въ промышленное предприятие, „за незнаніемъ съ начала, какая изъ того послѣдовать можетъ прибыль“, почему и рекомендовалось пріохочивать ихъ къ вступленію въ промышленныя компаніи „легкими манерами“³⁾.

¹⁾ Подробности см. въ имѣющейся по этому вопросу литературѣ: Бурнашевъ—Очеркъ исторіи мануфактуръ въ Россіи; Семеновъ.—Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской вишней торговлѣ и промышленности, ч. 3-я, стр. 255. Соловьевъ—Исторія Россіи, т. 18, стр. 172; П. Н. Милюковъ Очерки русской культуры, Миръ Божій, 1895 г., Июнь.

²⁾ П. С. З. IV 4055: «понеже народъ нашъ, яко дѣти, неученія ради, которые за азбуку никогда не примутся, когда отъ мастера не приведемимы бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарять, что явно изъ всѣхъ вишнихъ дѣлъ, не все ль неволю сдѣлано»...

³⁾ П. С. З. VII, 4378.

Такимъ образомъ заводско-фабричная компанія, такъ-же, какъ и чисто торговая, не выросла естественно изъ туземной промышленности, а была „учреждена“ государственною властью, которая, испытывая великую „нужду“ и руководствуясь западно-европейскими примѣрами, какъ „избывать“ эту матеріальную „нужду“, раньше своего торгово-промышленнаго класса сознала необходимость въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, а слѣдовательно и въ ихъ западно-европейской организаціи. Правительство, воспользовавшись чужимъ опытомъ, само показывало примѣръ русскимъ людямъ: фабрики, въ произведеніяхъ которыхъ нуждалась армія, напр. суконныя, были учреждены „на казенномъ коштѣ“; но скоро выяснилось, что заниматься фабричнымъ производствомъ дѣло совсѣмъ не казенное, оно нисколько или мало развивалось, почему и признавалось властью, какъ временное, пока не представится возможность замѣнить „казенное содержаніе“ дѣятельностью частныхъ компаній. Мануфактуръ—коллегіи было предписано въ регламентѣ на ея имя: казенныя фабрики, уже заведенныя, и тѣ, которыя будутъ заведены, передавать частнымъ лицамъ. И это практиковалось до и послѣ изданія регламента мануфактуръ-коллегіи. Такъ въ 1720 г. (17-го февраля) именнымъ указомъ, объявленнымъ изъ бергъ и мануфактуръ-коллегій, было велѣно составить компанію (и при томъ изъ довольно значительнаго количества купцовъ разныхъ городовъ) и передать ей московскую казенную суконную фабрику съ тѣмъ, чтобы „умножить“ производство сукна „не токмо къ комиссарству на мундиръ, но и на продажу и прочіе расходы“; и даже такъ „умножить“, чтобы „изъ-за моря въ нѣсколько лѣтъ вывозъ суконъ былъ прекращенъ“. Можно думать, что казенная суконная фабрика довольно плохо удовлетворяла и казенныя потребности, такъ называемую „мундирную канцелярію“; ибо, передавъ фабрику частной компаніи, снабдивъ еѣ привилегіями, совѣтами и деньгами въ количествѣ 30000 руб. заимообразно на три года, безъ процентовъ, Петръ Великій снова прежде всего позаботился о „мундирной канцеляріи“, въ которую онъ и повелѣлъ заплатить долгъ „по покупной настоящей цѣнѣ“ сукнами и каразеями и стамеды, годными на полевые армейскіе полки“; даже по уплатѣ долга компанія сперва должна была удовлетворять „мундирную канцелярію“, а потомъ уже продавать купечеству „немалымъ числомъ“,

при чемъ тотъ товаръ, который не будетъ принятъ въ „мундирную канцелярію“, было дозволено продавать „купечеству въ ряды“ 5 лѣтъ безошлинно. По обыкновенію было также приказано губернаторамъ и прочимъ начальствующимъ лицамъ „смотреть“, чтобы компанія не терпѣла ни отъ кого притѣсненій, чтобы, кромѣ того, эти лица вели своего рода пропаганду, убѣждая другихъ купцовъ вступать въ компанію и „складывать“ въ нее деньги „безъ опасенія“¹⁾. Мало по малу нѣкоторые, наиболѣе предприимчивые, русскіе люди смѣтили выгоду отъ большаго промышленнаго дѣла; въ ихъ рукахъ оно закипѣло; они-то и обратили на себя немедленно вниманіе радѣтеля о государственной промышленности—Петра В. Въ 1724 г. (15-го іюня) императоръ передалъ казанскую казенную фабрику купцу Микляеву, увидавъ, что онъ хорошо ведетъ свое собственное дѣло и что казенное содержаніе по истинѣ слѣдуетъ „привести въ доброе состояніе“. Микляевъ собралъ компанію и „ту мануфактуру“, какъ сообщаетъ уже правительство Анны Ивановны, „умножил“. Особенностью этого „умноженія“ слѣдуетъ считать то, что оно произошло „безъ всякаго казеннаго вспоможенія и награжденія, своимъ собственнымъ капиталомъ“. Вслѣдствіе этого въ 1729 году вдова Микляева съ родственниками получила „въ вѣчное владѣніе“ землю въ Казани „подъ селеніе мастеровыхъ и работныхъ людей“ (въ длину 1052 саж., поперекъ 533 саж.). Правительство Анны Ивановны, „объявивъ“ за фабрикой привилегію, выразило надежду, что фабрика еще болѣе послѣ этого преуспѣетъ и тѣмъ еще болѣе „умножить“ „отдачу суконъ“ „на армію и гарнизоны“. Всѣ же, что не употреблялось въ „мундирное дѣло“, было предоставлено „продавать въ Имперіи свободно и невозбранно, такъ, какъ съ другихъ такихъ же мануфактуръ продается“²⁾. Отсюда мы видимъ, что урокъ, данный Петромъ В. русскимъ купцамъ, не пропалъ безслѣдно.... Правда, подъ конецъ своего царствованія Петръ Великій не былъ и не могъ быть доволенъ общимъ состояніемъ промышленнаго дѣла въ Россіи; но раньше, напр.,

¹⁾ П. С. З., VI, 3526; см. также «Обзоръ различныхъ отраслей промышленности, т. 1-й.—статья Васильева и Шерера: Шерстаная промышленность, стр. 147.

²⁾ П. С. З., IX, 6805.

въ 1706 году, когда Петра Великаго еще не посѣтили многія позднѣйшія разочарованія, и онъ смѣло смотрѣлъ въ будущее, царственный реформаторъ радовался „начинаніямъ“ и видѣлъ въ нихъ надежный результатъ своихъ заботъ: тогда онъ писалъ Меншикову: „сукна дѣлають и умножается дѣло сіе зѣло изрядно и плодъ даетъ Богъ изрядный“.

Итакъ, въ общемъ развитіе крупной промышленности въ Россіи двигалось очень и очень медленно. Но были, какъ и раньше, счастливыя исключенія (конечно, говоря относительно). Къ числу такихъ исключеній принадлежали „содержатели“ „Затрапезновы“, которые, хотя и не имѣли привилегіи, но свое фабричное дѣло „содержали“ „въ добромъ состояніи“ и „со всякимъ усердіемъ, не щадя своего капитала“ при чемъ нѣкоторые товары (скатерти, салфетки, бумага) приготовлялись на ихъ фабрикахъ весьма удовлетворительно—„противъ заморскихъ безъ охулки“. Въ 1731 г. (7-го сентября) было велѣно—„до привилегіи, которая въ Правительствующій Сенатъ внесена и апробована будетъ“—дать Затрапезновымъ отъ мануфактуръ-конторы указъ „съ прочетомъ“,—что-то, въ родѣ временнаго свидѣтельства на привилегію; эта публикація и грядущій указъ „съ прочетомъ“ были наградой за преуспѣяніе въ фабричной промышленности ¹⁾.

Каково же было общее состояніе созданной Петромъ В. фабричной промышленности?— на этотъ вопросъ вполне точно отвѣчаетъ Фоккеродтъ простымъ указаніемъ на тотъ фактъ, что большая часть фабрикъ, заведенныхъ Петромъ Великимъ въ Россіи съ помощью иноземныхъ мастеровъ, должна была прекратить свое существованіе за малую доходность предпріятія ²⁾. Тѣмъ не менѣе Петръ В. далъ *тему* для дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятій въ этой области; эта западно-европейская „тема“ повторялась въ русскомъ законодательствѣ и эксплуатировалась русскою жизнью дальше тѣхъ хронологическихъ предѣловъ, въ которые поставлена тема настоящаго труда: вплоть до поворота въ промышленной политикѣ при

¹⁾ П. С. З., VIII, 5846.

²⁾ Чт. О. И. и Д. Р., 1874, т. 2., стр. 75. П. Н. Милюковъ въ спискѣ 300 важнѣйшихъ фабрикъ, существовавшихъ въ 1780 г., насчиталъ только 22, уцѣлѣвшихъ отъ петровскаго времени; между тѣмъ общее количество

императрицѣ Екатеринѣ II-ой русское правительство заботится объ „учрежденіи“ частныхъ компаній, надѣляя ихъ болѣе или менѣе важными привиллегіями, до полной монополіи включительно; болѣе или меньшая щедрость власти въ этомъ направленіи зависѣла, какъ отъ самаго спроса правительства на тѣ или другія произведенія мануфактуры, такъ и отъ того или другаго „достоинства“ лицъ, являвшихся предпринимателями; щедрость зависѣла также и отъ жалкаго состоянія известной отрасли промышленности¹⁾. Всё это, мнѣ кажется, будетъ достаточно подтверждаться нижеслѣдующими примѣрами.

Въ 1735 г. (23-го декабря) было позволено завести фабрику особой компаніи изъ „московскихъ купцовъ для выдѣлки плащенного и волоченаго серебра и золота, а также для того, чтобы „золото и серебро прясть на шель“; установивъ прежде всего правила пріобрѣтенія на фабрику серебра на монетномъ дворѣ, указъ затѣмъ освобождаетъ компанію отъ пошлинъ въ пробовильную палату, а компанейскіе дворы отъ военного поста; компанія получила монополію, но не получила казенной субсидіи: напротивъ, указомъ повелѣвалось, чтобы каждый компанейщикъ вложилъ въ дѣло капиталъ не

фабрикъ и заводовъ, открытыхъ при Петрѣ В., доходило до 100». (Мірѣ Бож. Юнь, — Очерки русской культуры). У Кириллова (1727 г.) показано «разныхъ заводовъ» (сюда вклуч. и варницы, мельницы и т. под.)—233. (Цвѣтущее сост., ч. II-я, стр. 108—133).

¹⁾ Привиллегія и монополіи въ связи съ покровительственными національной промышленности тарифами могли вести только къ сосредоточенью «національной промышленности» въ немногихъ рукахъ, а никакъ не къ развитію ея въ цѣломъ; меркантильная система, какъ на западѣ, такъ и у насъ, имѣла на первомъ планѣ матеріальные интересы государства, и ей, какъ системѣ именно финансоваго характера, всего удобнѣе было имѣть дѣло съ немногими крупными торговцами и промышленниками, способными пополнять казну въ широкомъ смыслѣ, т. е. и собственно казначейство, и мундирную канцелярію и т. под. Констатированье немногихъ компаній, фактически существовавшихъ въ Россіи и давившихъ всё остальное, прямо не давшихъ жить этому остальному, мы ниже, въ концѣ труда, увидимъ въ словахъ Императрицы Екатерины II-ой. А теперь, мнѣ кажется, изъ самой сущности разсматриваемой торгово-промышленной политики должно быть ясно, что 300 фабрикъ 1780 года однимъ своимъ числомъ пока ровно ничего положительнаго не доказываютъ; возможно, что многимъ изъ нихъ также, какъ многимъ фабрикамъ 1730 года, было «одно имя».

менше, какъ въ 3000 руб... А вотъ компанія подъ фирмой купца Евреина, пожелавшая завести въ Москвѣ суконную фабрику, получила изъ казны 10000 руб. займообразно, безъ процентовъ, получила также—мастеровыхъ людей съ россійскихъ суконныхъ фабрикъ (Владимира Щеголина, Ивана Полуярославцева, вдовы Авдотьи Микляевой) для обученія на одинъ годъ, мельницы безоброчно на 10 лѣтъ, дубовый лѣсъ, сколько окажется „потребно“ на „инструменты и мельничное строеніе“; эти привилегіи, а также освобожденіе компаніи отъ внутреннихъ пошлинъ на десять лѣтъ—своимъ основаніемъ имѣли казенныя потребности: фабрика была обязана готовить „сукна и каразеи, потребныя для войскъ“ (указъ 18-го сентября 1736 года)¹⁾. Далѣе: отраженіе „достоинства“ компанейщиковъ. Путешествуя по Франціи, Петръ В. былъ очарованъ производствомъ шелковыхъ тканей въ Лионѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ; не замедлило послѣдовать и рѣшеніе: завести шелковыя фабрики въ Россіи. По свидѣтельству Фоккеродта, Петръ Великій поручилъ сдѣлать это „тремъ богатѣйшимъ и сильнѣйшимъ господамъ: великому адмиралу Апраксину, барону Шафирову и графу Толстому“, снабдивъ ихъ „очень выгодными льготами“ и, между прочимъ, привилегіей безпошлиннаго ввоза „богатыхъ шелковыхъ товаровъ“ изъ-за границы до тѣхъ поръ, пока „ихъ фабрики не будутъ въ полномъ ходу“. Но „сильнѣйшіе господа“ продали „эту

---

¹⁾ П. С. З. IX. 6850; IX, 7060; Ibid. М. А. М. Ю., д. коммерц., бергъ, мануф. колл. и главн. магистр., т. 947: точно также въ 1727 г. была объявлена свобода отъ пошлинъ полотн. и бумажн. фабрикъ Максиму Затрапезному и его сыну Ивану на 5 лѣтъ; воронежскій купецъ Поставаловъ получилъ ту же привилегію на 10 лѣтъ съ 35 по 46 г. включительно и т. д.; съ этихъ двухъ фабрикъ и еще съ одной «пошлинъ во взятѣ быть надлежало» — 10,153 р. 34 к. Кроме того, освобожденіе отъ пошлинъ на извѣстный срокъ получили 18 фабрикъ въ промежутокъ времени отъ 35 по 37 годъ: сургучная одного иноземца, бумажныя, полотняныя (самый большой срокъ) шелковыя, стеклячныя, хрустальныя. Съ этихъ 18-ти «надлежало» получить пошлинъ 5977 руб. 14 к. съ 1736-го по 1747-й годъ. Не лишнее прибавить, что Поставаловъ былъ освобожденъ отъ пошлинъ съ тѣмъ, чтобы «мундирныя сукна и каразеи» готовить «съ вѣщимъ прибавленіемъ и наилучшею добротою» и въ количествѣ на первое время не меньше, какъ 30,000 суконъ на годъ (въ 43 году—указъ, П. С. З., XI, 8698).

льготу частныхъ купцамъ за 20000 руб.“, вмѣсто того, чтобы терпѣливо дожидаться „полнаго хода“¹⁾... Съ „сильными господами“ мы еще встрѣтимся не разъ въ промышленныхъ мѣропріятіяхъ „ради государственной пользы“; теперь же только замѣтимъ, что официально привиллегія на шелковое производство попала въ руки армянина Ширванова,—получившаго разрѣшеніе на учрежденіе шелковаго завода въ Кизлярѣ²⁾. Шелковое производство было новинкой въ Россіи, и въ качествѣ новинки съ надеждами на будущее эта отрасль промышленности усердно поощрялась и послѣ Петра В.: не находя русскихъ дѣятелей на этомъ полѣ, вызывали иноземцевъ и снабжали ихъ привиллегіями, значительность которыхъ вполнѣ обуславливалась именно новостью и надеждами... Привиллегіи, полученныя армянской компаніей Ширванова, достаточно характеризуютъ правительственную заботливость по отношенію къ этой новой отрасли промышленности. Компанія, кромѣ привиллегій, общихъ съ другими компаніями, получила и такія, которыя давались далеко не всѣмъ: ей было предоставлено столько земли, сколько считалось необходимымъ „для сѣянія сорочинскаго пшена и для прокормленія и поселенія работныхъ людей“, въ число которыхъ было разрѣшено принимать армянъ, грузинъ и персіанъ, повидимому, даже безъ всякихъ письменныхъ удостовѣреній³⁾; кромѣ того, Ширвановъ съ товарищи былъ освобожденъ отъ внутреннихъ пошлинъ на 10 лѣтъ для „шелка и парчей“, приготовленныхъ на фабрикѣ компаніи, на 3 года отъ внѣшнихъ для шелка, поставляемаго на фабрику изъ Персіи, и безсрочно для инструментовъ и красокъ, получаемыхъ, какъ изъ-за границы, такъ и изъ российскихъ городовъ⁴⁾.

Выше мы видѣли, что торговый оборотъ подчинялся потребностямъ фиска. Эта зависимость оборота отъ фиска, а также то обстоятельство, что не всегда можно было найти частныхъ предпринимателей, неизбѣжно приводили къ такой практикѣ, которая шла въ разрѣзъ съ меркантильной теоріей

¹⁾ Чт. О. И. и Д. Р., 1874, т. 2-й, стр. 74.

²⁾ П. С. З., 8242, 8449; 8563.

³⁾ Указъ говоритъ объ обязательности «вида» только для черкасъ (т. е. малороссовъ) и российскихъ людей.

⁴⁾ П. С. З., XI, 8563; импер. Елизаветъ подтвердила указъ импер. Анны, а послѣдняя опиралась на привиллегіи, данныя компаніи Петромъ В.

„свободнаго“,—т. е. не казеннаго, но покровительствуемаго казной,—торга. То же самое обнаруживалось и въ сферѣ промышленности: и здѣсь мы видимъ господство той же простой необходимости. Рѣшено отдать казенную фабрику въ частныя руки; но нѣтъ „охотниковъ“, и фабрика остается въ казнѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, кто-либо не выщется. Такъ, напр., въ 1752 г. московскій первой гильдіи купецъ Матвѣевъ, испрашивалъ себѣ въ вѣчное владѣніе московскую суконную фабрику, указывалъ на то, что „объ отдачѣ“ этой фабрики „въ компанію“ публиковалось „неоднократными указами“, „токмо и повнѣ никою не отдана“¹⁾.

Итакъ, „нужда“ казны объясняетъ для насъ многое въ исторіи торгово-промышленныхъ привилегій XVIII-го стол.; но, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, далеко не всё....

---

¹⁾ М. А. М. Ю. д. по коммерц., бергъ, ман. кол. и гл. м., т. 2698.

V-я Глава.

Колебание между казеннымъ и частно-компанейскимъ „содержаніемъ“ въ сферѣ русской промышленности ¹⁾.

Еще до Петра на Руси хорошо понимали, что ограниченность русскаго торговаго горизонта есть слѣдствіе слабого отечественнаго производства. Московское правительство стремилось поднять это производство наличными туземными силами, но, повидимому, безъ особой надежды на успѣхъ. Предшествовавшая исторія русскаго купеческаго класса дѣйствительно не давала даже такихъ фактовъ, которые свидѣтельствовали бы о сколько-нибудь отчетливо выраженномъ желаніи торговыхъ людей добывать и разрабатывать *природныя богатства страны*. Когда англійская торговая компанія обратилась къ московскому правительству съ просьбой о дарованіи ей права разрабатывать желѣзную руду, то правительство прежде всего обезпочило своихъ „гостей“ вопросомъ: давать или нѣтъ англи-

---

¹⁾ Мы касаемся здѣсь наиболѣе выгодныхъ статей промышленности; но исключаемъ соляное и винное дѣло: политика по отношенію къ этимъ доходнымъ статьямъ государственнаго хозяйства можетъ быть предметомъ особой работы даже для того хронологическаго періода, который взятъ нами для главнаго изслѣдованья по вопросу о торгово-промышленныхъ компаніяхъ. Однако дальше мы будемъ не въ правѣ игнорировать *соціального положенія* винныхъ и соляныхъ откупщиковъ, совершенно сливающихся съ положеніемъ вообще частно-промышленныхъ и торговыхъ компанейщиковъ, изъ которыхъ иные держали и винные откупа.

чанамъ просимое ими право; „гости“ же отвѣтили въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ „велѣть“ „англійскимъ людямъ“ „искать“ желѣзную руду „въ пустыхъ мѣстахъ“: отъ такого, де, позволенія не будетъ убытка ни великому государю, ни имъ, гостямъ, потому что, если англичане не найдутъ, то они одни и убытки потерпятъ; а если найдутъ, то „русскимъ людямъ“ кормленіе отъ того будетъ и желѣзо будетъ дешевле, потому что изъ государевой земли за море желѣзо нейдетъ, а идетъ желѣзо въ государеву землю отъ нихъ изъ-за моря“; да и самая находка желѣза въ Московскомъ государствѣ будетъ „диговинкой“. При этомъ гости указывали на бывшій уже примѣръ: „англійскіе же люди завели канатное дѣло, и отъ того было кормленіе многимъ русскимъ людямъ бѣднымъ, которые у нихъ работали, да и научились у нихъ русскіе люди канаты дѣлать“¹⁾.

Торговые люди Московскаго государства были въ сущности барышники, пугавшіеся всякой инициативы и промышленнаго труда; конечно, были и исключенія²⁾, но не въ нихъ суть дѣла, когда рѣчь идетъ *объ общемъ явленіи*: общее явленіе хорошо отмѣтили сами гости въ своемъ отвѣтѣ правительству.

Понятно, что въ до-петровской Руси изъ даровъ природы удостоилось добыванія и разработки только то, что было уже слышкомъ на виду, само просилось въ руки и не требовало денежнаго риска. Поразительное звѣриное, птичье, рыбное богатство сѣверо-восточной Европы само наталкивало население на соответствующіе промыслы, начало которыхъ теряется въ глубокой древности. Особенно Русь была богата рыбой въ ея многочисленныхъ и многоводныхъ рѣкахъ; тамъ, гдѣ земля, при экстенсивномъ хозяйствѣ, родила плохо, население обращалось въ рыболововъ³⁾, потому что эти мѣстности, какъ разъ, совпадаютъ съ наиболѣе обильными рыбой рѣками

¹⁾ Власевъ: Очерки государственнаго благоустройства Россіи въ XVII стол., стр. 530—531.

²⁾ Напр., именитые люди Строгановы.

³⁾ Schnitzler: Statistique et itinéraire de la Bussie, Paris. 1829, ч. 1, стр. 32; какъ одно изъ многочисленныхъ восхищеній рыбнымъ богатствомъ Россіи; здѣсь «poissons», по словъ автора, «dans de vastes contrées, sont presque la seule nourriture de toute la population».

и озерами: таковы новгородскія земли, таковы земли верхняго Поволжья; можно думать, что колонизація въ Заволочье, къ Бѣлому морю, а также по Волгѣ, къ Каспію, была начата рыбными промыслениками; занятіе рыболовствомъ, конечно, не исключало звѣроловства: напротивъ, на Сѣверѣ и Востокѣ крѣпко соединяло и соединяетъ оба промысла. Обращаясь къ московскому періоду русской исторіи, мы въ данномъ случаѣ ео ipso прямо переходимъ къ тому моменту въ исторіи наиболѣе выгодныхъ промысловъ („рыбныхъ и звѣринныхъ“) старой Руси, когда правительство уже было ихъ верховнымъ опекуномъ. Московскій періодъ общей русской исторіи, какъ извѣстно, и характеризуется тѣмъ, что „Великій Государь“ былъ и считалъ себя собственникомъ земли и всего, живущаго на ней и сохраняющагося въ ней: не разъ указывали и выясняли, что это хозяинъ съ властью абсолютнаго правителя. У верховнаго хозяина были слуги, которые награждались за службу землями и промысловыми угодьями, неперестававшими однако считаться государевыми ¹⁾. На „звѣринные и рыбные“ промыслы московское правительство также смотрѣло, какъ на одну изъ статей казеннаго дохода, хотя въ концѣ XVII стол. они и находились въ частномъ содержаніи. Когда потребовалось казенный доходъ отъ нихъ увеличить, то правительству легко было вспомнить, напр., о бѣломорскихъ промыслахъ и посмотреть на нихъ съ надеждой, нельзя ли какимъ либо способомъ улучшить ихъ состояніе и получать болѣе доходъ, чѣмъ они давали раньше ²⁾. А тутъ, къ тому же, явились люди, чужіе и свои, которые взирали на эксплуатацію промысловъ у Архангельска алчными глазами. Въ 1698 г., когда Царь Петръ проживалъ въ Амстердамѣ, нѣкто Небель, человѣкъ торговый, предложилъ вниманію московскаго Царя проэктъ, въ которомъ доказывалась необходимость учрежденія компаній для того, чтобы русскіе сѣверные рыбные и звѣ-

¹⁾ Не переставали считаться таковыми и тѣ, которыя отдавались за деньги: состояли на оброкъ и даже продавались.

²⁾ Въ 1699 г. у города Архангельска съ рыбы и сала было велѣно брать въ казну съ 1000 рыбъ трески по 16 рублей, а съ сала тресковаго за десятый пудъ по 15 алт. за пудъ и тамож. пошлины по указу (С. Ө. Огородниковъ: Очеркъ исторіи города Архангельска въ торгово-пром. отн., стр. 182). См. также прилож. къ стр. 67.

ринные промыслы успѣшно прогрессировали ¹⁾. Проектъ былъ далеко не безкорыстенъ, потому-что Небель просилъ прежде всего для себя привилегій, а потомъ уже обѣщалъ постараться на пользу государства; на будущее время онъ успокаивалъ Петра Великаго слѣдующимъ: „мое главнѣйшее намѣренье, писалъ онъ, „такое имѣется, чтобы по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, ежели сія компанія (т. е. его и товарищей) „прямо утвердится, чужестранныхъ участниковъ добрымъ порядкомъ изъ оной вывести“ ²⁾. Но „добрый порядокъ“ не убѣдилъ Царя Петра въ необходимости отдать лучшіе русскіе промыслы иностранцамъ: Небель потерпѣлъ полную неудачу..

Относительно бѣломорскихъ промысловъ затѣвалось нѣчто иное. Въ 1704 г. (6-го января) вышелъ именной указъ, въ которомъ объявлялось, что Государь „всего своего государства рыбныя ловли, которыя были на оброкѣ и безоброчно и которыя были даны помѣщикамъ и вотчинникамъ за службы по пожалованнымъ грамотамъ въ вотчины, а инымъ въ помѣстные оклады, вмѣсто четвертныя пашни, а инымъ въ угоды“ повелѣлъ „все что ни есть взять за себя великаго Государя и вѣдать и отдавать изъ Ижерской канцеляріи... откупщикамъ на оброкъ съ торгу изъ наддачи“ ³⁾. Это распоряженіе, если оцѣнивать его съ современной намъ точки зрѣнія, нарушало и частную собственность („вотчины“), было ея экспроприаціей; по понятіямъ же тѣхъ временъ это распоряженіе было возстановленіемъ полной собственности Государя, такъ какъ въ тотъ экономическій моментъ „все что ни есть“ было и считалось государевымъ. Отмѣченное распоряженіе ⁴⁾, разумѣется, было вызвано финансовыми причинами и соображеніями... Правитель-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ар. д-та там. сб.—д. комиссіи о коммерціи, т. 221.

³⁾ П. С. З. IV, 1956.

⁴⁾ Равно какъ—указъ 21-го января (1704), объявленный изъ Розряда,—о переоброцкѣ отдаваемыхъ на откупъ мостовъ, перевозовъ, мельницъ, рыбныхъ ловель и прочихъ статей; оброкомъ и сборомъ денежной казны («и всякими дѣлами») было велѣно «вѣдать»: мельницы Степану Коровину, рыбные учуги и ловли Петру Кикину, торговыя бани Алексѣю Сиявину; мосты и перевозки и т. под. Михайлу Гуляеву. «А писать въ грамотахъ Великаго Государя и въ указѣ и во всякихъ дѣлахъ имя губернатора Александра Даниловича Меншикова» (IV, 1959).

ство въ лицѣ Царя Петра надѣялось получить отъ промысловъ бѣльшій государственный доходъ; но однимъ ли государственнымъ интересомъ исчерпывались надежды, конечно на Царя Петра, а другихъ лицъ, пользовавшихся большимъ или меньшимъ довѣріемъ царя, вотъ вопросъ? Есть основаніе думать, что къ государственно-финансовымъ соображеніямъ самого Царя Петра примѣшивались финансовыя же соображенія Меншикова и К°. По всей вѣроятности этотъ временщикъ очень рано смекнулъ, что промыслы Бѣлаго моря съ большимъ удобствомъ можно утилизировать для своихъ „нуждъ“. И кажется, Меншиковъ завладѣлъ промыслами раньше той хронологической даты, которую устанавливаетъ указъ объ отдачѣ рыбныхъ и сальныхъ промысловъ на Бѣломъ морѣ компаніи Меншикова ¹⁾. Этотъ послѣдній указъ

¹⁾ Сначала Меншиковъ былъ объявленъ начальникомъ надъ всѣми рыбными ловлями; при такой постановкѣ дѣла ему можно было сдѣлаться и хозяиномъ наиболее выгоднымъ изъ нихъ; можетъ быть даже было и такъ: сначала Меншиковъ былъ владѣтелемъ этихъ промысловъ, такъ сказать, «подъ сурдинкой», потомъ сдѣлался начальникомъ въ качествѣ Архангельскаго губернатора надъ всѣми рыбными ловлями и наконецъ уже вполне гласно хозяиномъ тѣхъ промысловъ, которыми онъ пользовался раньше, на основаніи словеснаго или даже и письменнаго распоряженія Царя, но не объявленнаго въ народъ. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ М. А. М. Ю. (с. д. по коммерцъ, бергъ, мануф. к. и гл. магистр., т. 915, здѣсь сказано даже: «по именнымъ указамъ» въ 1703 и 1704 гг. велѣно салу и проч. «быть въ компаніи бывшаго князя Меншикова», см. прилож.) мнѣ попалась ссылка на 1703-й годъ, какъ на время, съ котораго бѣломорскіе промыслы поступили въ содержаніе Меншикова. Затѣмъ 14-го января 1704 года, послѣ указа объ отнятіи промысловъ у частныхъ лицъ (6-го января того же года) было велѣно «вѣдать рыбныя ловли всего государства оброкомъ и денежнымъ доходомъ въ Семеновской приказной палатѣ и для того сбора окладныя книги и всякія о рыбныхъ ловляхъ откупныя и оброчныя вѣдомости... взять въ Семеновскую приказную палату къ губернатору, къ *Александрю Данил. Меншикову* (И. С. З., IV, 1958). Указомъ 21-го января (1704 г.) въ дѣла о переоброцкѣ казенныхъ статей было велѣно вести *на имя Меншикова* (см. предъид. прим.) и, наконецъ, 16-го августа того же года было объявлено объ отдачѣ рыбныхъ и сальныхъ промысловъ у Архангельска Меншикову и К° въ частное содержаніе безоброчно «для размноженія промысловъ» «къ государственной прибыли». Такимъ образомъ этотъ указъ говорить скорѣе о подтвержденіи прежняго распоряженія или указа, не вошедшаго въ И. С. З. и не попавшагося мнѣ въ архив. дѣлахъ, чѣмъ о дарованіи

состоялся 13-го августа 1704 года. Компаниями Меншикова были Павелъ и Петръ Шафировы, Иванъ Григорьевъ и Степанъ Кошневъ. Въ указѣ было сказано: „промыслы сала ворваннаго, моржевые, тресковые и иныхъ звѣрей, которые были производимы вольными людьми“ отдаются въ компанію „для большаго размноженія и вспоможенія торговли“; и далѣе: ... „съ тѣмъ, чтобы тѣмъ компанейщикамъ оный промыселъ къ государственной прибыли умножить, а инымъ никому не промышлять“¹⁾. Иными словами: устанавливалась полная монополія съ тѣмъ, чтобы развить „производство“ промысловъ, чтобы чрезъ то развить торговлю, и чтобы чрезъ всё это „умножить“ государственные доходы. Компания Меншикова вела свои дѣла до 1721-го года, когда снова было велѣно бѣломорскими промыслами владѣть „всѣмъ промышленникамъ невозбранно“ съ платой за то установленныхъ пошлинъ; при этомъ было упомянуто, что дозволяется такое владѣніе до новаго указа.²⁾ Стало быть, это была временная мѣра: Петръ В. вовсе не хотѣлъ оставлять промысловое дѣло на Сѣверѣ въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось до учрежденія компаніи подъ фирмой Меншикова... Въ 1721 г. изъ среды московскаго купечества явился гость Матвѣй Евреиновъ и изъявилъ согласіе взять бѣломорскіе промыслы въ „содержаніе“; формально онъ и получилъ ихъ въ компанію подъ фирмой московскаго гостя Евреинова съ братьями³⁾; но это правительственное распоряженіе не было реализовано⁴⁾.

промысловъ впервые. О пошлинныхъ сборахъ съ компанейскаго товара Меншикова намъ извѣстно только то, что, было велѣно платить «по прежнему обыкновенію» (И. С. З., IV, 1988 и М. А. М. Ю. С. Д., т. 915). Въ спеціальному изслѣдованіи г. Огородника, очевидно, долго работавшаго въ архивахъ, не приводится ровно никакихъ данныхъ относительно полученій казны отъ компаніи Меншикова.

¹⁾ И. С. З., IV, 1988.

²⁾ Огородниковъ, цит. соч., стр. 184.

³⁾ И. С. З., VI, 384.

⁴⁾ Г. Огородниковъ, не приводя сейчасъ процитированнаго указа (30-го октября 1721 года), думаетъ (стр. 184), «что Евреиновъ предъявилъ такія широкія права на эксплуатацію промысловъ», что царь «рѣшилъ всё дѣло оставить по старому»; но г. Огородниковъ, приводя изъ бумагъ архива д-та там. сборовъ—указъ Петра В. объ оставленіи бѣломорскихъ промысловъ въ «невозбранномъ» владѣніи охочихъ людей, повидимому, не обратилъ вни-

Въ 1723 году (8-го ноября) былъ изданъ указъ о заведеніи компании китовой ловли и о пріемѣ въ нее иностранцевъ наравнѣ съ русскими. Иностранцы явились, но изъ этого предпріятія, которое такъ занимало Петра В., ничего не вышло, кромѣ убытка для казны ¹⁾. Будучи лишь организованы при Петрѣ Великомъ, казенныя китоловныя операціи закончились въ 1729 году. Кто виноватъ въ неудачѣ этого дѣла, кромѣ силъ природы, — трудно рѣшить. Впослѣдствіи специальное учрежденіе, размышлявшее о промыслахъ и торговлѣ—(комmissія о коммерціи), была того мнѣнія, что всѣ убытки, понесенные казною въ сѣверныхъ промыслахъ и вообще всѣ неудачи русской промышленности слѣдуетъ отнести на счетъ иностранцевъ, которые „всякое зломысленное препятствіе чинятъ, имѣя, безъ сомнѣнія, въ томъ тайный запретъ отъ своихъ магистратовъ и торгующихъ людей, занимающихся тѣмъ же китовымъ промысломъ, чтобы не дать ходу нашимъ промышленникамъ, какъ и прежде сего о заведеніи фабрикъ Россійскихъ гамбургцы и голландцы всякими образы тѣшили чинить“ ²⁾. Можетъ быть это и такъ, но во всякомъ случаѣ правительство въ это время (т. е. при Петрѣ В. и до воцар. Анны Иоанновны) старалось стоять на стражѣ русскихъ интересовъ... Такъ, когда одинъ изъ директоровъ казенной китоловной компании бранденбургскій купецъ Вернизоберъ обратился къ Петру В. (въ 1723 г.) съ прошеніемъ объ отдачѣ ему бѣломорскихъ промысловъ въ монопо-

манія на то, что условія Евреинова были *официально уже приняты Царемъ*, какъ это яствуетъ вополнѣ опредѣленно изъ указа, напечатаннаго въ Полн. Собр. Зак. (VI, 3841). Вообще, кажется, вѣрнѣе предположить какія-то «особыя обстоятельства», на которыя Евреиновъ намекаетъ въ своемъ прошеніи въ 1730-мъ году, когда онъ снова обратился къ правительству съ просьбой объ отдачѣ ему въ компанію бѣломорскихъ рыбныхъ и соляныхъ промысловъ.

¹⁾ П. С. З., VII, 4349; на сколько же это предпріятіе интересовало самого Петра Великаго, видно изъ того, что въ указѣ 1724 года (20-го января)—«объ учиненіи особаго начальства по экономіи» Петръ В. снова обращается къ вопросу о китоловномъ промыслѣ и собственноручно пишетъ: «1) ежели есть дѣланные корабли, а буде нѣтъ, велѣтъ сдѣлать 3 или 4; 2) мастеровъ вывести 6 человекъ, которые бьютъ китовъ; 3) мастера послать, дабы выучить солить треску» (П. С. З., VII, 4420; *Ibid.*, въ сенат. дѣл. Московск. Ар. М. Ю., т. 915; см. и у Огородникова—Истор. город. Арханг., стр. 184—186).

²⁾ Огородниковъ, стр. 186.

лію на 15 лѣтъ, то получилъ отказъ, мотивированный именно тѣмъ „вредомъ“ и даже „разореніемъ“, которое будетъ причинено этой монополіей „россійскимъ промышленникамъ“¹⁾. Въ 1729 году извѣстный уже намъ Небель, фигурировавший въ это время на русской службѣ въ качествѣ оберъ-фискала, снова подалъ правительству проэктъ объ учрежденіи на Бѣломъ морѣ китоловной компаніи, но снова потерпѣлъ поражение въ своихъ исканіяхъ поживиться на счетъ китовъ и русскихъ промышленниковъ²⁾...

Но взглянемъ поближе, какъ дальше пошло дѣло, едва начатое при Петрѣ Великомъ; при чемъ постараемся держаться фактовъ.

Въ 1726 г. президентъ камеръ-коллегіи баронъ Шафировъ былъ отправленъ въ Архангельскъ „для собиранія китоловной компаніи“. Китоловной компаніи Шафировъ не собралъ, но за то написалъ въ Сенатъ „донесеніе“: онъ, де, „не чаеть, говорилось здѣсь, „склонить кого-либо ко вступленію въ китоловную компанію“, потому что хотя онъ не только „изуство“ уговаривалъ и склонялъ, но даже обнадеживалъ милостивыми привиллегіями, но тѣмъ не менѣе убѣдить не могъ никого. Пропаганда, будто бы, велась имъ въ продолженіе всего пути до Архангельска, „а именно въ Ярославль, на Устюгъ, на

---

¹⁾ Ibid., стр. 184.: разумѣется, какъ одинъ изъ двухъ директоровъ китоловнаго промысла, Вернизоберъ имѣлъ возможность дѣлать крупныя злоупотребленія и даже способствовать неудачѣ операцій промысла; впрочемъ, другимъ директоромъ казеннаго промысла былъ русскій—Неклюдовъ...

Ар. д-та т. сб. № 221—д. комм. о ком.: Небель ничего не достигъ, не зирая на то, что его уполномоченный, нѣкто Гартонъ, подданный его цессарскаго величества «римскаго», обнадеживалъ Небеля въ письмѣ изъ Москвы слѣдующими словами: «какъ я присланный отъ васъ проэктъ его сіятельству господину графу Остерману вручилъ, то онъ мнѣ немедленно и, не читавъ оного, отвѣтствовалъ: я бы тѣмъ интересентамъ, которые, не требуя никакой государственной денежной суммы, сіе въ доброе состояніе привести похотятъ, такую привиллегію исходатайствовалъ, которую они доволны были бы»... Очевидно были «способы» обходить охраненіе «русскихъ интересовъ», завѣщанное Петромъ В. и эти способы обрѣтались въ тогдашнихъ властныхъ же сферахъ. Если Небель потерпѣлъ неудачу, то это, конечно не закрывало окончательно доступъ иностранцу въ сѣверный промыселъ, какъ это и будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Вологдѣ, на Тотмѣ“. Во всѣхъ этихъ городахъ баронъ „усмотрѣлъ“ „крайнюю нищету. что не токмо кому изъ тамошнихъ жителей въ ту компанію вступитъ, но и денной пищи, почитай, никто не имѣеть“¹⁾.

Пришлось вести китоловное дѣло по прежнему казеннымъ порядкомъ... Баронъ Шафировъ успѣлъ образовать только семужную компанію *изъ одного иноземца* и нѣсколькихъ архангельскихъ купцовъ; въ эту компанію онъ, впрочемъ, вступилъ и самъ; онъ даже испрашивалъ у правительства, чтобы „одной ихъ компаній“ было позволено отправлять семгу и за море, и на внутренній рынокъ; но Верховный Тайный Совѣтъ указомъ 1728 года (31-го мая). согласно съ мнѣніемъ комиссіи о коммерціи, далъ компаніи монополію лишь на заграничный отпускъ, а въ монополіи на внутренній отпускъ отказалъ²⁾.

Далѣе о семужной компаніи извѣстно, что ея операціи принесли значительный доходъ не только ей самой, но и казнѣ³⁾.

Совсѣмъ иная рѣчь о китоловномъ промыслѣ. Прошло ок. 3 лѣтъ послѣ поѣздки въ Архангельскъ барона Шафирова, а правительство все еще печаловалось о томъ, что не образована китоловная компанія; „въ мнѣніи“ камеръ-коллегіи „было показано“, что отдать китоловный кольскій промыселъ частнымъ людямъ „за полезнѣйшее разсуждается“; камеръ-коллегія полагала, что если уже не возможно составить компанію для китоловнаго промысла, то всетаки слѣдуетъ какъ-нибудь его поддерживать и даже развивать, „дабы употребленныя въ тотъ промыселъ деньги не пропали“ и дабы „служители“ „изъ російскаго народа“ не забыли того, „чему научились“⁴⁾.

Въ этотъ критическій моментъ на сцену торгово-промышленной политики снова выступаетъ московская фирма Евреиновыхъ.

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по коммерцъ, б. и ман. кол., т. 915.

²⁾ П. С. З., VIII, 5377.

³⁾ Огородниковъ, стр. 187, смот. также М. А. М. Ю., с. д. по к., б. м. к. к. гл. м., т. 915.

⁴⁾ М. А. М. Ю., с. д., т. 915.

Въ 1730 г. (17-го сентября) одинъ изъ нихъ, именно Андрей Матвѣевичъ Евреиновъ, подалъ въ Сенатъ докладную записку („доношеніе“), въ которой онъ рассказываетъ цѣлую исторію, имѣющую близкое отношеніе къ нашей темѣ. Евреиновъ начинаетъ съ воспоминанія о томъ, что отецъ его имѣлъ въ царствованіе Петра В. „великіе торги“ съ Персіей, при чемъ платилъ „немалое число“ государственныхъ пошлинъ съ вывоза въ Астрахани, „именно каждый годъ не меньше 7000 руб.“, также и съ персидскихъ товаровъ „не малое число“; словомъ, по показанію Евреинова, торгуя съ Персіей, его отецъ доставлялъ правительству ежегодно „по 20000 руб. и болѣе“. Все шло слѣдовательно хорошо; но вотъ въ 1721 году случился въ Шамахѣ бунтъ. Отецъ Евреинова при этомъ потерпѣлъ отъ разграбленія убытку ок. 200,000 руб.; если бы „не древній кредитъ“, то онъ сдѣлался бы нищимъ; но „за помощью Божьею“ и понинѣ платятъ они, Евреиновы, съ товаровъ въ казну „не малое число“ пошлинъ, „хотя торговый промыселъ ихъ гораздо умалился“. Петръ В. во время своего похода въ Персію „обнадежилъ“ его отца насчетъ „награжденія“, котораго однако и „понинѣ не учинено“. Кромѣ того, еще прежде бунта и не „въ награжденіе“, въ 1721 году указомъ Государя старику Евреинову были отданы въ компанію у города Архангельска и въ Колѣ моржевой, китоловной, тресковой „и иныхъ морскихъ звѣрей“ промыслы на 30 лѣтъ. Это именно говорится о той отдачѣ, которая такъ и осталась только на бумагѣ. Теперь представитель фирмы Евреиновыхъ просилъ эти промыслы „въ содержаніе“, говоря, что отдача ихъ пусть и пойдетъ въ качествѣ „награжденія“, которое было обѣщано Петромъ Великимъ. Евреиновъ просилъ „отдать имъ во всемъ такъ, какъ отцу ихъ были отданы“, и обѣщаль доставить казнѣ большую выгоду, если все бѣломорскіе промыслы сосредоточатся въ однихъ рукахъ, въ его „компаніи“. Проситель убѣждалъ правительство указаніемъ на „великій убытокъ“ для ловцовъ, который соединяется съ многохозявьемъ промысловъ: скупщики обижаютъ бѣдныхъ ловцовъ, „заговариваясь между собой въ покупной цѣнѣ“. Евреиновъ не довольствуется, понятно, изображеніемъ своей компаніи, какъ освободительницы бѣдныхъ ловцовъ отъ многихъ скупщиковъ, устраненныхъ однимъ скупщикомъ съ одной своей цѣной: нѣтъ, онъ показываетъ правительству и казенную выгоду; дѣло въ томъ, что

если ихъ компаніи будутъ отданы бѣломорскіе промыслы, то Евреиновъ отваживался взять даже тотъ самый китоловный промыселъ, на которомъ правительство не такъ давно потеряло большой убытокъ и на которомъ, по сообщенію Евреинова, вообще бывають частые убытки даже для *старыхъ иностранныхъ* промышленниковъ. Впрочемъ, этотъ роковой промыселъ „на Грунтлантъ“ Евреиновъ бралъ съ условіемъ, чтобы казенные корабли были отданы компаніи „вѣчно и безденежно“; „безденежно“ даже и въ томъ случаѣ, если тѣ „корабли на морѣ разобьютъ“. Сверхъ всего этого, Евреиновъ просилъ не брать пошлины съ судовъ, которые компанія будетъ строить у города Архангельска, а также съ провизіи и съ тѣхъ товаровъ—сала и кости, которые съ „Грунтланта“ они привезутъ въ Архангельскъ и Колу; это—товары новые и поэтому ихъ не слѣдуетъ, по мнѣнію Евреинова, „отягощать“ пошлинами. Обратившись еще разъ къ скупщикамъ, Евреиновъ настаивалъ на томъ, чтобы правительство прямо таки запретило ловцамъ продавать скупщикамъ свою добычу у Архангельска и Колы и такимъ образомъ спасло ихъ отъ угнетенія. Указомъ 1731 г. (27-го января) просимые Андреемъ Евреиновымъ промыслы были отданы ему съ братьями въ компанію, какъ сказано было,—на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ старый *указъ* отдавалъ ихъ Евреинову-отцу; исключенію подверглась лишь „рыба треска, которая въ 1730 г. (30-го апрѣля) „была уволена въ народъ“. Отдавая эти промыслы Евреиновымъ, правительство внушало, хотя и не такъ настойчиво, какъ прежде (ук. 1721 года),—чтобы они въ свою компанію никого не принимали, кромѣ купцовъ¹⁾. Не смотря на то, что бѣломорскіе сальные промыслы²⁾ фирма Евреиновыхъ

¹⁾ П. С. З., VIII, 5687; Ibid. въ М. А. М. Ю., с. д. по к., б., м. кол. и тл. м., т. 915. Въ *печатномъ* указѣ 1731 г. этого ограниченія состава компаніи одними купцами не имѣется; но означенное ограниченіе указа 1721 года мы находимъ въ *рукописномъ* указѣ 1731 года.

²⁾ Такъ какъ главною приманкою для промышленниковъ были промыслы на Бѣломъ морѣ, то я, ради краткости, и дальше б. ч. называю сѣверные рыбные и сальные промыслы «бѣломорскими»; ради краткости, называю ихъ также и «архангельскими», такъ какъ главная контора большихъ содержателей сѣверныхъ промысловъ находилась въ Архангельскѣ.

получила на 30 лѣтъ, однако пользоваться ими ей пришлось недолго. Б. Петръ Шафировъ, одинъ изъ прежнихъ со- держателей этихъ промысловъ и одинъ изъ участниковъ семужской компаніи, этой выгодной отрасли бѣломорскихъ промысловъ, очевидно, не выпускалъ изъ виду бѣломорской промышленности въ ея цѣломъ и питалъ надежду снова за- владѣть всѣми ея отраслями. Мы не имѣемъ фактическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, почему б. Шафировъ не пере- хватилъ бѣломорскихъ промысловъ у Евреиновыхъ раньше 1734 года; вѣроятно „обстоятельства“ сложились такъ, что нельзя было этого сдѣлать, и промыслы на нѣкоторое время остались въ рукахъ у Евреиновыхъ, получившихъ ихъ зако- нодательнымъ путемъ на три десятилѣтія. Впрочемъ, если б. Шафировъ почему-то не могъ перехватить салыныхъ промыс- ловъ, то у него было много шансовъ выхватить ихъ у Еврей- ныхъ въ скоромъ времени. Б. Шафировъ былъ прези- дентомъ коммерцъ-коллегіи и сенаторомъ. Въ 1734 г. б. Ша- фировъ билъ челомъ предъ Сенатомъ, прося отдать ему бѣло- морскіе промыслы. Какъ водится, и онъ рассказалъ исторію со своей стороны: сообщилъ о томъ, что эти промыслы были пожалованы ему „за службы“, что затѣмъ къ нему въ компа- нію присоединился кн. Меншиковъ ¹⁾, что въ 1721 году про- мыслы было велѣно отдать въ компанію „купецкихъ людей“, что затѣмъ въ 1722 г. они были отданы въ народъ, а затѣмъ въ казенное содержаніе и т. д. Говоря о послѣдовавшемъ затѣмъ „содержаніи“ Евреиновыхъ, б. Шафировъ сдѣлалъ весьма отрицательную характеристику этой „купецкой компаніи“, опи- раясь при томъ на свой официальный авторитетъ президента коммерцъ-коллегіи. „Въ коммерцъ-коллегіи видно, писалъ онъ, „что тѣ промыслы и въ той компаніи не только не размно- жаются“, но даже „и впредь“ на это нѣтъ надежды. Вотъ онъ, баронъ Шафировъ, другое дѣло: „онъ дѣйствительный

¹⁾ Въ указѣ 1704 года компанія эта соединяется прежде всего съ именемъ Меншикова; но быть можетъ Меншиковъ сначала выставилъ впе- редъ Шафирова, а потомъ присоединился къ нему официально?

тайный совѣтникъ, служить Ея Императорскому Величеству у многихъ важныхъ дѣлъ, въ сенатѣ и коммерцъ-коллегій⁴. И онъ дѣйствительно осилилъ московскаго купца. 4-го апрѣля 1734-го же года бѣломорскіе промыслы были отняты у фирмы Евреиновыхъ и отданы были Шафирову на 10 лѣтъ, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и „купецкой компаніи, съ платежѣмъ лишь установленныхъ пошлинъ. Получая промыслы, б. Шафировъ обязывался принять въ компанію двухъ чело- вѣкъ изъ архангельскаго купечества¹).

Эта фирма тоже существовала недолго, всего 4 года. 1-го марта 1739 года П. П. Шафировъ умеръ, и бѣломорскіе промыслы перешли въ руки новой компаніи подъ фирмой барона Шемберга. Поводомъ къ отнятію промысловъ раньше срока у наслѣдниковъ б. П. П. Шафирова могло быть выставлено все, что угодно, включая сюда и пьяное поведеніе сына президента коммерцъ-коллегій—Исаи Шафирова²), но причина такого несоблюденія объявленныхъ „кондицій“ лежала гораздо глубже и заключалась она въ особенностяхъ исторіи торгово-промышленной привиллегіи въ тѣ времена, когда зачиналась только у насъ организація крупнаго торгово-промышленнаго дѣла. Эти особенности постепенно выяснятся предъ нами въ подробностяхъ; не забывая впередъ, теперь я лишь отмѣчу то, что б. Шембергъ былъ выставленъ въ качествѣ лица, которое признавалось весьма способнымъ усовершенствовать наиболѣе важныя статьи русской промышленности. Въ числѣ наиболѣе важныхъ статей къ тридцатымъ годамъ (XVIII ст.) безспорно первое мѣсто стало занимать горное дѣло, къ которому русскіе купцы, какъ мы видѣли, сами и не желали приступить въ XVII стол. Если горное дѣло такъ сильно подвинулось впередъ въ XVIII ст., что правительство именно отъ этой отрасли промышленности стало ожидать наибольшій доходъ³), то этому горное производство обязано энергичной дѣятельности Петра Великаго и его немногихъ помощниковъ.

¹) М. А. М. Ю., с. д., т. 915.

²) Матеріалы къ исторіи горнаго промысла въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, г. Рожкова, стр. 27.

³) Разумѣется, исключая соляное и винное дѣло.

Петръ Великій положилъ крѣпкое основаніе для русской горной промышленности. Начавъ её, по необходимости, государственными и административными средствами, Петръ В., когда попался ему мало-мальски предприимчивый человекъ, способный самостоятельно дальше развивать начатое дѣло, сейчас же передавалъ послѣднее изъ казеннаго—въ частное содержаніе. Такъ, напр., Невьянскій заводъ очень скоро послѣ его постройки былъ отданъ Петромъ Демидову¹⁾; эта передача казеннаго завода частному лицу относится къ 1702-му году, а въ 1721-мъ году (21-го января) въ одномъ изъ своихъ указовъ (а также въ указѣ 1723 г.) преобразователь говоритъ уже о „многихъ купецкихъ людяхъ“, которые „возимъли“ желаніе „компаніями“ „заводить вновь разные заводы“, серебрянные, мѣдные, желѣзные, „изъ которыхъ многіе уже въ дѣйство произошли²⁾“. При извѣстномъ количествѣ частныхъ горныхъ заводовъ горное дѣло въ большинствѣ его пунктовъ продолжало находиться въ казенномъ „содержаніи“ довольно долго и послѣ смерти великаго основателя этого дѣла³⁾. Но такъ какъ въ руководители горными промыслами съ самаго начала попали умѣлые и добросовѣстные люди, то государство очень скоро, послѣ смерти Петра В., *и отъ казенной разработки „подземныхъ богатствъ“* стало получать очень солидный доходъ. Смѣнившій энергичнаго В. И. Дегенина еще болѣе энергичный В. Н. Татищевъ „довелъ“ горное дѣло до того, что уральскіе заводы „давали государству отъ желѣза и мѣди до 100 тыс. рублей чистаго дохода, а въ будущемъ могли обѣщать еще болѣе⁴⁾“.

Отсюда понятно, почему горные заводы обратили на себя вниманіе даже и не промышленниковъ только по профессіи. Въ 1736 г. всѣ казенные заводы были отданы подъ управленіе особаго вновь созданнаго учрежденія, бергъ-

¹⁾ Н. А. Фирсовъ: Иностранческое населеніе прежняго Казанскаго царства и колонизація закамскихъ земель, стр. 236.

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б.-кол. 2710.

³⁾ Существуютъ свѣдѣнія о горныхъ заводахъ при Михаилѣ Теодоровичѣ и Алексѣ Михайловичѣ, но несомнѣнно серьезнымъ основателемъ горнаго промысла слѣдуетъ считать Петра Великаго.

⁴⁾ Матеріалы къ исторіи горнаго промысла г. Рожкова, стр. 3.

директоріума, замѣнившаго собою прежнюю бергъ-коллегію. Во-главѣ этого новаго учрежденія былъ поставленъ генераль-бергъ - директоръ, баронъ Шембергъ, вызванный герцогомъ Бирономъ изъ Саксоніи для усовершенствованія русскаго горнаго промысла. Въ 1738 г. генераль-бергъ-директоръ подалъ на Высочайшее Имя доношеніе, въ которомъ излагалось слѣдующее. Прежде всего баронъ Шембергъ „примѣтилъ“, что „горное дѣло по сіе число“ не особенно развилось и что, вслѣдствіе этого, казенные доходы „не такъ довольны, какъ имъ быть надлежало“. Затѣмъ баронъ находилъ, что „приватные люди“ не имѣютъ достаточно желанія и ревности къ заведенію горнаго промысла или же очень бѣдны и денежнымъ капиталомъ и рабочими руками, что съ другой стороны и одно казенное содержаніе не можетъ считаться вполне достаточнымъ для извлеченія государственныхъ доходовъ изъ горнаго дѣла и что „по его разсужденію“ правительство больше получить прибыли, если заводы будутъ совершенствоваться „не единымъ казеннымъ коштомъ“, но и „иждивеніемъ частныхъ людей“. При этомъ баронъ указывалъ на примѣръ Саксоніи. „А понеже“, продолжалъ саксонецъ, „въ недавнемъ времени представлено“, что въ Верхотурскомъ уѣздѣ при горѣ Благодать существуютъ заводы, которые испрашиваетъ въ содержаніе Петръ Осокинъ, „по нѣкоторымъ неправильнымъ кондиціямъ“, „то онъ, баронъ Шембергъ“ эти заводы „на себя принять готовъ“. Это заключеніе, противорѣча не только интересамъ Петра Осокина, но и логикѣ, очень хорошо вело къ ближайшимъ цѣлямъ барона. Онъ хотѣлъ получить въ свое владѣніе не одни заводы, но и казенную сумму, которую общіе возвратитъ по окончаніи года. Кромѣ гороблагодатскихъ заводовъ, б. Шембергъ желалъ получить мѣстности въ Лапландіи и по Бѣлому морю „для построенія вновь заводовъ ¹⁾“. Все, что просилъ, баронъ намѣревался получить „въ потомственное владѣніе“ съ правомъ строить фабрики на испрашиваемыхъ мѣстахъ, „сколько потребно будетъ“, съ правомъ безконтрольной торговли своими товарами: чтобы „ни

¹⁾ «Отъ стороны восточной моря до Камы и по Бѣлому морю... одинъ дистриктъ отъ 50 верстъ длиною».

въ которомъ видѣ“, поясняя генераль-бергъ-директоръ, „никто его въ томъ не отягчалъ и препятствія не чинилъ“; затѣмъ онъ просилъ, чтобы къ его заводамъ были приписаны крестьяне, не только въ томъ количествѣ, которое будетъ необходимо для начатія дѣла, но и сколько „потребно“ будетъ „впредь, когда заводы размножатся“. На первое время баронъ довольствовался 1000 душъ. Онъ просилъ также дозволенія въ случаѣ нужды выписывать изъ за границы „горныхъ и плавильныхъ людей“. вмѣстѣ со всѣмъ этимъ баронъ желалъ бы, чтобы его заводы были освобождены „отъ всякихъ нынѣшнихъ и будущихъ податей, налоговъ и пошлинъ“, чтобы „потребные съѣстные припасы“ и разные матеріалы были освобождены отъ пошлинъ и на этотъ разъ „по примѣру Акинфія Демидова“. Что касается „припасовъ“, то о нихъ должно было похлопотать, ибо баронъ желалъ самъ явиться продавцемъ этихъ „припасовъ“ своимъ рабочимъ, прося даже запретить послѣднимъ самостоятельно, въ другихъ мѣстахъ, пріобрѣтать для себя вино, табакъ, пиво „и прочіе харчи“. Такая опека надъ рабочими мотивировалась желаніемъ барона не только развивать русскую промышленность, но и слѣдить за русскою нравственностью: — удерживать рабочихъ отъ „непорядочныхъ поступковъ“. Свое прошеніе о такихъ исключительныхъ привиллегіяхъ баронъ заканчиваетъ такъ: „дабы на всё вышеписанное за собственнымъ Ея Императорскаго Величества руки подписаніемъ ему привиллегія была дана и о томъ печатными указами во всей Россійской Имперіи опубликовано было ¹⁾“. Доношеніе б. Шемберга написано въ очень самоувѣренномъ тонѣ: видно, что онъ не рассчитывалъ на отказъ. Но тѣмъ не менѣе, чтобы придать всему этому предпріятію наиболѣе законнѣйшее основаніе, была образована комиссія „о горныхъ дѣлахъ“ прежде всего для обсужденія принципиальнаго вопроса, какое содержаніе горныхъ заводовъ наиболѣе выгодно для государства, казенное или посредствомъ частныхъ компаній, а потомъ уже для обсужденія прошенія барона Шемберга. Въ эту комиссію вошли слѣдующіе члены: гр. Минихъ, б. Петръ Шафировъ, кн. Александръ Куракинъ, гр. Михайло Головкинъ и гр. Платонъ Мусинъ-Пушкинъ. 14-го іюня 1738 года комиссія о горныхъ дѣлахъ донесла Императрицѣ,

¹⁾ М. А. М. Ю, с. д. по б.-кол., т. 1507.

что „опредѣленные“ въ нее „члены въ порученное имъ дѣло“ вступили 3-го іюня и слушали дѣла, переданныя сюда изъ Кабинета, „въ присутствіи генераль-бергъ-директора фонъ Шемберга“. Выслушавъ же, постановили: „какъ старыя дѣйствительныя, такъ и нововъведенныя казенныя горныя заводы“ отдать „партикулярнымъ людямъ въ компаніи“; объ этомъ публиковать „во всемъ государствѣ“, чтобы „охочіе люди, какъ россійскіе, такъ и иностранныя являлись“ „въ комиссію о горныхъ дѣлахъ“ съ объявленіемъ своихъ условій; съ ними-то и будетъ „чиненъ договоръ“ „по взятому отъ генераль-бергъ-директора фонъ-Шемберга мнѣнію и разсужденію учрежденной комиссіи“. На это доношеніе „воспослѣдовала“ Высочайшая резолюція: составить формуляръ публикаціи съ „общаго согласія“ съ генераль-бергъ-директоромъ. Общаго согласія однако не состоялось. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ комиссіи о горныхъ дѣлахъ не могла столковаться съ горнымъ директоромъ, примирившись съ нимъ въ другихъ.

Посредникомъ между спорившими сторонами явился гр. Остерманъ, одинъ изъ членовъ Кабинета. Этотъ вліятельный государственный дѣятель представилъ свое особое мнѣніе, съ которымъ, равно, какъ и съ мнѣніемъ комиссіи, намъ не мѣшаетъ познакомиться поближе: эти „мнѣнія“ недурно характеризуютъ прежніе приемы разбираться въ деликатныхъ государственно—экономическихъ вопросахъ.

Комиссія распространилась о причинахъ, почему казенныя заводы слѣдуетъ передать въ частныя руки, и находила, что казенное содержаніе менѣе прибыльно для государства. Гр. Остерманъ противъ этого пункта замѣчаетъ: „то резоны или причины, чего для казенныя заводы отдаются въ компанію, въ Манифестѣ изобразить видится неприлично“. Дипломатъ не безъ остроумія поясняетъ это „неприличіе“ тѣмъ соображеніемъ, что если въ Манифестѣ „сами признаемъ“, что казенныя заводы не особенно „прибыточны и полезны“ государству, то уже „партикулярныя“ не проявятъ „великой охоты“ къ принятію на себя этихъ заводовъ. Въ другомъ мѣстѣ гр. Остерманъ сопоставляетъ слѣдующія мнѣнія комиссіи и генераль-бергъ-директора: „комиссія желаетъ“, чтобы она сама завѣдывала отдачей казенныхъ заводовъ частнымъ лицамъ, „а генераль-бергъ-директоръ хочетъ“ это дѣло держать въ своихъ рукахъ, т. е. чтобы „охочіе люди“ являлись въ бергъ-директоріумъ.

Гр. Остерманъ не примыкаетъ ни къ тому, ни къ другому мнѣнію; ему „мнится“, что „сей споръ“ можно и „миновать“, такъ какъ это споръ пустой: при такой постановкѣ весь вопросъ сводится къ спору о первенствѣ, а для самаго дѣла безразлично, гдѣ бы претенденты на казенные промыслы ни являлись, „въ комиссіи, или въ бергъ-директоріи, или въ другомъ мѣстѣ“. Г. Остерману не понравились и другіе нѣкоторые пункты въ составленномъ комиссіей формулярѣ Манифеста. Комиссія откровенно сообщала о томъ, сколько повелѣно выпустить мѣдныхъ денегъ; гр. Остерманъ считалъ такую откровенность „неприличной“, ибо, говоритъ онъ, „почто публиковать сколько мѣдныхъ денегъ въ государствѣ дѣлать повелѣно“. Комиссія находила, что не слѣдуетъ брать пошлинъ съ привозимыхъ на горные заводы съѣстныхъ припасовъ и со всего того, что было необходимо для горнаго промысла; гр. Остерманъ не былъ противъ этой льготы; но обнаруживанье ея онъ тоже находилъ „неприличнымъ“, „ибо, говоритъ онъ, „отъ того въ казнѣ Ея Императорскаго Величества можетъ послѣдовать такой ущербъ, который съ полчасовой отъ заводу прибылью несравнительнѣе быть можетъ“. Болѣе правильнымъ приемомъ гр. Остерманъ считалъ „вносить“ объ освобожденіи отъ пошлинъ „въ заключаемые съ заводчиками договоры“, потому-что, по его мнѣнію, такое изъятіе должно вытекать изъ „состоянія всякаго завода“ и тѣхъ условій, на которыхъ этотъ заводъ отданъ. Гр. Остерманъ считалъ также „неприличнымъ“ сообщать во всеобщее свѣдѣніе о выпискѣ „горныхъ людей“ „для порядочнаго произведенія“ заводовъ: „выписать всегда мочно“, лаконически пояснялъ дипломатъ. Затѣмъ гр. Остерманъ былъ не доволенъ и „недовольнымъ“ срокомъ, назначеннымъ въ Манифестѣ для „охочихъ людей“, срокомъ, определеннымъ въ 6 недѣль, въ которыя они обязаны заявить о своемъ желаніи взять казенные заводы въ компаніи, „понеже сей Манифестъ не на шесть недѣль, но навсегда“. При этомъ гр. Остерманъ высказалъ предположеніе, что больше „охотниковъ“ составлять горныя компаніи явится изъ иностранцевъ, особенно изъ голландцевъ и англичанъ, а не изъ русскихъ, „ибо въ Россіи, пояснялъ онъ, „на привядъ (напримѣръ), 10% прибыли приемется за невеликое, а въ другихъ государствахъ 5% или 6% прибыли уже за великое поставляется“; и, по его мнѣнію, „чая-

тельно“, что иностранцы предъявятъ русскому правительству болѣе выгодныя условія, чѣмъ „россійскіе подданные“.

Кромѣ всѣхъ уже извѣстныхъ намъ совѣтовъ правительству, Шембергъ рекомендовалъ власти доставить будущимъ компанейщикамъ полную гарантію ихъ благополучія. Генераль-бергъ директоръ желалъ, чтобы правительство обязалось и въ „военныя времена“ не „отнимать“ ни у кого „горной части“ и чтобы послѣдняя не была бы конфискована „ни за какія вины“; въ крайнемъ случаѣ должна быть оставлена „неотъемлемо“ за наслѣдниками того виновнаго“. По поводу этого наиделикатнѣйшаго сюжета гр. Остерманъ высказался въ томъ смыслѣ, что „такая привиллегія“ зависить отъ Монаршей милости, и если она кому-либо будетъ дана, то послужить „не иначе, какъ къ великому умноженію горныхъ дѣлъ и прабавленію охоты служить“. Тутъ онъ припомнилъ примѣры „другихъ государствъ“ и въ особенности Англіи, гдѣ даются подобныя привиллегіи, отъ чего, по его словамъ, „не токмо на родной кредитъ содержится, но и партикулярные люди, какъ природныя подданные, такъ и чужестранные“, очень охотно „употребляютъ свои деньги“ въ промышленныя предпріятія; при этомъ „природныя подданные“ и „чужестранные“ очень хорошо понимаютъ, что деньги въ такой привилегированной „компаніи“ не пропадутъ и „у наслѣдниковъ ихъ отняты быть не могутъ“. Чувствуя однако, что запрошено слишкомъ много, гр. Остерманъ осторожно указываетъ на возможность примирить русскій патриотизмъ съ интересами иноземца— „содержателя“ даже во время войны съ соотечественниками этого „содержателя“; стоять только на время войны прибыль такого заводчика брать въ казну, а затѣмъ, по окончаніи международной брани, всё опять пойдетъ по старому; а то даже, чтобы уже вполне сохранить интересы иноземца— „компанейщика“, если Императрица „взящую свою милость изволить показать“, то самое лучшее— пусть эта самая „прибыль“ и не тратится на государственныя нужды, а только *сберегается* въ заводческой казнѣ; по окончаніи же войны „имѣть быть“ „отдана“ „чужестранному“ заводчику „вся исправно“.

Между комиссіей и генераль-бергъ-директоромъ возникло разногласіе по вопросу о деревняхъ. Комиссія находила, что деревни слѣдуетъ приписывать къ заводамъ, по

усмотрѣнію верховной власти, а, по мнѣнію генераль-бергъ-директора, распоряженія такого рода должны зависить отъ „благоизобрѣтенія бергъ-директоріи“. Гр. Остерманъ со свойственной ему ловкостью уладилъ и это затрудненіе. Въ своемъ „маломъ мнѣніи“ онъ усматривалъ возможность и этотъ споръ „миновать“, ибо ясно, что деревни должны отдаваться заводчикамъ „по усмотрѣнію“ тѣхъ, „которые къ тому наиспособнѣйшіе, и по указу Ея Императорскаго Величества изъ того мѣста, гдѣ оныя вѣдомы“. Словомъ „наиспособнѣйшіе“ оказались не въ обидѣ.

Но самымъ труднымъ изъ обсуждаемыхъ „пунктовъ“ являлся тотъ, который ставилъ вопросъ о совмѣстительствѣ должности правительственнаго управителя всею горною промышленностью съ владѣніемъ горными заводами на правѣ частной собственности. Для того, чтобы обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ, комиссія обратилась къ историческимъ справкамъ. Заглянула она въ прежніе указы и нашла, что по „плакату“ 1724 года (14 го февраля) и именно по 24 пункту этого акта было повелѣно позволить горнымъ начальникамъ участвовать въ качествѣ частныхъ лицъ въ горномъ промыслѣ „для лучшаго размноженія“ этихъ промысловъ и для возбужденія къ нимъ „охоты“; но это постановленіе, преслѣдовавшее специальную цѣль, стояло въ рѣзкомъ противорѣчій съ указомъ 1714 года, запрещающимъ „вышнимъ и нижнимъ чинамъ каждаго мѣста“ „вступать въ торги и подряды“, касающіеся „къ тѣмъ мѣстамъ“. Изъ этихъ противорѣчивыхъ петровскихъ законоположеній комиссію выводили на прямую и пока не колеблющуюся дорогу указы Императрицы Анны, изданные до прошенія Шемберга и подтверждавшіе не отмѣченный „пунктъ“ „плаката“, а указъ 1714 года, установившій, повидимому, общую норму. Комиссія приняла во вниманіе эту послѣднюю, не смотря на то, что, „торги и подряды съ рудокопными компаніями нѣкоторую дифференцію имѣютъ“. Формальное различіе не помѣшало комиссіи понимать, что государственнымъ интересамъ „будетъ предосудительно“, если „горные управители“ станутъ заниматься горными промыслами: „когда они будутъ интересны, то кому надзираніе за ними имѣть?“ Гр. Остерманъ очень внимательно отнесся къ этому „пункту“ въ разсужденіяхъ комиссіи. Онъ по своему „малому мнѣнію“ не признавалъ „предосудительнымъ“ владѣть горнымъ начальникамъ

горными заводами на правах частной собственности, „ибо, говорил онъ, „тѣ горные начальники или служители лучшіе способы имѣютъ рудоконныя дѣла производить по горному обыкновению“. Гр. Остерманъ даже считалъ ихъ способными показывать примѣръ „другимъ заводчикамъ“, которые „съ лучшимъ радѣніемъ, порядкомъ и основаніемъ“ будутъ „простираются“ „къ сему дѣлу“. Что же касается указа 1714 года, то, по мнѣнію гр. Остермана, этотъ актъ „къ сему дѣлу не приличествуетъ“. Тѣмъ болѣе, что „намѣреніе Ея Императорскаго Величества не о прежнихъ указахъ толковать и оныхъ держаться“. Гр. Остерманъ напомнилъ комиссіи, что она должна лишь „о томъ разсужденіе имѣть“, что можетъ служить къ усовершенствованію горнаго промысла и для чего Императрица можетъ новые „потребные“ указы „учинить“. Комиссія, далѣе возражалъ гр. Остерманъ, „напрасно сомнѣвается“, что „некому“ будетъ „смотрѣть“ за горными начальниками, если они „сами“ явятся „интересентами или участниками“ въ казенныхъ заводахъ: „легко“ могутъ „быть найдены“ „такіе способы“, которые устраняютъ возможность всякаго „сумнѣнія“ въ этомъ: стоитъ, напр., издать „добрые регламенты“ и „всѣ тѣ отъ комиссіи опасаемыя предосужденія“ „могутъ быть“ „отвращены“.

Вообще же комиссія постановила: „всѣ казенные заводы, которые нынѣ въ дѣйствиіи находятся (кромѣ желѣзныхъ въ Сибири, въ горѣ Благодать, и мѣдныхъ въ Лапландіи), отдать въ компаніи, а допускать къ содержанію тѣхъ заводовъ компанейщиковъ съ доклада и дозволенія Ея Императорскаго Величества“. Относительно заводовъ, оставленныхъ комиссіей за предѣлами ея общаго мнѣнія, комиссія высказалась весьма уклончиво: эти заводы еще не приведены въ совершенное дѣйствіе, „и хотя по пробѣ показуется, что руда въ оныхъ мѣстахъ богатая и обильная“, однако въ сужденіяхъ на этотъ счетъ „весьма основательно утверждаться невозможно“; но что „невозможно“ для комиссіи, то очень возможно для Государыни Императрицы: „не соизволитъ ли“ Она Сама „учредить“ „пристойную компанію“ для заводовъ, „не приведенныхъ еще въ совершенное дѣйствіе“. Въ эту компанію „удостоены могутъ быть тѣ, кого Ея Императорское Величество, по высокой своей милости, нынѣ и впредь допустить соизволитъ“.

Двусмысленное „мнѣніе“ комиссіи „о горныхъ дѣлахъ“ поступило на обсужденіе Кабинета; затѣмъ сюда позвали и самихъ членовъ комиссіи „для общаго съ кабинетъ-министрами разсужденія“; отъ этого „разсужденія“, происходившаго 9-го и 10-го февраля 1739 года, не былъ устраненъ и генераль бергъ-директоръ Шембергъ, какъ лицо, весьма заинтересованное. Кабинету удалось склонить комиссію къ согласію съ барономъ Шембергомъ и гр. Остерманомъ относительно права за бергъ-директоріумомъ „выбирать и утверждать компаніи для горныхъ заводовъ“. Было порѣшено не утруждать этимъ Императрицу, а предоставить рѣшеніе такихъ практическихъ вопросовъ специальному административному учрежденію, „какъ то по бергъ-привиліи уже позволено“. Въ остальныхъ пунктахъ, кромѣ двухъ, для насъ несущественныхъ, Кабинетъ согласился съ комиссіею. Послѣ этого все „дѣло“:— прошеніе барона Шемберга, мнѣніе комиссіи и Кабинета вмѣстѣ съ особымъ мнѣніемъ гр. Остермана-поступило на разсмотрѣніе и утвержденіе Верховной власти¹⁾. Это было 12-го февраля (1739 г.), а 14-го февр. послѣдовала резолюція Императрицы Анны: „учинить по вышеписанному общему мнѣнію“²⁾. 3 го Марта (1739 г.) былъ изданъ бергъ-регламентъ, которымъ постановлялось отдавать казенные горные заводы въ компаніи партикулярныхъ людей и въ которомъ доказывалось, что казенные заводы для государства „не такъ прибыточны и полезны“³⁾. Въ это же число былъ обнародованъ указъ „объ учрежденіи горной компаніи для разработки рудъ“: появилась на свѣтъ „привиллегія“ барону фонъ Шембергу, воплѣнившая съ его желаніями, которыя онъ выразилъ въ своемъ прошеніи⁴⁾.

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б. кол., т. 1507. Подъ докладомъ дѣла о горныхъ заводахъ имѣются слѣдующія подписи: «баронъ Шембергъ, Мусинъ-Пушкинъ, Графъ Головкинъ, Кн. Куракинъ, Минихъ, Артемій Волынский, Кн. Черкасскій» и «А. Остерманъ».

²⁾ Ibid.

³⁾ П. С. З., X, 7766; X, 7756: «правила объ отдачѣ въ содержаніе частнымъ компаніямъ казенныхъ горныхъ заводовъ были изданы 18-го февраля 1739 г. («кромѣ желѣзныхъ Гороблагодатскихъ и мѣдныхъ лапландскихъ»)».

⁴⁾ Ibid. 7767.

Такая выдающаяся привилегія невѣдомому и ничѣмъ не замѣчательному саксонскому барону должна же была чѣмъ-нибудь обуславливаться.

Въ источникахъ имѣются довольно ясныя указанія, чьи интересы и желанія лежали въ основѣ всего предпріятія б. Шемберга. Вся разгадка заключается въ томъ, что самъ всесильный герцогъ Биронъ захотѣлъ poradѣть о государственной казнѣ, „чего ради“ онъ и рѣшилъ сдѣлаться негласнымъ „компанейщикомъ“¹⁾.

¹⁾ Г. Рожковъ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи о бергъ-компаніи, основанномъ на неизданныхъ документахъ петербургскихъ архивовъ, полагаетъ, «что душою, учредителемъ и главою бергъ-компаніи былъ никто иной, какъ самъ герцогъ Курляндскій». Впрочемъ это положеніе г. Рожковъ подтверждаетъ только однимъ свидѣтельствомъ, которое можетъ служить лишь косвеннымъ доказательствомъ участія герцога въ бергъ-компанійскомъ «содержаніи». На письменномъ приглашеніи барономъ Шембергомъ «охотниковъ» вступить въ основанную правительствомъ горную компанію для разработки рудъ г. Рожковъ нашелъ слѣдующія строки: «подлинное за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества руки, именно»: «а отъ Насъ въ сію компанію дается 50 т. рублей, Анна». Отсюда г. Рожковъ дѣлаетъ заключеніе: «очевидно, не за свое же имя Государыня внесла эту сумму, а за счетъ своего оберъ-камергера и любимца Іоганна Эрнеста Бирона» (Матеріалы къ исторіи горнаго промысла, стр. 3, 10—12). Заключеніе г. Рожкова вполне подтверждается свидѣтельствомъ современника, на котораго авторъ «матеріаловъ», правда, не ссылается, именно В. Н. Татищева; послѣдній, какъ бывший чиновникъ горнаго вѣдомства, «размножавшій» заводы казеннымъ порядкомъ, несомнѣнно хорошо зналъ закулисную сторону «горныхъ дѣлъ». Въ своемъ «лексиконѣ» В. Н. Татищевъ говоритъ слѣдующее: «Бергъ-директоріумъ учреждено въ 1736 году, вмѣсто бергъ-коллегіи; когда герцогъ курляндскій Биронъ вознамѣрился оный великій государственный доходъ похитить, тогда онъ, призвавъ изъ Саксоніи Шемберга, который хотя ни малаго знанія къ содержанію такихъ великихъ казенныхъ, а паче желѣзныхъ заводовъ не имѣлъ и нигдѣ не видѣлъ, учинилъ его генераль-бергъ-директоромъ съ полною властью, частью подчиняя Сенату, но потомъ видя, что Сенатъ требуетъ о всемъ извѣстія и счета, а тайный Совѣтникъ Татищевъ, которому всѣ сибирскіе заводы поручены были, письменно его худые поступки и незнаніе представилъ, тогда, оставя всѣ учиненной о томъ комиссіи представленія, всѣ заводы подъ именемъ Шемберга оному Бирону съ нѣкоторыми темными и весьма крайне убыточными договорами отдалъ» (Лексиконъ ч. I, стр. 145). Мнѣ кажется, что темный вопросъ о предѣлахъ участія герцога Бирона въ бергъ-компаніи разъясняется однимъ, понавишійся мнѣ при изученіи рукописи.

Герцогъ Биронъ, весьма развязный въ другихъ отноше-
ніяхъ, почему-то былъ очень застѣнчивымъ, какъ промысло-
вой „содержатель“: онъ пожелалъ остаться „компанейщи-
комъ—инкогнито“ или, точнѣе сказать, „невидимкой“.

Выставивъ официально б. Шемберга, горный герцогъ
всталъ за спину барона и, по выраженію В. Н. Татищева,
„вознамѣрился“... *половину доходовъ бергъ-компаніи брать
себѣ*. Цыфровое показаніе принадлежитъ уже не В. Н. Тати-
щеву, а гр. М. Г. Головкину, знавшему предѣлы участія
Бирону точнѣе, чѣмъ обиженный горный чиновникъ...

Имѣя позади себя герцога Бирона, б. Шембергъ
могъ рассчитывать на полное господство въ сферѣ русской
промышленности... А отсюда вполне понятно, почему б. Ша-
фировъ — наслѣдникъ лишился бѣломорскихъ промысловъ
раньше того срока, на какой они были отданы его отцу съ
товарищами и фамиліей.

Рычагъ, производившій отмѣченное въ настоящей главѣ
„колебаніе“, слишкомъ очевиденъ, чтобы можно было дать
иное освѣщеніе описываемымъ отношеніямъ... Это „колебаніе“
любопытно для насъ съ чисто исторической точки зрѣнія, такъ
какъ изученіе его даетъ намъ возможность угадать скрытый
механизмъ старинной финансово-промышленной политики.

Всѣ шло гладко, пока герцогъ Биронъ былъ у власти;
но лишь только онъ палъ, какъ одинъ изъ членовъ бывшей
комmissiи „о горныхъ дѣлахъ“, гр. М. Г. Головкинъ началъ
высказываться предъ правительствомъ слѣдующимъ образомъ.
Онъ указывалъ Кабинету на два вредныя для государства
явленія, вытекавшія изъ того особаго положенія, какое занялъ
въ русской горной промышленности бергъ-директоріумъ: 1)
на то, что со времени учрежденія бергъ-директоріума желѣзо
„большою частью“ „обратилось въ заморскій отпускъ“ и 2)
на то, что отъ этого желѣза генераль-бергъ-директоръ „себѣ

мат., документъ М. Архива М. Юстиц; это—разсужденіе гр. Михаила Гаври-
ловича Головкина, поданное имъ правительству, когда въ немъ уже не было
Бирона, разсужденіе, въ которомъ гр. Головкинъ опредѣленно ссылается на
то, что было тогда «известно». Гр. Головкинъ говоритъ: *«какъ известно, тѣ
заводы (т. е. гороблагод. и лапл.) Шембергъ имѣлъ обще съ бывшимъ герцогомъ
Бирономъ пополамъ»* (Д. С. по б. к., т. 1507).

немалый интересъ получаетъ“. Указаніе на „интересъ“, которымъ пользовался б. Шембергъ въ ущербъ казнѣ, гр. Головкинъ подкрѣплялъ справками, напоминая правительству о томъ, чѣмъ владѣеть генераль-бергъ-директоръ. „Кромѣ того, что имѣеть онъ заморскій желѣзный отпускъ, писалъ гр. Головкинъ, ему, Шембергу, „даны знатныя владѣнія мѣдныя и сибирскіе въ горѣ Благодать заводы“. Но этого саксонскому выходцу мало, и вотъ онъ, по сообщенію гр. Головкина, намѣревается получить и другіе сибирскіе казенные заводы въ свои руки, „знатно усмотря себѣ немалую изъ того пользу“¹⁾. Гр. Головкинъ идетъ даже дальше, чтобы окончательно выяснитъ ненормальность бергъ-директоріума съ такимъ начальникомъ во главѣ, который самъ владѣеть горными заводами и желаетъ получить въ частное содержаніе и остальные казенные заводы, еще не переданные „охочимъ“ лицамъ. Гр. Головкинъ рассуждаетъ такъ: положимъ эти „до-стальные“ казенные заводы не будутъ отданы барону Шембергу; но у него все-таки остается полная возможность получить отъ нихъ выгоду, ибо, по „состоявшейся привилегіи“, раздача казенныхъ заводовъ въ частныя руки есть право бергъ-директоріума, т. е. б. Шемберга; при этомъ онъ „можетъ нѣкоторые на собственную свою персону получить“; а если не захочетъ сдѣлать такого выдающагося злоупотребленія (сказано: „воровства“), то ничто не мѣшаетъ ему „вступить въ компанію“ „съ прочими желающими партикулярными людьми“. При существующемъ управленіи горнымъ вѣдомствомъ б. Шембергъ будетъ „не яко горныхъ дѣлъ командиръ, а сущій содержатель заводовъ“, „понеже большею частью дол-

---

¹⁾ Поводомъ къ цитируемому заявленію гр. Головкина было прошеніе барона Шемберга, поданное имъ въ Кабинетъ несомненно еще въ господствованіе Вирона. Объ этомъ прошеніи мы узнаемъ изъ одного рукописнаго указа Кабинету правительницы Анны Леопольдовны (отъ 11-го февраля 1741 г.); указъ начинается такъ: «намъ безъизвѣстно, что генераль бергъ директоръ Шембергъ подалъ въ оной Кабинетъ представленіе о нашихъ имѣющихся въ Сибири рудокопныхъ заводахъ, токмо оное представленіе понинѣ еще не рассмотрѣно». Затѣмъ предложеніе—«рассмотрѣть». (М. А. М. Ю. с. д. по бергъ-кол., т. 1507).

женъ будетъ“ свои интересы „наблюдать“, да и другимъ станетъ „помогать“ въ полученіи казенныхъ заводовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ совпадать съ его выгодой: „и потому“, писалъ гр. Головкинъ, „чаемо отъ тѣхъ заводовъ казенной пользы быть не уповаемо“. По его мнѣнію, „Шембергу всѣхъ казенныхъ заводовъ отдавать не надлежитъ, а довольно ему и тѣхъ, которые уже отданы“. Но этимъ мнѣніе гр. Головкина далеко не ограничилось; всё сказанное до сихъ поръ было только подходомъ къ истинной цѣли „разсужденія“. Цѣль достаточно хорошо выглядываетъ изъ-за слѣдующихъ рекомендацій правительству: „не соизволено ли будетъ“, подтвердивши прежній указъ, отдающій казенные заводы въ вольныя компаніи ¹⁾, поручить эту раздачу „не одному генеральбергъ-директору“, „но и опредѣлить къ тому“ „Миниха, „дѣйствительнаго тайнаго совѣтника“ и другихъ лицъ, „которые будутъ усматривать казенную прибыль“, а „не такъ, какъ онъ, Шембергъ, самъ себѣ отдачу заводовъ чинить. Кромѣ того, мало—недопустить барона Шемберга къ эксплуатаціи „достальныхъ“ казенныхъ заводовъ, слѣдуетъ еще отнять у него тѣ заводы, которые раньше приходились на долю герцога Бирона: „надлежитъ и ту часть его, Биронову половину, взять по прежнему, въ казну и купно съ прочими казенными заводами отдать въ компанію охочихъ людей“ ²⁾).

Очевидно, переворотъ, совершенный фельдмаршаломъ Минихомъ въ пользу Анны Леопольдовны, долженъ былъ поставить и выгодные казенные промыслы въ соотвѣтствіе съ интересами лицъ, сильныхъ расположеніемъ новой правительницы.

Но гр. Головкину, считавшемуся родственомъ по женѣ съ принцессой Анной, не удалось достигнуть своей цѣли.... Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны доставило возможность другимъ лицамъ обратить вниманіе на исключительныя привилегіи бергъ компаній.

¹⁾ «Понеже раздача тѣхъ казенныхъ заводовъ партикулярнымъ людямъ понынѣ еще дѣйствительно неисполнена (нач. 1741 г.) и то дѣло остается безъ точнаго окончанія, а между тѣмъ помянутый Шембергъ, отпуская за море желѣзо, немалую себѣ прибыль получаетъ, а во внутреннихъ государственныхъ и партикулярныхъ потребностяхъ уповаемо, что не безъ недостатка состоятъ».

²⁾ М. А. М. Ю. с. д. по б. к., т. 1507.

Елизаветинскій Сенатъ прежде всего отнялъ у б. Шемберга *все* промыслы и передалъ ихъ въ казенные содержаніе. Въ указѣ 1742 года (25-го іюня) было заявлено, что баронъ Шембергъ ничего не сдѣлалъ для усовершенствованія отданныхъ ему заводовъ, „какъ указами повелѣно“, и даже „въ казну ничего не платилъ“¹⁾; естественно на немъ „оказался казенный убытокъ“²⁾.

Но какъ былъ великъ убытокъ казны отъ промысловыхъ и торговыхъ операций Шемберга, этого Сенатъ пока еще не зналъ, обозначивъ въ указѣ неполную цифру этого убытка; чтобы выяснитъ размѣры казеннаго убытка необходимо было предпринять подробное разслѣдованіе „бергъ-компанійскихъ дѣлъ“, и о назначеніи слѣдствія мы узнаемъ всё изъ того же указа: „надлежитъ“, говорится здѣсь, „имѣніе его, Шемберга, и письма, кои есть въ Россіи, всё запечатать и, осмотря, переписать, а его Шемберга взять подъ караулъ и спрашивать: не утаилъ ли онъ гдѣ какихъ своихъ имѣній, и кому не роз-

¹⁾ Не будучи обязанъ платить откупныя суммы, такъ какъ и морскіе и горные промыслы были отданы барону для усовершенствованія, Шембергъ долженъ былъ платить въ казну установленныя пошлины, такъ какъ (кромѣ усовершенствованія «ради» или, какъ говорилось, «размноженія») б. Шембергъ получилъ промыслы и «изъ-за платежа пошлинъ».

²⁾ Это дало поводъ Сенату припомнить мнѣніе известной намъ комиссіи «о горныхъ дѣлахъ», мнѣніе «о неудобности» отдавать заводы Шембергу, ибо онъ «только будетъ рачить объ одной своей партикулярной, а не государственной прибыли и пользѣ», что «нынѣ», прибавлялъ сенатскій Высочайше утвержденный указъ, «и самимъ дѣломъ явно оказалось». Мы видѣли, что комиссія дѣйствительно высказалась противъ совмѣстительства горно-административныхъ должностей съ владѣніемъ горными заводами на правѣ частной собственности; но та же комиссія сдѣлала оговорку о гороблагодатскихъ и лапландскихъ заводахъ, предоставивъ ихъ на усмотрѣніе Императрицы. Высказавшись довольно опредѣленно вообще, въ принципѣ, комиссія не рѣшилась столь же опредѣленно высказаться въ частности, вслѣдствіе чего ея «мнѣніе» въ полномъ видѣ и «оказалось» двусмысленнымъ. Одинъ изъ трехъ членовъ Кабинета, гр. Остерманъ, всталъ открыто на сторону б. Шемберга, такъ какъ, разумеется, прекрасно зналъ, что на практикѣ въ вопросѣ объ администр.-интерсентахъ Императрица согласится съ нимъ, правильно оцѣнившимъ «достоинство» «компанейщика» — герцога, притаившагося позади «компанейщика» — барона.

далъ ли подъ образомъ займа, или какихъ сдѣлокъ, и въ долги, и въ купечество и кому именно и когда и сколько“¹⁾.

Для детальнаго разбора шембергскаго оборота была образована особая коммиссія при Сенатѣ; въ эту коммиссію поступали разнаго рода донесенія и прошенія отъ заинтересованныхъ лицъ, а также разнообразныя „вѣдомости“. Слѣдствіе подвигалось впередъ очень туго. „Вѣдомости“ присылались въ коммиссію „неправильныя“, на что жаловался Сенатъ въ промеморіи 1743 года, „а именно по сальнымъ промысламъ многимъ вещамъ и которые сальные товары приняты цѣны не написано, а о прочихъ показано, что еще было не принято“²⁾. Это нисколько не удивительно: стоитъ только припомнить общій характеръ современнаго „Шембергу“ дѣлопроизводства. Такъ въ разгаръ слѣдствія самый главный помощникъ б. Шемберга купецъ, то „польскій“, то „англійской націи“, Еремей Меэръ, писалъ изъ Москвы другому такому же авантюристу въ Архангельскъ, между прочимъ, слѣдующее: „я думаю что возможно будетъ въ канцеляріи что-нибудь выходить подарками... и затѣмъ дѣло волочить, понеже еще сильное стараніе прилагается, чтобы всё по старому сдѣлать и надежда еще не вся пропала“³⁾. Дѣйствительно, это писалось далеко не безъ основанія. Грозное начало слѣдствія потомъ смѣнилось болѣе мягкимъ продолженіемъ, и причина этой перемѣны, повидимому, должна быть отнесена къ ловкости купца Меэра и къ его умѣнію задабривать сильныхъ „персонъ“ въ интересахъ бергъ-компаніи вообще, а своихъ въ особенности. Г. Рожковъ убѣжденъ, что многіе сенаторы „всѣми правдами и неправдами“ старались „покрыть весь долгъ на бергъ-компаніи“⁴⁾. Такъ, когда мѣстное горное начальство не согласилось съ показаніемъ повѣреннаго б. Шемберга и говорило,

---

¹⁾ П. С. З. XI, 8571; въ этомъ указѣ всего долга на Шембергъ показано 234,579 р.

²⁾ Ар. д-та т. сб., д. коммерцъ кол., т. 2215.

³⁾ Ibid., т. 2215, листъ 100-й; письмо цѣликомъ приведено у г. Рожкова (Матеріалы, стр. 32); вообще отмѣченный томъ бумагъ уже подвергся широкой эксплуатаціи со стороны названнаго автора, на котораго я и буду ссылаться во многихъ случаяхъ.

⁴⁾ «Матеріалы» г. Рожкова, стр. 40.

что во всемъ этомъ „убытокъ явный для казны видится“, то чиновникамъ велѣно было составить новую вѣдомость, цифры которой г. Рожковъ справедливо считаетъ „фантастическими“. Сенатъ насчиталъ на баронѣ Шембергѣ и Ер. Меэрѣ долгу на 254,536 р. 24¹/₂ к. ¹⁾.

Я не стану входить въ подробности этого слѣдствія, какъ потому, что онѣ обстоятельно изложены г. Рожковымъ на основаніи сырого матеріала двухъ петербургскихъ архивовъ, такъ и потому, что эти подробности не входятъ въ задачу моего изслѣдованья. Я замѣчу только, что попустительство по отношенію къ бергъ компаніи было велико раньше: не исчезло оно совсѣмъ и въ моментъ ликвидаціи бергъ-компанейскихъ операцій. Въ сенатскихъ дѣлахъ по б.-коллегіи московск. архива М. Ю встрѣчается свидѣтельство, что на б. Шембергѣ „числится взыска́ть должно казенныхъ денегъ всего 308,427 руб., а порукъ на немъ въ томъ никого нѣтъ“. Почему же нѣтъ? Дальше слѣдуетъ поясненіе: „ибо хотя бывший герцогъ Курляндскій при жизни Императрицы Анны Иоанновны до 60000 пудовъ желѣза порукою и подписался“, но въ правленіе принцессы Анны велѣно было „оставить безъ порукъ, а по состоявшимся прежнимъ указамъ велѣно было всякіе казенные товары продавать на готовыя деньги, а не въ долгъ“ ²⁾. „Прежніе указы“ требовали, чтобы за казенные товары покупатели и „содержатели“ платили наличными деньгами въ казну.... О баронѣ же Шембергѣ и Биронѣ В. Н. Татищевъ рассказываетъ, что они переправили за границу до 400,000 рублей ³⁾. Немногимъ отъ этой цифры отличается и цифра долга бергъ-компаніи казнѣ, выведенная по вѣдомостямъ г. Рожковымъ, именно 372,293 р. ⁴⁾ Вообще б. Шембергъ задолжалъ казнѣ и „переправилъ“ за границу, говоря языкомъ старыхъ бумагъ, „немалое число казенной

¹⁾ Въ бумагахъ Московскаго Архива М. Юстиція имѣется и другая цифра «общей суммы долга» на б. Шембергѣ, а именно: 258,426 р. 41³/₄ коп. (С. Д. по б. кол., т. 2874) Разумѣется, эта цифра такъ же неполна, какъ и приводимая г. Рожковымъ изъ бумагъ архива д-та таможенныхъ сборовъ.

²⁾ С. д. по б. к., т. 2864.

³⁾ Лексиконъ, ч. 1, стр. 145.

⁴⁾ «Матеріалы», стр. 45.

суммы“; точно эту сумму опредѣлить едва ли возможно, ибо „содержатели о прибыляхъ не рапортовали“, какъ весьма мѣтко отвѣтила сама коммерцъ-коллегія Сенату на его запросъ о томъ, какъ сильно нажился б. Шембергъ „съ товарищи“.

Такимъ образомъ вполне исполнилось желаніе б. Шемберга, которое докладчики по его дѣлу предвидѣли въ то время, когда Сенатъ еще не особенно мирволилъ барону: тогда критиковалась просьба Шемберга объ отстрочкѣ долга и говорилось, что послѣдняя испрашивается обвиняемымъ „не ради чего другаго, но токмо продолжая время отъ времени вовсе отъ платежа оныхъ, сыскавъ какой-либо способъ, отбыть желаетъ“... „чтобы учинить его совѣзмъ свободнымъ“¹⁾... Шембергъ нашель „способъ“, и его „учинили“ „свободнымъ“; нашель способъ и его главный помощникъ, бывшій въ сущности „товарищемъ“ въ промыслахъ Бирона и К^о,—Ер. Меэръ, дававшій въ долгъ „почти всезмъ нашимъ сановникамъ“²⁾; этому „фактору“ указомъ 16-го декабря 1749 года было постановлено выдать довольно приличную сумму въ число „имѣющей на б. Шембергъ казенной доимки“; въ это время б. Шемберга уже не было въ Россіи, а его помощника и компаньона, „нужнаго человѣка“, можно было считать „за прикащика, неотвѣтственнаго за своего хозяина“³⁾.

Еще слѣдствіе надъ „бергъ—компанейщиками“ не было закончено, какъ на одну изъ промысловыхъ статей, бывшихъ въ ихъ владѣніи, а затѣмъ по отнятіи ихъ у б. Шемберга, поступившихъ въ казенное содержаніе, явились партикулярные претенденты, именно на бѣломорскіе промыслы. Это—во первыхъ, Евреиновъ съ братьями, который жаловался правительству Императрицы Елизаветы Петровны, что промыслы у нихъ были „отобраны безъ всякой ихъ вины“ по одному „неправому прошенію“ Шафирова; они однако „не смѣли“ на его жаловаться „по тогдашней его силѣ“. Во вторыхъ, это—статскій совѣтникъ б. Исай Шафировъ, сынъ Петровскаго дѣятеля Петра Шафирова. Исай Шафировъ просилъ не отдавать бѣломорскихъ промысловъ Евреиновымъ, а отдать ему на 10 лѣтъ. Въ 1744 г. (3-го іюня) Сенатъ разсматривалъ

1) М. А. М. Ю., с. д. по б.-к., т. 2864.

2) «Матеріалы» г. Рожкова, стр. 43.

3) Ibid.; послѣднія слова, въ кавычкахъ, принадлежатъ г. Рожкову.

обѣ челобитныя, детали которыхъ мы опускаемъ, и, сославшись на указъ Петра В. 1721-го года (предписывающій отдавать казенные промыслы „въ компанію купецкимъ людямъ“ и „кромѣ купечества въ той компаніи никому не быть“), высказался въ томъ смыслѣ, что барону Исаю Шафирову, „мимо помянутыхъ Евреиновыхъ, тѣ промыслы въ содержаніе отдать не надлежитъ“¹⁾. Однако „тѣ промыслы“ прошли „мимо“ Евреиновыхъ, „купецкихъ людей“, и попали въ обладаніе не „купецкаго“ человѣка, а самого вліятельнаго вельможи елизаветинскаго времени: и на этотъ разъ новые „потребные“ указы легко могли устранять старья Петровскія, не всегда къ тому же одинаковыя, постановленія.

Бѣломорскіе промыслы поступили въ „содержаніе“ гр. П. И. Шувалова въ 1748 году по указу 6-го іюля; промыслы отдавались гр. Шувалову на 20 лѣтъ съ платежемъ въ казну однихъ лишь пошлинныхъ денегъ (въ размѣрѣ 5 к. съ рубля)¹⁾. Съ бѣломорскихъ промысловъ гр. П. И. Шуваловъ только *началъ* свою „содержательскую“ дѣятельность. Въ 1751 году, по указу 6-го марта, онъ получилъ на срокъ до 1768 года рыбные промыслы въ Астрахани и на Каспійскомъ морѣ, оставшіеся, по словамъ указа, „съ давнихъ лѣтъ впустѣ“. Отдача южныхъ промысловъ мотивировалась успѣхами шуваловскихъ промысловыхъ операций на сѣверѣ. Указъ опредѣленно объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что гр. П. И. Шуваловъ много сдѣлалъ „для размноженія Сѣверныхъ промысловъ“, а главное въ казну платилъ исправно: сначала отъ него поступило 1653 р. 99 к., а за 1750-й годъ—5231 р. 46 к., каковая цифра, по всей вѣроятности, увеличится, когда будутъ сдѣланы „всеѣ аккуратныя справки о заплатѣ внутреннихъ пошлинъ“ съ шуваловскаго товара. Не касаясь любопытнаго запозданія „аккуратныхъ справокъ“ къ тому времени, къ которому ихъ слѣдовало бы „собрать“, мы прямо перейдемъ къ сопоставленію цифръ, выражающихъ сравнительно доходность для государственнаго казначейства отъ казеннаго и шуваловскаго содержанія бѣломорскихъ промысловъ.

¹⁾ М. А. М. Ю. с. д. по комецъ—б., м. к. и гл. мар., т. 915.

²⁾ П. С. З, XII, 9515. «Содержаніе гр. Шувалова существенно входитъ въ нашу задачу. Почему? дальнѣйшее фактическое изложеніе и замѣчанія будутъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. См. также въ слѣд. главѣ общую характеристику «содерж.» гр. П. И. Шувалова.

Промыслы были отобраны у фирмы б. Шемберга въ 1742 г. и поступили въ управленіе коммерцъ-коллегіи; отъ этого года нельзя ожидать большого дохода, и дѣйствительно, по „вѣдомости“ изъ архива департ. таможенныхъ сборовъ ¹⁾ доходъ за 1742 й годъ равняется лишь 3615 р., но въ 1743-мъ году онъ сразу поднимается болѣе, чѣмъ вдвое—до 8884 р. 83 к.; затѣмъ:

въ 1744 г.	—	16220 р. 37 к.
— 1845—	—	14834 р. 48 к.
— 1746—	—	14993 р. 38 к.
— 1747—	—	7385 р. 18 к.

Наканунѣ отдачи гр. Шувалову „доходъ“ упалъ наполовину, но всё же въ этотъ послѣдній годъ казеннаго содержанія онъ оказался выше цифры отъ почти 3-хъ лѣтняго шуваловскаго содержанія, достигавшей лишь 6884 руб. ²⁾; но, положимъ, согласно съ указомъ объ отдахѣ Шувалову южныхъ промысловъ, что эта послѣдняя цифра не полна; вотъ другія цифры, болѣе общаго свойства, которыя однако только подтверждаютъ приведенные нами частные итоги. Общій итогъ суммы, доставленной гр. Шуваловымъ въ казну за всё время его владѣнія бѣломорскими промыслами (1749—1762), равняется по расчету г. Огородникова,—47292 руб. ³⁾, а общій итогъ дохода для казны отъ „содержанія“ ихъ въ „вѣдомствѣ“ коммерцъ-коллегіи, по „вѣдомости“ архива д-та там. сб., равняется—65,934 руб. (1742—1747 гг.) ⁴⁾.

Гр. П. И. Шуваловъ былъ признанъ весьма полезнымъ человѣкомъ для русской промышленности и государственной казны; отсюда вполне естественно, что правительство прикрѣпило къ его имени всю казенную промышленность. Въ 1753 г. (26-го марта) гр. П. И. Шуваловъ получилъ въ свое владѣніе „моржевые, звѣриныя и сальныя“ промыслы по берегамъ Ледовитаго Океана „до Тазъ—рѣки“. „Сенаторъ и кавалеръ“ въ своемъ прошеніи, по которому ему были отданы эти про-

¹⁾ Дѣла коммерцъ-коллегіи, т. 2222.

²⁾ Огородниковъ, Очеркъ исторіи города Арханг., стр. 189.

³⁾ См. Прилож.

⁴⁾ Дѣла коммерцъ-коллегіи, т. 2222.

мысли, сообщалъ нѣкоторыя, довольно интересныя, свѣдѣнья о прошломъ означенныхъ „морскихъ“ промысловъ. Г. П. И. Шуваловъ „увѣдомился“, что „въ прошлыхъ годахъ“ по берегамъ Ледовитаго океана „промышленниковъ хаживало не малое число на судахъ“; отправлялись они на морской промыселъ, кто изъ Архангельска, кто изъ Холмогоръ, кто съ рѣкъ Двины, Онеги, Мезени. И заработокъ былъ очень хорошей: „промышленный народъ, говоритъ прошеніе гр. Шувалова, „весьма пользовался“... Но вотъ „черезъ Верхотурье въ Сибирь“ устроили дорогу... Послѣдовало „яко бы запрещеніе“ промышленяты на Сѣверо-Ледовитомъ океанѣ, и промысловой народъ пересталъ туда „ходить и ѣздить“, почему океаническіе промыслы „стоятъ впустѣ и безъ всякой народной пользы и оныхъ промысловъ никто изъ тамошнихъ обывателей не производитъ“. Для того, чтобы пріохотить „дикихъ народовъ“ къ морю, гр. Шуваловъ испрашивалъ позволенія „въ разныхъ мѣстахъ содержать небольшіе магазины и при ихъ прикащикахъ“; въ магазинахъ онъ намѣревался имѣть „всякіе хлѣбные припасы, сукна сермяжиныя, котлы, топоры, ножи, промысловые инструменты и прочія для тамошняго народа потребности“... Всѣ эти предметы гр. Шуваловъ предполагалъ „мѣнять“ „на сало и прочіе ихъ промыслы“, на что и испрашивалъ разрѣшеніе: чтобы можно было производить такія операціи „безъ всякаго запрещенія“. Всѣ просимыя „права“ (на огромную территорию и на результаты труда „дикихъ народовъ“) гр. Шуваловъ получилъ единственно „въ разсужденіе народной пользы и конечнаго тѣхъ сальныхъ промысловъ умноженія и приращенія въ пошлинномъ сборѣ“¹⁾.

Послѣ всего этого нетрудно было предвидѣть, что гр. П. И. Шуваловъ запроситъ и горные промыслы, которые послѣ Бирона и Шемберга, повидимому, невольно ассоціировались съ рыбными и „звѣриными“ промыслами. Дѣйствительно, гр. П. И. Шуваловъ не замѣдлилъ съ новой челобитной... Въ 1754 году онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ отдачѣ ему гороблагодатскихъ желѣзныхъ заводовъ. Какъ и слѣ-

¹⁾ М. А. М. Ю. с. д. по коммерцѣ, б.-к. и гл. маг., т. 2768; Ibid. П. С. З. XIII, 10083.

довало ожидать, самъ гр. Шуваловъ связалъ свое предпріятіе съ подобнымъ же предпріятіемъ б. Шемберга, сославшись въ своемъ прошеніи на бергъ-регламентъ, это достопамятное произведеніе б. Шемберга, написанное по желанію Бирона и подъ редакціей гр. Остермана. Объ этомъ произведеніи невозможно вспомнить, чтобы оно сейчасъ же не вызвало представленія еще о двухъ „бергахъ“: директоріумъ и компаніи.. Между тѣмъ гр. Шуваловъ понималъ, что ссылка на бергъ-регламентъ, самый невинный изъ всѣхъ трехъ „берговъ“, весьма полезна, ибо она даетъ его прошенію вполнѣ юридическое основаніе; и вотъ гр. П. И. Шуваловъ рѣшилъ опереться на это основаніе, рѣшилъ въ своихъ государственно-промышленныхъ мотивахъ выдвинуть на первый планъ довольно уже прославившійся бергъ-регламентъ. По бергъ-регламенту, указывалъ высокопоставленный проситель, было велѣно казенные рудокопные заводы отдать „въ компаніи или партикулярнымъ людямъ Россійскимъ и иностраннымъ, какого бы народа ни были, *обрътающимся и необрътающимся* въ службѣ Вашего Императорскаго Величества“. По отнятіи гороблагодатскихъ заводовъ у б. Шемберга, послѣдніе находятся въ казнѣ. Вотъ гр. Шуваловъ и хотѣлъ бы „ради бѣльшей государственной пользы“ взять ихъ на себя. Прошеніе было прочитано въ Сенатѣ и выслушано. Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. П. И. Шуваловъ „словесно представилъ“ вниманію Сената слѣдующее.

По указу 1753 года, говорилъ этотъ „сенаторъ и кавалеръ“, „было велѣно“ платить „при портовыхъ и пограничныхъ таможахъ 13 коп. съ рубля“. Этому платежу подвержены пожалованные ему, гр. Шувалову, архангелогородскіе и кольскіе промыслы, съ коихъ до нынѣшняго учрежденія внутреннихъ пошлинъ плачивано было только 5 к. съ рубля“. Здѣсь мы на минуту остановимся съ тѣмъ, чтобы уяснить себѣ эту часть „словеснаго представленія“ гр. Шувалова, ибо приведенныя слова какъ-будто бы недостаточно ясны. Указъ, на который сослался Шуваловъ, это тотъ самый, которымъ было объявлено объ уничтоженіи внутреннихъ таможенъ, т. е. внутренняго пошлиннаго тарифа, согласно съ проэктомъ объ этомъ предметѣ всё того же гр. П. И. Шувалова, о чемъ однако проситель ни однимъ словомъ не упомянулъ. Были уничтожены именно внутреннія таможи и принадлежащій къ нимъ тарифъ, но не самые сборы; сборы лишь перестали на-

зываются внутренними, такъ какъ были перенесены на внѣшній портовый сборъ, который былъ увеличенъ до 13% и 15% съ 5; вотъ почему гр. Шуваловъ и вспоминаетъ о меньшемъ портовомъ сборѣ „до учрежденія внутреннихъ пошлинъ“, т. е. до упомянутой финансовой операціи. Далѣе ходъ „словеснаго“ разсужденія гр. П. И. Шувалова таковъ: въ силу увеличенія портовыхъ сборовъ съ 5 к. до 13 к. и 15 к. съ рубля (13 за архангельскіе товары, 15 за астраханскіе), ему, гр. Шувалову, придется заплатить въ казну „немалую сумму денегъ“ „противъ прежняго“, даже на одни архангелогородскіе промыслы въ 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ ему осталось владѣть ими „по пожалованью“. Въ виду такого, по мнѣнію Шувалова, „излишняго“ для него платежа внѣшнихъ пошлинъ, этотъ расчетливый человекъ и просилъ сбавить цифру откупной суммы, которая была объявлена правительствомъ за гороблагодатскіе заводы. Цифра эта и безъ того была ничтожна, именно 90,000 руб., какъ сообщаетъ кн. Щербатовъ, думающій, что эти заводы могли бы приносить казнѣ „многія сты тысячъ рублей“¹⁾. Прочитанное „словесное представленіе“ гр. Шувалова²⁾ даетъ возможность установить извѣстную зависимость между торгово-промышленными предпріятіями этого вельможи и уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ, мѣрою, столь его прославившею...

Вопросъ въ томъ, какія побужденія и чьи интересы легли въ основу знаменитаго шуваловскаго проэкта объ „уничтоженіи внутреннихъ пошлинъ“? Этотъ вопросъ нельзя считать празднымъ въ исторической работѣ, такъ какъ одною изъ самыхъ существеннѣйшихъ задачъ историческаго знанія является обнаруженіе и опредѣленіе главныхъ силъ, управлявшихъ и управляющихъ человѣческими поступками,—снятіе съ этихъ силъ покрововъ, которыми онѣ прикрыты такъ иногда плотно, что, при поверхностномъ осмотрѣ, представляются совершенно не тѣмъ, каковы онѣ—на самомъ дѣлѣ. Нѣкоторые современники хорошо уловили *общій смыслъ* шуваловскихъ

¹⁾ О поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 64 и 65. Подобное же говорить въ своихъ запискахъ кн. Шаховскій (Записки, стр. 140 и 141).

²⁾ Прошеніе и «словесное представленіе» въ сен. д. М. А. М. Юст. по-б.-кол., т. 2864.

проектъ; такъ кн. Шаховскій однажды бросилъ гр. Шувалову въ глаза, между прочимъ слѣдующія слова: „вашими представленіями и стараніями со всѣхъ внутреннихъ торговыхъ продажъ снята пошлина и та сумма прибавлена въ сборы по тарифу къ пограничнымъ, собираемымъ въ таможенныхъ пошлинамъ; но и въ томъ ваши же собственныя пользы почитаетъ, что тѣмъ освобождалось ваше желѣзо отъ платежа внутреннихъ пошлинъ“¹⁾. Въ дополненіе къ этому показанію слѣдуетъ привести мнѣніе о гр. Шуваловѣ кн. Щербатова, въ правдивости котораго трудно сомнѣваться и который былъ убѣжденъ, что „ни одно изъ дѣйствій“ гр. Шувалова „не было учинено“ имъ „безъ тайныхъ прибытковъ себѣ“²⁾.

„Словесное представленіе“, мнѣ кажется разъясняетъ отрывочныя показанія и мелькомъ брошенное мнѣніе упомянутыхъ свидѣтелей XVIII стол. Это „представленіе“ тѣмъ важнѣе для насъ, что оно сдѣлано самимъ просителемъ, который, разумѣется, не считалъ удобнымъ *яснѣе* выражать свою заботу о „тайныхъ прибыткахъ“, чѣмъ онъ выразилъ; но сквозь призму официальныхъ выраженій можно разсмотрѣть довольно отчетливо, чего собственно желалъ достигнуть гр. П. И. Шуваловъ. Необходимо только слѣдять кое-какія хронологическія справки, чтобы понять финансово-коммерческую комбинацію знаменитаго финансиста и экономиста русскаго XVIII-го столѣтія. Если мы припомнимъ, что проектъ гр. Шувалова объ „уничтоженіи внутреннихъ пошлинъ“ получилъ силу закона почти одновременно съ его прошеніемъ объ отдачѣ ему гороблагодатскихъ заводовъ, то мы легко убѣдимся, что сколько-нибудь значительнаго „убытка“ отъ увеличенія внѣшнихъ портовыхъ сборовъ гр. Шуваловъ и не могъ понести. Известно, что законъ, перенесшій внутреннія пошлины на внѣшній тарифъ, вышелъ 18 го декабря 1753 года, а разбираемое нами прошеніе поступило въ Сенатъ не позже первыхъ чи-

¹⁾ Записки, стр. 141. С. М. Соловьевъ не вѣритъ кн. Шаховскому, заподозривъ его въ пристрастіи и искаженіи истины. Ешевскій, напротивъ, близко придерживается показаній кн. Шаховскаго, хотя и не ссылается на него, въ своей оцѣнкѣ дѣятельности гр. П. И. Шувалова. (Соч., т. 2-й, стр. 417) Вотъ и все, что „достойно вниманія“ въ русско-исторической литературѣ по этому вопросу.

²⁾ О поврежд. нрав., стр. 64.

сель мая 1754 года. Самъ гр. П. И. Шуваловъ въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи обмолвился, что „сумма убытка отъ внѣшнихъ пошливъ“ еще „имѣетъ быть“ для него. Это выраженіе, какъ бы не нарочно, указало на дѣйствительность и понятно нисколько не мѣшало гр. П. И. Шувалову въ другомъ мѣстѣ прямо говорить о „понесенномъ убыткѣ“, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ораторъ ребромъ поставилъ вопросъ объ уменьшеніи откупной суммы за гороблагодатскіе заводы. Гр. Шуваловъ выразился такъ: „не соизволено ль будетъ принять въ разсужденіе, чтобъ при отдачѣ тѣхъ гороблагодатскихъ казенныхъ заводовъ ему, сенатору, генералу и кавалеру, *вмѣсто того понесеннаго убытку*, учинить въ платежѣ за тѣ заводы подлежащей суммы замѣнѣ“.

Вдумываясь въ эту просьбу, можно прійти къ заключенію, что проэктъ объ уничтоженіи внутреннихъ таможенъ не случайно почти совпалъ съ послѣдовавшимъ вскорѣ прошеніемъ графа Шувалова объ отдачѣ ему гороблагодатскихъ заводовъ за уменьшенную откупную сумму. Вѣль проэктируя увеличеніе внѣшняго пошлиннаго сбора, гр. Шуваловъ, конечно, хорошо помнилъ, что этотъ сборъ упадетъ и на его внѣшній оборотъ, основанный пока на „рыбныхъ и звѣриныхъ“ промыслахъ; и если тѣмъ не менѣе, гр. Шуваловъ предложилъ эту тарифную реформу, то для того были вѣскіе аргументы. Какіе же это аргументы? „Народная польза“, о которой такъ краснорѣчиво распространился гр. Шуваловъ въ своемъ проэктѣ? Но думать такъ — значитъ вполнѣ отдаться подъ обаяніе хорошихъ словъ и отвернуться отъ реальныхъ данныхъ... Вся же совокупность послѣднихъ заставляетъ насъ сдѣлать тотъ выводъ, что, когда гр. Шуваловъ составлялъ новый таможенный проэктъ, у него уже имѣлось въ виду и ближайшее его практическое приложеніе: указать правительству на убытки для него, составителя новой тарифной нормы, на убытки именно отъ этого вновь составленнаго тарифа, и тѣмъ самымъ въ видѣ вознагражденія за яко бы „понесенные“ финансовыя ущербы пріобрѣсти отъ казны въ свое владѣніе навывгоднѣйшіе (и теперь, послѣ Шемберга и К°, хоть немного оцѣненные правительствомъ назначеніемъ откупной суммы) горные заводы и при томъ за безцѣнокъ. Таково заключеніе, которое мы имѣемъ право сдѣлать на основаніи извѣстныхъ намъ фактовъ и анализа „словеснаго

представленія“ гр. Шувалова ¹⁾. Понятно такое объясненіе не исключаетъ предположенія, что гр. Шуваловъ *заранне* расчищалъ отъ таможенъ путь себѣ, *какъ будущему* желѣзному королю ²⁾.

¹⁾ Мы приводили свидѣтельство кн. Шаховскаго, что, будто бы, гр. Шуваловъ уничтожилъ внутреннія пошлины для освобожденія отъ нихъ *своего желѣза*. Но это свидѣтельство требуетъ оговорокъ. Дѣло въ томъ, что въ моментъ уничтоженія внутреннихъ таможенъ гр. Шуваловъ еще не владѣлъ горными заводами и слѣдовательно не имѣлъ желѣза; по крайней мѣрѣ, не имѣлъ желѣза въ томъ количествѣ, чтобы стоило исключительно изъ—за него поднимать такія хлопоты. У насъ нѣтъ вполнѣ точныхъ данныхъ для полнаго отрицанія шуваловскаго желѣза до того момента, когда графъ получилъ гороблагодатскіе заводы; но во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, у него до послѣдняго пожалованія не было крупной желѣзной торговли.

²⁾ Скажутъ:—такой вліятельный въ правительствѣ человекъ, какимъ былъ гр. П. И. Шуваловъ, едва ли сталъ бы разсчитывать такимъ уже слишкомъ «хитрымъ» и «меркантильнымъ» образомъ, тѣмъ болѣе, что, если бы онъ стремился только къ своей выгодѣ, а не къ общей пользѣ, то этотъ вельможа могъ бы выхлопотать для *себя одного* освобожденіе отъ внутреннихъ пошлинъ, какъ это дѣлалось и для другихъ; и такой простой пріемъ для него былъ бы гораздо выгоднѣе, чѣмъ освобождаться отъ пошлинъ посредствомъ общей мѣры, ибо освобожденіе *его одного* убило бы всякую конкуренцію съ нимъ въ торговлѣ желѣзомъ; слѣдовательно, зачѣмъ же гр. П. И. Шувалову надо было стремиться къ своей личной выгодѣ чрезъ уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ для всѣхъ?. Убѣдительность этого возраженія совершенно мнимая: даже гр. П. И. Шувалову было бы очень трудно освободить *только свое желѣзо* отъ внутреннихъ пошлинъ; въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ: вѣдь отъ внутреннихъ пошлинъ—и то на сравнительно небольшіе сроки—освобождали товары лишь такого производства, которое, по новизнѣ дѣла, считали нужнымъ поддержать или предметами котораго казна пользовалась непосредственно (напр., сукна, наконецъ—отъ котораго, во всякомъ случаѣ, казна не получала большого денежнаго дохода даже въ пошлинныхъ сборахъ. Отъ горныхъ же заводовъ правительство уже, какъ свидѣтельствуегъ В. Н. Татищевъ и др., получало, а также.... и *желало (что важно) получить «великій государственный» доходъ*. При передачѣ казенныхъ заводовъ именно съ *этою теоретическою цѣлью* въ частныя руки, весь доходъ въ сущности сводился къ пошлиннымъ сборамъ; какой же доходъ получился бы отъ заводовъ гр. Шувалова, если бы онъ выхлопотавъ для *своего желѣза*, долженствовавшаго приносить «умноженную» государственную прибыль—освобожденіе отъ внутреннихъ пошлинъ, оставилъ внѣш-

Отмѣтивъ то, что я считалъ и считаю излишнимъ для правдиваго освѣщенія дальнѣйшихъ фактовъ, обращаюсь къ прерванному хронологическому изложенію.

Сенатъ выслушалъ „прошеніе“ гр. П. И. Шувалова и опредѣлилъ отдать гороблагодатскіе заводы просителю. Постановленіе мотивировалось тѣмъ, что соляные и рыбные промыслы гр. Шувалова, архангельскіе и астраханскіе, „въ такое размноженіе приведены, въ какомъ никогда они не бывали“ и что отъ этого „воспослѣдовала“ „немалая прибыль“ въ пошлинномъ сборѣ. Что же касается „словеснаго представленія“ гр. Шувалова, то на него отъ сената „воспослѣдовала“ такая резолюція: „за тѣ понесенные имъ, гр. Шуваловымъ, убытки которыхъ, по Высочайшему указу, платитъ онъ былъ недолженъ, слѣдуетъ его наградить изъ того капитала, который ему за гороблагодатскіе желѣзные заводы въ казну заплатить надлежитъ“. Сенатъ сослался на Высочайшій указъ, на основаніи котораго съ гр. Шувалова должно было брать однѣ только „настоящія“, т. е. пятипроцентныя пошлины, считал, повидимому, этотъ указъ въ означенномъ отношеніи дѣйствительнымъ и послѣ увеличенія виѣшняго пошлиннаго сбора; вопросъ о томъ, что побудило Сенатъ поступать такъ, а не иначе, слишкомъ простъ, чтобы даже и ставить его

ній тарифъ въ прежнемъ видѣ, безъ увеличенія пограничныхъ пошлинныхъ сборовъ? Разумѣется, очень и очень небольшой... Стало быть, если гр. Шуваловъ и добился бы разными ходами освобожденія отъ внутреннихъ пошлинъ, при прежнемъ виѣшнемъ тарифѣ,—на *нѣкоторое время*, то едва ли онъ могъ бы выхлопотать это освобожденіе *на весь срокъ*, опредѣленный для его «содержанія». Да гр. Шуваловъ этого и не захотѣлъ бы, потому-что такой, образъ дѣйствій несомнѣнно подорвалъ бы выгодную для графа репутацію радѣтеля о государственной и народной пользѣ; вслѣдствіе чего могло случиться такъ, что болѣе довольновидные и практическіе люди встали бы на его мѣсто. Нѣтъ, гр. П. И. Шуваловъ самъ былъ да, вольновидный политикъ, почему и не желалъ дѣйствовать, какъ говорится «нахрапомъ»; очень «деликатно» гр. П. И. Шуваловъ (а не гр. А. И. Шуваловъ) отнесся и къ виѣшнему тарифу, съ которымъ ему было больше простора дѣйствовать напрямикъ подъ прикрытіемъ національно-промышленнаго патріотизма. Ниже мы увидимъ, что гр. Шуваловъ всетаки взялъ всё, что можно было взять, увидимъ, какъ онъ постепенно уходилъ отъ *государственныхъ долговъ*, не переставая говорить о приносимыхъ имъ *благодѣяніяхъ* государству и народу и не теряя удобной для него репутаціи...

серьезно; желчный кн. Щербатовъ по этому поводу занесъ въ свои записки краткую и весьма ясную сентенцію: что, де, Сенатъ въ дѣль гр. Шувалова соблюдалъ „не справедливость и пользу государственную, но страхъ его могущества“¹⁾.

Гр. Шуваловъ вскорѣ доказалъ, что онъ когда беретъ казенные заводы на себя, то думаетъ только „о государственной пользѣ“. Въ засѣданіи Сената 10-го Мая (1754г.) гр. П. И. Шуваловъ „объявилъ“, что онъ весьма благодаренъ Сенату за „справедливость“ (выраженія графа—въ кавычкахъ), которая выразилась въ сенатскомъ „признаніи къ возвращенію“ ему, Шувалову, „излишняго платежа немалой суммы денегъ, сверхъ того, чѣмъ по имянному указу пожалованъ“; будучи благодаренъ Сенату и Императрицѣ гр. Шуваловъ теперь уже не пожелалъ „потребовать къ возвращенію“ немалой суммы денегъ²⁾; словомъ за великодушіе Сената заплатилъ тоже великодушіемъ. Существуетъ извѣстіе, что гр. Шуваловъ получилъ гороблагодатскіе заводы всего за 40,000 рублей „съ небольшимъ“, какъ свидѣтельствуется кн. Щербатовъ³⁾; да и тѣ никогда не были заплачены, потому что гр. Шуваловъ постоянно отсрочивалъ уплату своихъ огромныхъ долговъ казнѣ и умеръ ея неоплатнымъ должникомъ.

У меня имѣется одна челобитная гр. Шувалова объ отсрочкѣ казеннаго долга, которая можетъ послужить дополнительной иллюстраціей къ изложеннымъ выше приемамъ доказывать превосходство для государства частнаго владѣнія казенными промыслами, сравнительно съ казеннымъ содержаніемъ ихъ и на основаніи собственнаго, гр. Шувалова опыта; влѣдствие чего я считаю вполне умѣстнымъ реферировать эту челобитную въ настоящей главѣ. Челобитная относится къ 1759 году и адресована на Высочайшее имя.

Прежде всего гр. Шуваловъ опять-таки повторяетъ принципы бергъ-регламента, что, де, промышленность способна развиваться лишь при помощи привилегій, раздаваемыхъ пра-

¹⁾ О поврежд. нравовъ, стр. 65.

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б.—к., т. 2864; приказали: занести это въ журналъ и доклада о возвращеніи Ея Императорскому Величеству не подавать.

³⁾ О поврежд. Нр., стр. 65. См. прилож.

вительствомъ частнымъ лицамъ, т. е. иначе говоря, повторяетъ принципы меркантильной политики, занесенные въ русское законодательство; затѣмъ, перейдя къ самому себѣ, гр. Шуваловъ упоминаетъ объ отдачѣ ему гороблагодатскихъ заводовъ и начинаетъ увѣрять, что хотя онъ и умножилъ казенный доходъ, тѣмъ не менѣе у него еще остается „желаніе“ „еще болѣе умножить казенную прибыль“. Гр. Шувалову только хотѣлось бы, чтобы само правительство помогло ему „умножить казенную прибыль“. Впрочемъ пусть гр. Шуваловъ говоритъ самъ за себя; а говорить онъ такъ: „казнѣ должень заплатить за упомянутые заводы и фабрики 182,296 руб. и по симъ обстоятельствамъ... необходимо потребна мнѣ помощь“... Гр. Шуваловъ вовсе не желаетъ такой помощи, „которая могла бы казнѣ причинить нѣкоторый убытокъ“; даже „выдачи отъ казны денегъ“ ему не нужно; „помощь“ должна „состоять“ лишь „единственно въ продолженіи времени“ для уплаты казеннаго долга и „для платежа пошлинъ“. Однако дальше мы узнаемъ, что гр. Шуваловъ, прося отсрочить уплату казеннаго долга отъ 1764 г. еще на 10 лѣтъ, выражаетъ желаніе, чтобы съ 1760 года „до тогожь отсроченнаго вновь десятилѣтняго времени“ (т. е. до 1774 г.) его желѣзо было бы совершенно освобождено отъ пошлинъ (чтобы „никакихъ пошлинъ не брать“). Выходитъ такъ, что нужно было сначала задолжать казнѣ около 200 т. рублей, прежде чѣмъ даже гр. Шувалову ходатайствовать предъ правительствомъ объ освобожденіи отъ пошлинъ на извѣстный срокъ для своего *только* желѣза.... При всемъ томъ, говоря Сенату о будущей уплатѣ, гр. Шуваловъ и тутъ не преминулъ высказать убѣжденіе, что его положеніе исключительное среди другихъ заводчиковъ, что его „прошеніе“ слѣдовательно „совсѣмъ отъ прочихъ“ „разнствуетъ“, — „столько много“, что когда „узаконялась“ отдача заводовъ и фабрикъ „въ партикулярныя руки“, то „и представить себѣ не могли“, чтобы „кто съ такою полезностью казнѣ заводы взять могъ, какъ я то учинилъ“, откровенно заявляетъ этотъ необыкновенный заводчикъ. Скромно сознавая свои заслуги, гр. Шуваловъ и въ этомъ „разнствующемъ“ отъ другихъ прошеніи не мжетъ не поспѣтовать на убытки, которые онъ „понесъ“ „отъ платежа“ пошлинъ; кромѣ того, здѣсь онъ не умалчиваетъ о своемъ, какъ онъ выражается, „изобрѣтеніи“ увеличе-

нія вѣшнихъ пошлинъ, отъ чего произошло „великое приращеніе казнѣ“ и „облегченіе народу, по причинѣ уничтоженія внутреннихъ таможенъ“; „изобрѣтая“ вѣшнія пошлины (отъ чего, разумѣется, должна была получиться прибыль въ пошлинномъ сборѣ¹⁾, только не отъ шуваловскаго товара), гр. Шуваловъ могъ бы свой „интересъ предостеречь“; но онъ этого „не учинилъ“, ибо „предпочиталъ пользу государственную своему интересу въ доходахъ, а народу въ облегченіи“.... и т. д.²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно быть подкупленнымъ безкорыстіемъ гр. П. И. Шувалова, когда онъ персонально заявилъ, что онъ, какъ остроумный человекъ, могъ бы, если бы хотѣлъ, „свой интересъ предостеречь“; бѣда лишь въ томъ, что довѣрчивые люди едва ли захотятъ вникнуть въ суть всѣхъ шуваловскихъ комбинацій и увидать, что этотъ „содержатель“ дѣйствительно и „предостерегъ“ — и даже очень хорошо — „свой интересъ“...

Надо ли прибавлять, что Сенатъ не съ большею готовностью спѣшилъ согласиться съ безкорыстіемъ гр. Шувалова? Въ томъ же 1759 году на прошеніе Шувалова объ отсрочкѣ казеннаго долга состоялся вполне согласный съ желаніемъ графа указъ, который, какъ тому и быть подобаетъ, и былъ разосланъ по различнымъ учрежденіямъ³⁾. За то впоследствии и пришлось гороблагодатскіе заводы, отданные Шувалову, какъ извѣстно, за ничтожную сумму, — взять обратно въ казну *въ счетъ его казенныхъ домовъ за 750,000 руб.*⁴⁾;

---

¹⁾ Расчетъ гр. Шувалова былъ простой и вѣрный: онъ высчиталъ, что за 5 лѣтъ разные внутренніе сборы достигаютъ 903,537 руб.; если эту сумму разложить на сумму, получаемую съ товаровъ въ пограничныхъ таможахъ, именно на 8,911,981 р., то на рубль придется 10 к. съ $\frac{1}{8}$ к.; если съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ брать по 13 к. съ рубля, то получится, сверхъ желаемой суммы, 255,020 руб.

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б. к., т. 2864.

³⁾ М. А. М. Ю., Ibid.

⁴⁾ О поврежд. нравовъ. стр. 65; кн. Щербатовъ не спокойный наблюдатель; но ему нельзя не довѣрять, такъ какъ его сообщенія, при всей ихъ отрывочности, въ общемъ согласны со всеми другими свѣдѣніями по этому вопросу, достойными серьезнаго вниманія.

очевидно одно обстоятельство: правительству пришлось обратно взять уже по дорогой цѣнѣ свои собственные заводы.

Къ таковымъ результатамъ приходило частное содержаніе наиглавнѣйшихъ казенныхъ промысловъ, усиленно рекомендованное во имя государственной пользы сильными людьми при самомъ зарожденіи широкихъ промышленныхъ предпріятій въ Россіи. Эти результаты однако вовсе не доказывали, что русскіе государственные люди первой половины XVIII стол. ошиблись въ расчетахъ на тотъ принципъ, который проповѣдывался въ бергъ-регламентѣ и который заключался въ теоретическомъ (не говоря уже о практическомъ въ извѣстномъ смыслѣ) предпочтеніи частно-компанейскаго содержанія казенныхъ промысловъ содержанію отъ казны. Въ другихъ случаяхъ этотъ принципъ и на практикѣ подтверждался не такъ, какъ въ операціяхъ „партикулярныхъ людей, состоящихъ на службѣ“, вслѣдствіе чего указаніе, положимъ, камеръ-коллегіи на плохіе итоги казеннаго содержанія казенныхъ промысловъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Камеръ-коллегія говорила: „рыбные промыслы приходятъ въ умаленіе, такъ-что уже охочихъ людей къ покупкѣ рыбы и рыбныхъ припасовъ въ Астрахани мало является“, и приходила къ вполнѣ справедливой мысли: „полезнѣе тѣ рыбные промыслы на откупъ отдавать, нежели въ казенномъ содержаніи имѣть“¹⁾. Неновые уже для насъ слова, идущія на этотъ разъ отъ камеръ-коллегіи, подтверждаются слѣдующими новыми данными „содержаній“ казеннаго и частно-компанейскаго (простыхъ кушцовъ), и подтверждаются въ полномъ, а не въ переносномъ смыслѣ. Когда въ 1752 (7-го января), „по присланному изъ прав. Сената указу“, было велѣно разузнать, „не пожелаетъ ли кто всѣ имѣющіеся казенные рыбные промыслы взять на откупъ или въ компанію, то камеръ-коллегія, исполняя это приказаніе, навела справки. Вотъ онѣ, эти интересныя справки.— Астраханскимъ промысламъ „окладъ показанъ“ въ 43,275 р. 46 к.²⁾, а саратовскимъ 4307 р. 56 к.; затѣмъ изъ „астраханскаго оклада“ нужно исключить 4692 р. 69 к. въ годъ, такъ какъ „въ нынѣшнемъ 1753 г., говоритъ донесеніе, „про-

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 882.

²⁾ По книгѣ 1724 г. окладъ астраханскимъ казеннымъ промысламъ былъ показанъ 47,583 р. 2³/₄ к.; затѣмъ, по отдачѣ «на откупъ и помѣщи-

мысли при Гурьевѣ городкѣ“ были отданы за эту сумму въ содержаніе яицкому войску; слѣдовательно „въ астраханскомъ окладѣ“ остается 38,582 р. 77 к. Далѣе извѣстно, что претендентомъ на саратовскіе казенные промыслы явился купецъ Иванъ Дубровскій съ товарищами, который желаетъ взять ихъ на откупъ съ 1753-го года („а клей, по отдержаніи откушникомъ, съ 1754-го по 1757-му год.) и обязывается платить тотъ „окладъ“, въ который эти ловли „положены“. Кромѣ того, по сообщенію же камеръ коллегіи, Иванъ Дубровскій просилъ, чтобы ему не было запрету, „ежели они, компанейщики, пожелаютъ, вмѣсто зернистой, строить армянскую икру“, которая иначе называлась („другимъ мастерствомъ“) „мешечной“¹⁾. На послѣднюю компанія Дубровскаго несомнѣнно болѣе всего и рассчитывала, такъ какъ на обработку икры армянскимъ способомъ и на торговлю его Дубровскій и испрашивалъ для компаніи монополію²⁾. Дубровскій также ставилъ условіемъ, чтобы компаніи не было „запрета“ въ торговлѣ, какъ внутри, такъ и внѣ государства, „гдѣ способнѣе будетъ“.

На этихъ условіяхъ саратовскіе рыбные промыслы были отданы Дубровскому и К^о „изъ платежа“ 9260 руб. въ годъ вмѣстѣ съ царичинскими градскими водами (за 378 р. 79 к.). Вдобавокъ къ этому компанія должна была платить всевозможныя пошлины „съ того откупу“ и особую сумму въ „мешечной икры“; эта сумма, при благопріятномъ ходѣ компанейскихъ дѣлъ, могла достигать солидной цифры, ибо съ пуда

камѣ во владѣніе части этихъ промысловъ за 4169 р. 14¹/₄ к. окладъ имѣ „былъ показанъ“ въ 43,413 руб. 87 к. (М. А. М. Ю., изъ с. д. по камеръ-кол., т. 870). Астраханскіе промыслы, какъ извѣстно, были взяты на себя гр. Шуваловымъ; но не всё: незначительная часть ихъ оставалась на казенномъ содержаніи; но крайней мѣрѣ, начиная съ 1742 по 1757 г., мы имѣемъ свѣдѣнія о доходахъ казны съ казенной рыбы. (См. прилож.—е). Эта-то именно часть, вѣроятно, и вошла въ составъ того „содержанія“, на которое впоследствии попалъ Сидоръ Поповъ (см. VII-ю главу).

¹⁾ Доходъ отъ мешечной икры при казенномъ содержаніи въ 1747 г.—152 р.; въ 1748 г.—124 р.; въ 1750 г.—132 р. и въ 1751 г.—186 р.

²⁾ «А другимъ, кромѣ ихъ, безъ позволенія не дѣлать, также и въ астраханскихъ водахъ на партикулярныхъ ватагахъ всякаго чина званія людей армянской икры, кромѣ зернистой, отнюдь никому ни подъ какимъ видомъ не дѣлать и внутри и внѣ государства не вывозить».

мешечной икры Дубровскій обязался платить въ казну 12 к.¹⁾

Вопросъ объ отдачѣ саратовскихъ казенныхъ промысловъ Дубровскому и К^о вызвалъ также справку о доходахъ казны съ этихъ промысловъ при казенномъ содержаніи, и эта-то именно справка документально доказывала, что камеръ-коллегія имѣла за собой полное основаніе, выражая мысль о наибольшей доходности казны отъ частнаго содержанія: оказывалось, что откупная сумма Дубровскаго превозшла самый крайній доходъ отъ промысловъ при казенномъ содержаніи ихъ²⁾. Преимущество частнаго содержанія представится еще больше, если мы отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ цифры 1747, 1748, 1749 и 50-го годовъ вошли деньги съ мешечной икры, доходность отъ которой, при компанейскомъ содержаніи Дубровскаго, еще не могла быть извѣстна и слѣдов.; не могла войти въ откупную сумму (9260 руб.). Словомъ, „содержаніе“ обѣщало быть гораздо выгоднѣе для казны, чѣмъ прежнее казенное „производство“ промысловъ. Конечно, Дубровскій могъ и не выполнить по отношенію къ казнѣ всего того, выполнить что онъ обѣщался; но въ распоряженіи власти находилось столько средствъ для понужденія простаго купца Дубровскаго къ уплатѣ, что выполненіе имъ взятыхъ на себя фискальныхъ обязанностей слѣдовало считать въ значительной степени обеспеченнымъ...

Доктрина о наибольшей выгодѣ для государственныхъ финансовъ отъ частнаго содержанія казенныхъ промысловъ крѣпко утвердилась въ сознаніи власти. Рыбныя, утинныя и и лебединныя ловли на Ильменѣ было велѣно отдать на откупъ, съ 1751 до 1755 г.; компанія составила, и тѣ ловли давали казнѣ доходу—1669 р. 80 к. въ годъ: но въ 1754 г., не державъ сроку, „компанейщики“ „отреклись“... Никто не выискивался, кто пожелалъ бы взять эти промыслы сполна все: рыбныя, утинныя и лебединныя; охотники находились только

---

¹⁾ Указъ въ этомъ смыслѣ былъ посланъ 15-го мая 1753 года. М. А. М. Ю., С. Д. по камеръ-кол., т. 2764.

²⁾ Приведемъ все имѣющіяся въ справкѣ цифры казенной прибыли съ саратовскихъ рыбныхъ промысловъ, означающія и оброчныя деньги, и барышъ «съ проданныхъ при казенномъ содержаніи—рыбы, рыбныхъ припасовъ, клея, икры»—и показывающія колебаніе казенной прибыли за цѣлый рядъ лѣтъ:

на одни рыбные, — за которые даже „надавали“ по 50 рублей въ годъ. Камеръ-коллегія нашла необходимымъ высказаться въ томъ смыслѣ, что приходится, де, отдать рыбные промыслы на Ильменѣ „отдѣльно отъ прочихъ сборовъ“, а Сенатъ принужденъ былъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и велѣлъ опубликовать ¹⁾).

Общая мысль настоящей главы, какъ, вѣроятно, уже давно ясно самому читателю, заключается въ томъ, что колебаніе между казеннымъ и частнымъ содержаніемъ выгодныхъ статей государственной промышленности въ 1-ой половинѣ XVIII ст. ²⁾ зависѣло отъ соображеній не столько государственнаго, сколько частнаго, личнаго характера.

Въ 1732 г. — 4643 р. *).	— 1743 г. — 7342 р.
— 1733 г. — 4136 р.	— 1744 г. — 5378 р.
— 1734 г. — 4242 р.	— 1745 г. — 7767 р.
— 1735 г. — 4087 р.	— 1746 г. — 7009 р.
— 1736 г. — 4238 р.	— 1747 г. — 8698 р.
— 1737 г. — 3247 р.	— 1748 г. — 7974 р.
— 1738 г. — 5388 р.	— 1749 г. — 6755 р.
— 1739 г. — 5163 р.	— 1750 г. — 8486 р.
— 1740 г. — 5824 р.	— 1751 г. — 7856 р. (М. А. М. Ю.,
— 1741 г. — 6936 р.	ibid. 2764 т.).
— 1742 г. — 4479 р.	

*) Копейки отбрасываю.

¹⁾ П. С. З., XIV, 10414.

²⁾ Какъ я замѣтилъ выше, настоящая глава имѣетъ своимъ предметомъ лишь такіе промыслы, которые, за исключеніемъ виннаго и солянаго дѣла, были наиболѣе доходны и которые поэтому породили весьма оживленную политику. Мы однако не станемъ думать съ читателемъ, что «колебаніе» коснулось только «рыбныхъ и звѣриныхъ» промысловъ; нѣтъ, эта неустойчивость свойственна вообще всей торгово-промышленной политикѣ разсматриваемаго времени, относящейся, какъ къ винному и соляному дѣлу, такъ и къ другимъ статьямъ, доставлявшимъ большой или меньшій доходъ казнѣ. Къ таковымъ статьямъ относится, напр., торговля смолой. До 1726 г. смола находилась въ казенномъ содержаніи и давала казнѣ около 40,000 руб. ежегодно; съ 1726 г. смола была объявлена свободной, оставаясь въ частномъ содержаніи до 1741 г. и принося ежегодно не выше 8000 руб. казеннаго дохода; съ этого послѣдняго года смола снова была объявлена государственной монополіей, но на этотъ разъ, вмѣсто восьми тысячъ част-

Разсмотрѣнное „колебаніе“ именно и обусловливалось: 1) тѣмъ, что вліятельные люди стремились завладѣть наиболѣе доходными казенными промыслами и 2) тѣмъ, что обстоятельства, благопріятствовавшія тому или другому вліятельному лицу, были очень измѣнчивы, чему особенно способствовали частыя смѣны правительствъ въ изучаемый промежутокъ времени: съ каждымъ новымъ правительствомъ на мѣсто прежнихъ вліятельныхъ людей вставали новые, желавшіе, подобно своимъ предшественникамъ, при помощи связей, пріобрѣсти себѣ и экономическія блага *на законномъ основаніи*... Не всё, по самому свойству предмета, возможно доказать документально на основаніи официальнаго матеріала; но общій смыслъ изучаемаго явленія въ предѣлахъ означенныхъ въ этой главѣ статей промышленности, думаю, не представится инымъ всякому безпристрастному наблюдателю.

Въ 1745 году (19-го марта) было объявлено, что промыслы по Волгѣ, отданные частнымъ лицамъ „всѣ у нихъ взяты въ казенное содержаніе“¹⁾. Припомнимъ, что за подобнымъ же распоряженіемъ 1704 года (лишь касавшимся „рыбныхъ ловель“ „всего государства“) послѣдовала, посредствомъ правительственнаго указа, отдача бѣломорскихъ промысловъ Меншикову и К^о; а теперь, за отмѣченнымъ распоряженіемъ 1745 года, не такъ скоро, какъ раньше, но всё же послѣдо-

---

наго содержанія (когда казна въ 14 лѣтъ, сравнительно съ предъидущимъ казеннымъ временемъ понесла убытку до 448 тыс. руб.), казна отъ соляного торго стала получать не болѣе 6 тысячъ руб. (доходъ колебался между 5-ю и 6-ю тысячами). Наконецъ, въ 1760 г. состоялся указъ объ отдачѣ смолы въ откупъ Нарышкину, въ рукахъ котораго она и находилась до указовъ 1773 и 1774 гг., указовъ, сдѣлавшихъ торгъ смолой свободнымъ (Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышл. Россіи, т. II, статья Рейхеля, стр. 386—388).

Ловля жемчуга при Петрѣ Великомъ была государственной монополіей (И. С. З., VI, 3793, 4061), а въ царствованіе Анны Ивановны ловля жемчуга была дозволена всѣмъ, съ тѣмъ, чтобы лучшій жемчугъ представляли воеводамъ «для полученія награды по разсмотрѣніи» (И. С. З., IX, 6922). Это распоряженіе оставалось въ силѣ и въ послѣдующее время (И. С. З. XVI, 12035).

¹⁾ И. С. З., XII, 9125. Конечно, въ «казенное содержаніе» взяты съ тѣмъ, чтобы потомъ отдавать «партикулярнымъ людямъ» изъ-за «наддачи».

вало господство въ волжскихъ промыслахъ гр. П. И. Шувалова ¹⁾).

Дубровский и ему равные по общественному положенію, получившіе сравнительно съ Шуваловымъ ничтожныя крохи, дѣйствительно, послѣ указа 1745 года, „надали“ и тѣмъ доказали камеръ-коллегіи преимущество частнаго содержанія надъ казеннымъ; но гр. Шуваловъ, подобно кн. Меншикову и бар. Шембергу, не только ничего не „надавалъ“, но прямо таки не платилъ никакой оброчной суммы.

¹⁾ Шуваловъ могъ и не участвовать съ задними и безъ заднихъ мыслей въ составленіи указа 1745 г. объ отобраніи казенныхъ промысловъ у частныхъ лицъ, но всё равно: суть дѣла въ томъ, что новое правительство возвращало прежде всего себѣ свои собственные промыслы, переданные въ частныя руки прежнимъ правительствомъ; послѣ этого одинъ небольшой шагъ, чтобы выступить сильнымъ *лицамъ* въ качествѣ «партикулярныхъ людей», желающихъ выгодные промыслы взять себѣ «въ компанію» или «въ содержаніе».

Глава VI-я.

Характеристика промысловых¹⁾ компаний—
„содержаній“.

Въ предыдущихъ главахъ мы имѣли довольно много случаевъ наблюдать слѣдующія явленія. Въ первой половинѣ XVIII го стол. (особенно же въ эпоху петровской реформы) правительство стремится поставить на ноги, какъ можно скорѣе, торговлю и промышленность въ странѣ, при чемъ въ 1-ю четверть вѣка въ правительствѣ— до смерти Петра Великаго—преобладаетъ серьезный государственный взглядъ на эти обѣ нераздѣльныя отрасли народнаго труда, взглядъ, главнымъ носителемъ котораго былъ самъ великій Монархъ и преобразователь; серьезныя государственныя задачи не исчезли изъ торгово-промышленной политики и при Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ и при Елизаветѣ Петровнѣ, но стремленіе къ исторической истинѣ требовало отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что государственныя цѣли, которыя по прежнему преслѣдовались торгово-промышленной политикой въ теоріи, на практикѣ начали сильно эксплуатироваться видными властными дѣятелями для личныхъ цѣлей, о чемъ существуютъ показанія и правдивыхъ современниковъ этихъ дѣятелей. Въ этотъ послѣпетровский моментъ (до Императрицы Екатерины II-ой) офици-

1) Этимъ терминомъ я хочу указать, что здѣсь рѣчь пойдетъ не о мануфактурахъ и фабрикахъ, а о промыслахъ рыбныхъ, горныхъ, звѣриныхъ и т. под.,—и только; въ изложеніи я употребляю уже безразлично слова: промышленный и промысловой.

ціальная бумага *лишь говорит* о разныхъ способахъ, ведущихъ къ развитію промышленности и торговли; въ этотъ моментъ между разсужденіями „о государственной и народной пользѣ“ и дѣйствительностью легко замѣтить полный разладъ. Далѣе. Черты дѣйствительности, намѣченныя въ предшествующихъ главахъ, обобщаются въ двухъ главнѣйшихъ соціально-экономическихъ категоріяхъ. Это: 1) торгово-промышленныя компаніи вліятельныхъ лицъ или лицъ, очень близкихъ къ нимъ по своему сословному положенію; словомъ,—дворянскія торгово-промышленныя компаніи; 2) —торгово-промышленныя компаніи крупныхъ купцовъ. Наконецъ, изъ предъидущаго же можно заключить, что официальныя лица, близкія къ правительственной власти, по очевиднымъ причинамъ, владѣли наиболѣе выгодными промыслами, затмѣвая такимъ образомъ своимъ торгово-промышленнымъ дѣломъ даже самыя крупныя купеческія товарищества. Вотъ почему мы и начнемъ свою характеристику съ первой категоріи, собравъ въ настоящей главѣ отрывочныя и нерѣдко чрезвычайно краткія указанія, которыя мы нашли въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ, изучая „компаніи“ этого порядка.

Нельзя сказать, чтобы владѣніе большими промыслами и занятіе болѣе или менѣе широкими торговыми операціями именитыхъ служилыхъ людей вели свое начало съ X VIII стол. Не говоря уже о боярахъ новгородскихъ и псковскихъ, основывавшихъ свое политическое могущество на значительныхъ промысловыхъ угодьяхъ и торговыхъ оборотахъ, и московскіе бояре не были совершенно чужды промысловъ и торговли, всё равно, какъ московскіе „гости“ не были чужды извѣстныхъ служилыхъ функцій. Укажу, для примѣра, на боярина Бориса Годунова, промысловыя владѣнія котораго по своему объему обратили особенное вниманіе любознательнаго и наблюдательнаго англичанина ¹⁾. Тѣмъ не менѣе лишь съ XVIII стол.

---

¹⁾ Вопросъ о промысловыхъ владѣніяхъ въ Московскій періодъ еще ждетъ своего изслѣдователя. По словесному мнѣ сообщенію одного изъ усердныхъ работниковъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи А. Н. Зерцалова въ этомъ источникахранилищѣ имѣется отдѣлъ, еще очень мало извѣстный, о пожалованьяхъ московскими государями гл. образомъ XVII стол. различныхъ промысловъ служилымъ людямъ; къ сожалѣнію, я не имѣлъ

промысловыя владѣнія именитыхъ, „излюбленныхъ“ людей на столько раздвинули свои границы и такъ тѣсно переплелись съ финансовыми интересами казны и социальными-экономическими отношеніями къ низшимъ классамъ населенія, что изъ спорадическаго (болѣе или менѣе) явленія прежняго времени, наконецъ, выросъ вопросъ не одного финансоваго, но и социальнаго значенія, какъ для современнаковъ гр. П. И. Шувалова и компаній, такъ и для научнаго изслѣдованія. И при томъ этотъ вопросъ выросъ не сразу даже въ XVIII стол., а съ достаточной постепенностью.

Мы видимъ, что компанія кн. Меншикова „производила“ еще не столь много, чтобы можно было считать, что промыслы, отданные ей на исключительныхъ условіяхъ для размноженія, сколько-нибудь удовлетворили ожиданіямъ и надеждамъ Петра Великаго: повидимому, они и отобраны были у компаніи потому, что она заботилась лишь о „размноженіи“ своей прибыли, а не промысловъ. Самыя операціи компаніи не шли дальше проторенныхъ путей отъ сѣверныхъ старинныхъ пунктовъ; оборотъ компаніи былъ сравнительно очень невеликъ. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ г. Огородниковымъ, видно, что въ 1700 году, т. е. до учрежденія названной компаніи, было отпущено за границу сухой трески 9548 пудовъ¹⁾; данныя, взятыя мною изъ другихъ архивныхъ бумагъ, свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи отпуска при содержаніи промысловъ компаніей Меншикова: такъ въ 1717 году было отослано за границу 7297 пудовъ, въ 1719 г.—1997 пудовъ трески. Отпускъ сала („ворвань, китовое и моржевое“)²⁾ отъ компаніи Меншикова былъ также невеликъ, хотя цифры архива Министерства Юстиціи показываютъ и болѣе количество этого отпуска, чѣмъ тѣ, которые заимствованы г. Огородниковымъ изъ документовъ архива д-та тамож. сборовъ.

положительно никакой возможности не только изучить, но и пересмотрѣть эти, по словамъ почтеннаго архивиста, нетронутые никѣмъ документы.

Цитата въ текстѣ взята изъ Флетчера.

1) Очеркъ Истор. Гор. Арх., стр. 183.

2) Въ 1715 г. это сало отпускалось за 5 руб.—«мѣрная бочка», въ которую входило 7 пудовъ. Въ 1716 г.—«мѣрная бочка» отпускалась за 4 р. 50 коп.

Такъ въ 1717 г. сала было отпущено	3122 боч.
— „ 1718 г. — — —	4161 боч.
— „ 1719 г. — — —	3601 боч.

Итого за три года 10884 бочки ¹⁾.

Вполнѣ сознаю, что эти немногія свѣдѣнья, дополняющія немногія же и случайныя по этому вопросу свѣдѣнья г. Огородникова, весьма недостаточны для характеристики компаніи кн. Меншикова, относительно которой остается много еще неопредѣленнаго, темнаго...

Компанія герцога Бирона и Шемберга представляетъ операцію, затѣянную въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ компанія кн. Меншикова и Шафировыхъ: какъ извѣстно, бѣломорскіе казенные промыслы послужили только цѣннымъ придаткомъ къ горно-заводскимъ, — захваченнымъ фирмой Шемберга нѣсколько раньше бѣломорскихъ промысловъ. Отсылая попрежнему читателя за подробностями бергъ-компанейскихъ дѣлъ къ цитированной выше статьѣ г. Рожкова, я и здѣсь остановлюсь на томъ, что мнѣ кажется наиболѣе важнымъ и характеристичнымъ или чтò является не лишнимъ дополненіемъ къ фактическимъ даннымъ, имѣющимся въ обнародованныхъ уже „матеріалахъ“.

Бергъ-компанія, получивъ чрезвычайныя привилегіи и пользуясь поддержкой правительства ²⁾, сразу приобрѣла большой кредитъ у иностранныхъ фирмъ. Можно даже сказать,

---

¹⁾ Г. Огородниковъ почти за это же время, за 1717, 1719 и 1720 гг. отмѣчаетъ общую сумму бочекъ разнаго рода сала гораздо меньшую, именно: 3400 бочекъ (стр. 183). См. Прилож.

²⁾ На сколько были велики привилегіи бергъ-компаніи, кромѣ отмѣченнаго въ предъидущей главѣ, видно еще изъ нижеслѣдующаго. «Къ числу льготъ, дарованныхъ бар. Шембергу, говоритъ г. Рожковъ, «должно отнести и то, что ему запродавалось всё казенное желѣзо по 58 к. за пудъ, безъ залоговъ, на неопредѣленное число лѣтъ «впередъ до указа», начиная съ выдѣлки за 1738 г., такъ-что военное и морское вѣдомства для своихъ потребностей въ желѣзѣ должны были обращаться къ агентамъ бергъ-компаніи, и покупать у нихъ по вольной, а не по уговорной цѣнѣ». А вотъ и иллюстрація правительственной поддержки, въ текстѣ того же изслѣдователя: «около 50 человекъ было выписано иноземныхъ рудокоповъ, штейгеровъ и плавильщиковъ, преимущественно изъ Саксоніи, и хотя многіе изъ

что иностранныя фирмы совершенно заслонили собой въ этотъ моментъ русскихъ крупныхъ купцовъ, участія которыхъ въ бергъ-компанейскихъ операціяхъ не замѣтно. Герцогъ Биронъ и бар. Шембергъ не хотѣли дѣлиться барышами съ русскими торговыми компаніями; отношеніе бергъ-компаніи къ русскому торгово-промышленному міру ограничилось эксплуатаціей мелкихъ промышленниковъ, обязанныхъ поставлять свою бѣломорскую добычу грознымъ промысловымъ господамъ своимъ. Исключеніемъ является горнозаводчикъ Акинфій Никитичъ Демидовъ, сосѣдъ ¹⁾ по владѣніямъ бар. Шемберга, давшій герцогу Бирону „подъ особую облигацію 50 тыс. ефимковъ ²⁾“. За то лишь ему одному изъ крупныхъ русскихъ промышленниковъ и пришлось потерпѣть убытокъ, когда пала бергъ-компанія. Деньги Акинфій Демидовъ заплатилъ герцогу за российское „баронство съ чиномъ горнаго совѣтника“; но такъ какъ онъ не могъ предвидѣть „капризовъ судьбы“, то солидная взятка пропала даромъ ³⁾. Иностранныя же фирмы отъ крушенія бергъ-компаніи не потерпѣли, повидимому, никакого убытка: Императрица Елизавета заплатила имъ то, что имъ задолжала полуправительственная бергъ-компанія. Мы остановимся нѣсколько на вопросѣ объ „уплатѣ“, такъ какъ съ нимъ связываются нѣкоторыя отношенія, имѣющія общесторической интересъ.

Вотъ какого рода прошеніе было подано въ елизаветинскій Сенатъ отъ гамбургской фирмы братьевъ Поппе (Корнелиуса и Лоренца). Въ 1741 г. гамбургскіе купцы, „взирая на высокую привиллегію, данную барону Шембергу“, „повелѣли“ своему земляку, жившему въ Россіи, закупить у бар. Шемберга сала, „сколько въ 1742 году въ привозѣ будетъ“, цѣною по 5 р. 5 к. за бочку. При этомъ гамбургскіе братья даже поторопились заплатить впередъ бар. Шембергу чрезъ его повѣреннаго Германа Меэра—10,000 руб. „для лучшей

нихъ состояли на службѣ въ бергъ-компаніи, но жалованье и другія довольства получали *отъ казны*. Даже управляющіе заводами получали *казенное содержаніе*» и пр (Матеріалы, стр. 4).

¹⁾ «Матеріалы», стр. 6.

²⁾ Ibid., стр. 3.

³⁾ Ibid., стр. 3.

надежды въ содержаніи онаго контракта“. „Но за приключившимся ему бар. фонъ Шембергу несчастіемъ“, братья „паче всякаго чаянія“ потерпѣли большой убытокъ и „принуждены были чувствовать, что по тому учиненному чистому контракту никакой поставки у города Архангельска не учинено“. Прошеніемъ купцовъ вопросъ объ иностранномъ долгѣ далеко не исчерпался. Отъ консула коммерцъ-совѣтника фонъ Ульриха Кюна поступила челобитная уже на имя Императрицы, имѣвшая свою цѣлью выпросить у русскаго правительства 10000 р. въ пользу гамбургской фирмы бр. Поппе, вмѣстѣ съ суммой въ 495 р., которую бар. Шембергъ задолжалъ той же фирмѣ „по прежнему контракту“. Кромѣ того, голландскій резидентъ ходатайствовалъ за гамбургскихъ братьевъ предъ иностранной коллегіей, но въ этомъ учрежденіи „удовольствовать резидента“ было нельзя... Словомъ, дѣло возникло большое и велось довольно долго¹⁾; въ концѣ концовъ Сенатъ убѣдился, что „дѣйствительно“ бар. Шембергъ получилъ отъ гамбургскихъ купцовъ-братьевъ—„10493 рубля 43 к. до аресту его“ и до взятія промысловъ „въ казенное содержаніе“ и что это „все по свидѣтельству коммерцъ-коллегіи“ и комиссіи, разсматривавшей настоящее дѣло, „точно объявилось“. Сенатъ однако не учинилъ самъ резолюціи на этомъ „точномъ“ „объявленіи“, хотя не очень и поторопился представить свой докладъ Высочайшему вниманію: подписанъ онъ былъ 14-го марта (1751 г.), а поданъ, для полученія отъ Императрицы указа, 19-го ноября²⁾. Указъ мнѣ неизвѣстенъ; я не знаю даже, послѣдовали ли онъ на этотъ докладъ; но тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, вѣрнѣе предположить, что прошеніе гамбургской фирмы было удовлетворено³⁾. На предположеніе такого исхода дѣла суще-

---

¹⁾ Началось въ 1743 г., а кончилось не ранѣе конца 1751-го года, ибо докладъ Сената былъ поданъ на Высочайшее имя 19-го ноября этого послѣдняго года.

²⁾ М. А. М. Ю., С. Д. по Коммерцъ-Кол., т. 2572.

³⁾ Г. Рожковъ говоритъ положительно, что «гамбургскіе братья Поппе ничего не получили, хотя вопросъ о запродажѣ имъ сала доходилъ до коммерцъ-коллегіи и сената. На слово повѣрить этому бездоказательному сообщенію нельзя, ибо точность его сильно заподозривается при сопоставленіи свидѣніями, приведенными мною въ текстѣ изъ другаго источника, свѣ-

ствують достаточныя основанія. Прежде всего въ самомъ докладѣ Сената дѣло гамбургскихъ братьевъ представлено, какъ правое и, въ силу одного этого, трудно ожидать, чтобы Императрица осталась при особомъ мнѣніи. Тѣмъ болѣе, что за Поппе ходатаями были не одни вышеозначенныя лица, но и русскіе вліятельные люди. Гамбургскій консулъ обратился къ посредничеству Бестужева-Рюмина. Въ тѣхъ же самыхъ бумагахъ¹⁾ мы находимъ письмо послѣдняго къ кн. Никитѣ Юрьевичу Трубецкому (оберъ-прокурору Сената), которому Бестужевъ-Рюминъ „всепокорно рекомендуетъ“ консула и „его прошеніе“ и вообще сильно поддерживаетъ требованье гамбургской фирмы. Сверхъ всего этого, нѣтъ рѣшительно никакихъ вѣсскихъ данныхъ думать, чтобы Императрица Елизавета отказала въ этомъ одномъ случаѣ, когда въ другихъ случаяхъ подобныя же прошенія были несомнѣнно удовлетворены. Такъ 27-го мая 1749 года былъ данъ именной указъ, которымъ повелѣвалось заплатить бергъ-компанейскій долгъ англійскимъ купцамъ, за которыхъ ходатайствовало англійское посольство; и англичане получили изъ казны 78,475 р. 90 к.²⁾ Въ 1752-мъ году швейцарскій купецъ Яганъ Стегелинъ билъ челомъ на имя Императрицы Елизаветы объ уплатѣ ему долга бар. Шемберга и получилъ изъ казны 3,880 руб., т. е. всю ту сумму, какую просилъ³⁾. Словомъ, привилегіи, соединявшія бергъ-компанію съ горно-заводскимъ казеннымъ вѣдомствомъ и слѣдовательно придававшія ей почти правительственный, „казенный“, характеръ, сдѣлали то, что даже новое правительство приняло вину бергъ-компаніи на себя. Не берусь судить, вытекало ли это принятіе изъ соображеній политическаго приличія или изъ чего-либо другого? но всетаки безорыстіе Елизаветинскаго правительства тѣмъ болѣе знамена-

---

дѣльями, между прочимъ показывающими, что «вопросъ доходилъ» не только до Сената, но и до Императрицы, получившей его отъ Сената уже по разсмотрѣніи его этимъ учрежденіемъ.

¹⁾ М. А. М. Ю., С. Д., т. 2572.

²⁾ «Матеріалы» г. Рожкова, стр. 42.

³⁾ М. А. М. Ю., с. д. по коммерцъ, б. и м. к., т. 2701; Яганъ Стегелинъ долженъ былъ принять отъ б. Шемберга за полученныя послѣднимъ впередъ деньги 4000 пуд. желѣза и 370 боч. ворванья сала (первое по 60 к. за пудъ, второе по 4 р. за бочку). Ibid. «Матеріалы», стр. 42.

тельно, что о „размноженіи“ бергъ-компаніей казенныхъ промысловъ, какъ на основаніи офіціального заявленія¹⁾, такъ и на основаніи цифровыхъ данныхъ, не можетъ быть и рѣчи²⁾.

Обращаясь къ промысловымъ операціямъ гр. П. И. Шувалова, прежде всего слѣдуетъ подчеркнуть тотъ фактъ, что промысловыя конторы этого вельможи не примыкали ни къ одному правительственному учрежденію, въ родѣ бергъ-директоріума, и не имѣли никакихъ вообще признаковъ „казеннаго содержанія“ въ родѣ жалованья отъ казны служащимъ при промыслахъ. Затѣмъ, промыслы, морскіе и горные, были отданы Шувалову „въ содержаніе“, а не въ компанію; но это въ данномъ случаѣ несущественно: дѣло въ томъ что какъ мы уже видѣли выше, промысловыя предпріятія гр. П. И. Шувалова находились въ генетической связи съ подобными же предпріятіями его предшественниковъ, ибо Шуваловъ опирался на тѣ же главнѣйшіе мотивы, которые со времени Петра Великаго легли въ основу компанейскаго владѣнія государственными промыслами; стало быть, съ реально-исторической точки зрѣнія гр. П. И. Шуваловъ тоже „компанейщикъ“, если и безъ компаніи, то съ очень хорошимъ „партикулярнымъ“ „содержаніемъ“, которое противопоставлялось казенному—и нерѣдко отождествлялось съ „компанейскимъ“³⁾. Послѣ этихъ предварительныхъ общихъ замѣчаній мы укажемъ на существенныя черты „содержанія“ казенныхъ промысловъ отъ графа П. И. Шувалова.

Мы уже знаемъ, что послѣдній, кромѣ того, чѣмъ владѣла покойная бергъ-компанія, прихватилъ себѣ промыслы Сѣверо-Ледовитаго океана и Каспійскаго моря; сюда же слѣ-

---

¹⁾ См. цитир. въ предѣид. главѣ указъ объ отнятій промысловъ у б. Шемберга.

²⁾ «Матеріалы» г. Рожкова, стр. 26 и 30.

³⁾ Кирилловъ въ известномъ сочиненіи, составленномъ въ 1727 года («Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго государства, ч. II, стр. 71; изд. 1831 г.), заводы единоличныхъ владѣтелей называетъ «компанейскими»; по крайней мѣрѣ, онъ не указываетъ «компанейщиковъ», перечисляя только владѣтелей, какъ-бы единственныхъ собственниковъ заводовъ. Затѣмъ *официально* бергъ-компанія и б. Шембергъ были одною и тою же величиною... Въ 1760 (30-го марта) вышелъ указъ, которымъ гр. Воронцеву дозволялось учредить компанію съ 1759 года на 30 лѣтъ одному». Въ указѣ предписывалось: «име-

дуетъ присоединить промыслы и Ладожскаго озера ¹⁾; такимъ образомъ, гр. Шуваловъ совмѣстилъ весь русскій Сѣверъ и Югъ въ своихъ рукахъ, какъ первоклассный рыбакъ. Вслѣдствіе этого, сально-рыбный-торговый оборотъ гр. Шувалова долженъ былъ затмить собой таковой же бергъ-компаніи. „Прибыль, говоритъ г. Огородниковъ, „отъ промысловыхъ операций гр. Шувалова не можетъ и идти въ сравненіе съ его предшественниками, по продолжительности управленія промыслами и по успѣшности самыхъ дѣлъ“ ²⁾. Это—голосъ авторитетный, такъ какъ г. Огородниковъ специально изслѣдовалъ исторію торговаго оборота при Архангельскомъ портѣ, гдѣ находилась главная квартира промысловыхъ и торговыхъ сально-рыбныхъ „дѣлъ“ гр. Шувалова. Что же касается горнаго производства, то дѣятельность Шувалова въ этой области тоже умѣстно сравнить съ предшествующимъ положеніемъ „горныхъ дѣлъ“. Биронъ и Шембергъ обратили свое вниманіе почти исключительно на гороблагодатскіе заводы, приносившіе уже до бергъ-компаніи хорошій доходъ казнѣ и, эксплуатируя налаженное дѣло, не слѣдали на этомъ поприщѣ новыхъ шаговъ, хотя б. Шембергъ въ своей докладной запискѣ и обѣщала стараться именно о дальнѣйшемъ развитіи горной промышленности; гр. П. И. Шуваловъ и здѣсь дѣйствовалъ съ гораздо большей энергіей: онъ не ограничился старыми казенными заводами, начавъ строить новые и рас-

---

новать сей торгъ и во всякихъ письмахъ писать коммерчествуящую въ Бухару и Хиву компанію и производить сей торгъ по всему лѣвому берегу Каспійскаго моря отъ астраханскаго и кизлярскаго портовъ до самыхъ персидскихъ границъ въ принадлежащія мѣста, въ бѣлый Бугоръ, въ Трухменскій Кряжъ, въ серебрянный Бугоръ же, и въ другія... мѣста и урочища (въ которыхъ во всѣхъ мѣстахъ находятся кочевые народы и не состоятъ въ подданствѣ у персидской Области.) «Товарищей» только не было запрещено имѣть гр. Воронцеву, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ «торгъ» былъ отданъ ему самому, а вовсе не предписывалось, какъ это бывало въ другихъ случаяхъ (П. С. З., XV, 11046). Во всякомъ случаѣ здѣсь объявленъ компаніей такой торгъ, который на первыхъ порахъ принадлежалъ одному Воронцеву, а не компаніи.

¹⁾ П. С. З. XIII, 9705; Jbid въ «Оч. ист. Арханг. г. Огородникова, стр. 190.

²⁾ Очеркъ истор. Ар. г. Огородникова, Jbid.

пространивъ свое господство не только на Пермскій край, но и на территорію почти независимыхъ башкиръ. Такое необычайное количественное расширение шуваловскихъ промысловъ и потребовало тѣхъ чрезвычайныхъ привилегій, которыми гр. П. И. Шуваловъ надѣленъ былъ въ болѣе значительной степени, чѣмъ предшествовавшія ему компаніи официальныхъ лицъ. Эти привилегіи были трехъ родовъ: финансовыя, торговыя и соціально-экономическія. Гр. Шуваловъ такъ-же, какъ б. Шембергъ, пользовался субсидіями отъ казны безъ отдачи и съ отдачей, до которой гр. Шуваловъ тоже былъ не охотникъ. Такъ, когда въ его владѣніе перешли архангельскіе промыслы, ему было ассигновано изъ казны 6000 руб. на заготовленіе сала, моржевой кожи „и прочаго“¹⁾. Не остался гр. Шуваловъ безъ денежной помощи со стороны правительства и при полученіи гороблагодатскихъ заводовъ, о чемъ мы узнаемъ изъ его челобитной, въ которой онъ выпрашивалъ пролленіе срока уплаты казеннаго долга. Челобитная была подана въ 1756 г. (3-го декабря) на Высочайшее имя. „При отдачѣ мнѣ въ содержаніе гороблагодатскихъ желѣзныхъ заводовъ“, говорилъ Шуваловъ, „обязанъ я употребленный на тѣ заводы капиталъ, сколько того по расчету слѣдуетъ, заплатить въ казну въ десятилѣтнее время въ каждый годъ по равному числу“. Но обязательства этого пока онъ не можетъ выполнить. Много слишкомъ оказалось препятствій, чтобы выплачивать долгъ шло непрерывно и сколько-нибудь успѣшно: затраты были очень велики, „размноженіе“ заводовъ тоже, а „лѣто сырое было“, вслѣдствіе чего „для обращенія капиталу знатное число желѣза не выковано и не малое время молотовыя фабрики стояли праздно“. Словомъ, ничего другого гр. Шувалову не оставалось, какъ только просить, нельзя ли занятія имъ въ казнѣ деньги платать не ежегодно, а когда онъ, графъ, захочетъ, лишь бы долгъ былъ погашенъ въ десятилѣтній срокъ. Указомъ 9 го декабря (1756 г.) было объявлено: „нынѣ“ денегъ съ гр. Шувалова не требовать „ради показанныхъ резонновъ“; однако наблюдать, чтобы въ десять лѣтъ были заплачены сполна¹⁾. Намъ уже извѣстно, что такъ

¹⁾ П. С. З., XII, 9515; Нид. въ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ кол., т. 2764.

²⁾ М. А. М. Ю., сен. д. по бергъ кол., т. 2864.

же успѣшно гр. П. И. Шуваловъ достигалъ и продленія своихъ пошлинныхъ долговъ казнѣ. Вообще, дѣятельность этого государственнаго человѣка очень цѣнилась правительствомъ, вслѣдствіе чего и финансовыя льготы и награды были очень немалы, какъ это видно и изъ указа 1753 года, гдѣ мы читаемъ, что Шувалову пожалованы 30,000 руб. за изысканіе способовъ „къ приращенію доходовъ кабацкихъ и соляныхъ, которыхъ ежегодно въ казну немалая сумма доходить, сверхъ прежнихъ сборовъ, безъ народной тягости“. Въ деньгахъ, впрочемъ иногда и отказывали. Такъ, когда гр. П. И. Шуваловъ „на строеніе“ новыхъ желѣзныхъ заводовъ просилъ чрезъ бергъ-коллегію до 12000 руб., то Сенатъ ему отказалъ въ этомъ вспоможеніи, хотя бергъ-коллегія и высказалась въ его пользу. Гр. П. И. Шуваловъ, очевидно, поощряемый многими „милостіями“, запрашивалъ слишкомъ много: въ одномъ указѣ, дарующемъ Шувалову рыбныя промыслы, мы безъ удивленія читаемъ оговорку, чтобы онъ, получивъ всё, ему данное, уже затѣмъ „не требовалъ денегъ изъ казны“. Отсюда ясно, что не денежными льготами и полученіями были сильны промыслы гр. П. И. Шувалова: промыслы его были сильны торговыми и соціально-экономическими привилегіями. При этомъ для сально-рыбныхъ промысловъ наибольшее значеніе имѣли торговли, — а для горныхъ заводовъ — соціально-экономическія привилегіи, изъ коихъ главнѣйшею была та, о которой мы будемъ говорить въ особенности; это — прикрѣпленіе государственныхъ крестьянъ къ заводамъ.

Теперь и разсмотримъ этотъ вопросъ о шуваловскихъ привилегіяхъ.

Самая важная торговая привилегія, которая дѣлала положеніе графа Шувалова совершенно исключительнымъ на сально-рыбномъ рынкѣ, это — данная ему монополія: всѣ мелкіе промышленники не имѣли права продавать свой товаръ куда бы то ни было, кромѣ рыбной конторы Шувалова. Такой порядокъ однако не всегда соблюдался. Отъ графа слѣдовали жалобы на несоблюденіе; Шуваловъ заявлялъ правительству, что продажа товара въ другія мѣста „мимо“ его собственной конторы причиняетъ „помѣшательство“ въ его дѣлахъ и ущербъ не только ему, но и казенному интересу. Правительство было согласно съ этимъ и подтверждало указами, чтобы всѣ

остальные промышленники продавали свой товар только въ контору графа Шувалова или его прикащикамъ, а въ случаѣ продажи товара въ чьи-либо иныя руки угрожало конфискаціей этого товара ¹⁾.

Обезпечивъ себѣ монополію со стороны полученія товара отъ промышленниковъ, гр. П. И. Шуваловъ постарался выгодно установить промышленно-торговыя отношенія къ русскимъ фабрикантамъ; онъ рѣшилъ какъ можно лучше обезпечить сбытъ сала на внутреннемъ рынкѣ. Шуваловъ сослался на петровскіе указы 1715, 1718 и 1720 гг., повелѣвавшіе юфть дѣлать для обуви съ ворваннымъ саломъ, а „кто того исполнять не будетъ, штрафовать“. „А понеже, говорилъ гр. Шуваловъ, „по именному Ея Императорскаго Величества указу пожалованы мнѣ въ содержаніе промыслы ворванья сала архангелогородскіе, а указомъ изъ правительствующаго Сената астраханскіе“, то необходимо издать новый указъ, которымъ было бы повелѣно мануфактуръ-коллегіи и главному магистрату взять отъ фабрикантовъ „обстоятельныя извѣстія“, „сколько имъ на дѣло той юфти ворванья сала въ годъ потребно будетъ и по взятыхъ тѣхъ извѣстій сообщить оныя въ мою контору“. Это, по мнѣнію Шувалова, необходимо для того, чтобы „можно было“ опредѣлить точно, сколько оставить сала „отъ заморскаго отпуску“ для внутренняго рынка и „дабы фабриканты кожевенныхъ заводовъ за недѣланьемъ оной кожи на внутренней расходъ безъ сала подпасть подъ штрафы не могли“. Къ тому же желательная точность въ „извѣстіяхъ“ устранить „отговорки“ фабрикантовъ, „якобы за неимѣніемъ сала то чинили, „отъ чего, прибавлялъ гр. Шуваловъ, легко можетъ послѣдовать нареканіе на контору мою“... Всего этого не случится съ гр. Шуваловымъ, когда онъ, согласно съ полученными „извѣстіями“, будетъ „заключать контракты“ „съ тѣми фабрикантами“. Ясно, что правительство не могло не согласиться: указъ былъ данъ Сенатомъ и, куда слѣдуетъ, посланъ (20-го февраля 1752 г.) ²⁾, или иными словами: фабриканты встали въ зависимое положеніе отъ шуваловскаго оборота.

¹⁾ П. С. З., XIII, 9705, 9723, 9804.

²⁾ М. А. М. Ю. д. с. по коммерцъ,—б. и м. к., т. 2701: есть и въ П. С. З. XIII, 9942.

Итакъ, отмѣченныя торговыя привиллегіи¹⁾ вели къ соціально-экономическимъ результатамъ, почему ихъ строго нельзя отдѣлять отъ привиллегій соціально-экономическихъ, къ которымъ мы и переходимъ. Шуваловское „содержаніе“ горныхъ заводовъ затмѣваетъ все предъидущее въ этой области главнымъ образомъ со стороны количества даровой рабочей силы и разныхъ льготъ, соединенныхъ именно съ рабочимъ вопросомъ. Этотъ вопросъ, разрѣшенный такъ называемымъ посессіоннымъ правомъ на чисто государственной почвѣ, довольно робко перешелъ на почву частныхъ интересовъ при бергъ-компаніи и вполне смѣло началъ эксплуатироваться частными лицами въ тотъ моментъ, когда всѣми выгодными статьями промышленности заручился гр. П. И. Шуваловъ. Впрочемъ, если не на минуту не упустить изъ виду извѣстное правительственное значеніе гр. П. И. Шувалова, то а priori невольно вѣришь кн. Щербатову, сообщающему, что къ гороблагодатскимъ заводамъ Шувалова было приписано до 20,000 душъ²⁾. Нѣтъ основаній думать, что кн. Щербатовъ въ этомъ случаѣ преувеличилъ, ибо и официальные вѣдомости (1751 и 58 гг.) показываютъ немалое число душъ за гороблагодатскими заводами — 12,637 челов.; къ тому же официальные „вѣдомости“ отличались вообще недосказываемъ, такъ какъ очень часто мы читаемъ, вмѣсто цифръ стереотипную помѣтку: „извѣстій нѣтъ“, по которой, если и можно о чемъ судить, такъ только о собираніи и сообщеніи свѣдѣній такого рода въ тѣ времена.

¹⁾ Другія торговыя привиллегіи для насъ не имѣютъ особенно важнаго значенія. Напр., въ 1750-мъ году гр. П. И. Шувалову было разрѣшено ежегодно получать иностранную соль къ Кольскому порту въ количествѣ отъ 300 до 500 пуд: для «соленія рыбы трески Лабердана»; при этомъ общее запрещеніе, наложенное на иностранную соль въ пользу національной, было крѣпко подтверждено (П. С. З. XIII, 9796). Въ 1758-мъ году Шувалову было разрѣшено къ отпуску за границу-соленое мясо, на вывозъ котораго былъ наложенъ повсемѣстный запретъ, вслѣдствіе скотскаго падежа въ южной Россіи; запретъ былъ установленъ съ 1745—1751 гг., но, по свидѣтельству г. Огородникова, не снятъ и въ 1758 г. для всѣхъ, за исключеніемъ одного гр. Шувалова (Очеркъ исторіи Арханг., стр. 205).

²⁾ О поврежд. нрав., стр. 65.

³⁾ М. А. М. Ю. Сен. Д. по Б-кол., т. 2864.

Для желѣзныхъ заводовъ, которые гр. П. И. Шуваловъ предпринялъ строить въ Оренбургской губерніи, онъ получилъ тоже довольно солидное число государственныхъ крестьянъ, именно—1920 душъ (указъ сената 18-го ноября 1753 г.)¹⁾. Это количество вполне соответствовало той цифрѣ, которая была установлена законодательствомъ для заводовъ „партикулярныхъ“ людей²⁾. Законодательство остановилось на 400 душахъ къ каждой домнѣ и на 120 д. къ каждому молоту; у гр. Шувалова на оренбургскихъ заводахъ было показано 6 молотовъ и 3 домны; такимъ образомъ требовалось 720 душъ къ молотамъ и 1200 душъ къ домнамъ, т. е. числа, сумма которыхъ совпадала съ количествомъ приписанныхъ сюда крестьянъ³⁾.

Но гр. Шуваловъ законнымъ числомъ не ограничился. Приписка, согласная съ закономъ, послужила только предлогомъ для полученія Шуваловымъ крестьянъ къ оренбургскимъ заводамъ въ гораздо бѣльшемъ количествѣ, чѣмъ оно было опредѣлено въ указахъ. Дѣло было устроено такъ. Души, вычисленныя „по разсмотрѣнію“, сообразно съ количествомъ молотовъ и домнъ, приписывалъ къ оренбургскимъ заводамъ особый поручикъ, который, какъ доносила

---

¹⁾ М. А. М. Ю., сен. д. по б.-к., т. 2767.

²⁾ Вотъ историческая справка.—Въ инструкціи, данной В. Н. Татищеву (23-го марта 1734 г.), было сказано: «партикулярные люди за недостаткомъ работниковъ желѣзныхъ заводовъ строить не могутъ; а особливо, что въ тѣхъ мѣстахъ деревни всё казенныя»; а, велѣдъ за этимъ общимъ положеніемъ, было приказано «объявить», «ежели кто похочетъ желѣзные заводы завести», то такому, сверхъ другихъ привиллегій, «дается ко всякой домнѣ изъ государственныхъ волостей до 150 дворовъ, а къ молоту до 30 дворовъ, съ такимъ обязательствомъ, чтобы онъ за тѣхъ крестьянъ всё надлежащія подати и накладные платилъ бездоимочно». Указомъ 1738 г., а также и бергъ-регламентомъ (1739 г.) было внушаемо не приписывать къ заводамъ крестьянъ «цѣлыми волостями», «но по разсмотрѣнію давать по нѣскольку дворовъ. Въ 1752 г., по приговору Сената, было велѣно заводчикамъ давать крестьянъ по 100 дворовъ на каждую домну и по 30 дворовъ къ каждому молоту, «полагая во всякомъ дворѣ по 4 души». (М. А. М. Ю., т. 2767, с. д. по б. к. и въ П. С. З. XIV, 10192—указъ 11-го марта 1754 года.—о томъ-же).

³⁾ М. А. М. Ю., Ibid., т. 2767.

казанская губернская канцелярія, и „объявилъ“: „къ означеннымъ, де, заводамъ изъ ясашныхъ крестьянъ ближе и способнѣе казанскаго уѣзда не сыскалось, которые, считая на дворъ по 4 души, всего—1920 душъ, въ показанныхъ въ описи мѣстахъ и съ землями приписаны“. А „за припискою“, объявлялъ далѣе поручикъ, „въ тѣхъ жительствовахъ осталось по нынѣшней ревизіи умершихъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ 2851 душа“. Присланный гр. П. И. Шуваловымъ повѣренный наблюдалъ за припиской и сейчасъ же, какъ и его хозяинъ, задался филантропическими цѣлями. Поручикъ продолжаетъ: „повѣренный, де, служитель генерала“... и пр. „Шувалова для наилучшаго тѣхъ крестьянъ исправленія, желаетъ, чтобы тѣ оставшіеся крестьяне были при тѣхъ же приписанныхъ крестьянахъ, за которыхъ по нынѣшней ревизіи обязался подушныя деньги платить бездоимочно“. Эти несчастные крестьяне— „умершіе, престарѣлые и малолѣтніе“, но въ количествѣ 2851 души, были тоже приписаны къ шуваловскимъ заводамъ, единственно „для исправнаго платежа подушныхъ денегъ“. Въ 1754 году (19-го марта) послѣдовала новая приписка государственныхъ крестьянъ къ „заводимымъ“ гр. Шуваловымъ въ оренбургской губерніи (уфимскомъ уѣздѣ) желѣзнымъ заводамъ „по прошенію сенатора“ и пр., „по доношенію бергъ-коллегіи“ и „по приговору правительствующаго Сената“. Было приказано приписать „къ одной домнѣ и двумъ молотамъ“ „изъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ 640 душъ, считая лѣтами отъ 15 до 60 лѣтъ“¹⁾.

При такихъ замѣчательныхъ привиллегіяхъ промыслы и заводы, взятые въ содержаніе гр. П. И. Шуваловымъ, приносили ему и замѣчательные доходы. На сѣверѣ онъ покупалъ, напр., сало по 35 м 40 коп. за пудъ, а продавалъ его изъ своей архангельской конторы по 80 к. за пудъ²⁾. Изъ справокъ въ домовою конторѣ гр. П. И. Шувалова видно, что на его бѣломорскихъ промыслахъ велось крупное торговое дѣло даже съ тульскимъ купцомъ, закупившимъ въ 1753-мъ году у Шувалова значительное количество товара для заграничнаго отпуску, намѣченнаго на 20 лѣтъ; за это время въ отпускѣ

¹⁾ М. А. М. Ю., С. Д. по В. К., т. 2767.

²⁾ Огородниковъ, стр. 190.

разнаго „рыбнаго и звѣринаго“ морскаго товара показано на 318,628 руб. 75 к. ¹⁾.

Гороблагодатскіе заводы доставляли гр. П. И. Шувалову, по показаніямъ кн. Щербатова, до 200,000 годоваго дохода ²⁾. Выдѣлка желѣза на этихъ заводахъ сильно поднялась въ послѣдніе годы, почему цифра кн. Щербатова представляется весьма правдоподобной. Показаніе кн. Щербатова тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуешь и другой современникъ знаменитаго промышленника кн. Шаховскій, который говоритъ, что гр. П. И. Шуваловъ получилъ „лучшіе изъ казны заводы желѣзные, называемые Гороблагодатскіе помощью“ „своихъ ласкателей“ съ хорошимъ добавленіемъ: какъ съ „невыработанными матеріалами“, такъ и „съ сотней тысячъ пудовъ“ желѣза, „уже привезеннаго на продажу въ Петербургъ“. Кн. Шаховскій прибавляетъ, что казенное желѣзо было взято „по цѣнѣ, во что коронѣ стало“, а продано было англичанамъ „въ отпускъ съ барышами“ ³⁾. Гр. П. И. Шуваловъ, по мнѣнію кн. Шаховскаго, подалъ примѣръ и „другимъ многимъ“ получать „заводы казенные, мѣдные и желѣзные въ свои пользы, въ убытокъ казнѣ, а себѣ въ обогащеніе“ ⁴⁾. Въ этомъ тоже нѣтъ ничего невѣроятнаго. „Многіе“ имѣли полное основаніе полагать, что гр. П. И. Шуваловъ даже въ томъ случаѣ, когда не окажетъ имъ протекціи, всетаки не станетъ имъ препят-

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б. к., т. 2864. Приводимъ «справку» цѣликомъ.
«Кожъ ворванныхъ въ 1753 г. продано тульскому кушцу Ларивону Лучинину, которые за море и за границы посланы на 10,489 р. 41³/₄ к.

Учинить въ 20 лѣтъ	209,788 „ 35 „
Моржины отпущено за море на 1315 р. во учиненіи 20 лѣтъ.	26,312 „
Зубьевъ моржевыхъ отпущено за море на 831 р. 42 к., а въ 20 лѣтъ	16,628 „ 40 „
Трески сухой въ Кольскомъ острогѣ въ отпускъ за море на 3295 р. Учинить въ 20 лѣтъ	65,900 „

Итого въ 20 лѣтъ въ отпускъ за море на. . . . . 318,628 „ 75 „

²⁾ О поврежд. нр., стр. 65.

³⁾ Записки, стр. 141.

⁴⁾ Ibid.

ствовать сдѣлаться владѣтелями вакантных казенныхъ промысловъ, такъ какъ самъ слишкомъ много получилъ отъ казны и естественно не въ его интересахъ было своими дѣйствіями вынуждать другихъ говорить о томъ, чѣмъ онъ пользовался. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны появилась цѣлая плеяда чиновныхъ горныхъ заводчиковъ. Обширная „вѣдомость“, относящаяся къ этому вопросу, показываетъ, какъ сильно развились владѣнія такого рода. Гр. Воронцовы, гр. Чернышевы, гр. Ягужинскій, кн. Репнинъ и мн. др. были болѣе или менѣе крупными заводчиками ¹⁾.

Заводы, отданные правительствомъ частнымъ лицамъ, стоили казнѣ недешево; но тѣмъ не менѣе уплата заводчиками затраченныхъ на заводы денегъ была поставлена въ чрезвычайно льготныя условія и велась не особенно рачительно, какъ это усматривается изъ одной „вѣдомости“ ²⁾. Чиновные заводчики также, какъ гр. П. И. Шуваловъ, надѣлялись крестьянами, а такіе близкіе люди къ послѣднему, какъ, напр., его братъ А. И. Шуваловъ пользовались, сверхъ того, и другими льготами. Такъ, въ силу именнаго указа 1751 года (13-го февраля) гр. А. И. Шуваловъ получилъ въ вѣчное потомственное владѣніе желѣзные заводы въ Ярославскомъ и Боровскомъ уѣздахъ („Исецкіе и Угодкіе“), а въ Переяславскомъ уѣздѣ дворцовую волость „со крестьяны и со всѣми угоды“, и эти заводы и волость, очевидно, отнесенная къ заводамъ, были освобождены отъ платежа оброка. Доимка, которая была накоплена прежними владѣльцами заводовъ—„иноземцами“, была оставлена на наслѣдникахъ этихъ старыхъ владѣльцевъ, „а съ него, гр. Шувалова, и съ потомковъ его“ было приказано „не взыскивать“ ³⁾. Въ 1754-мъ году отъ гр. А. И. Шувалова на Высочайшее имя поступила челобитная, въ которой онъ просилъ, чтобы его желѣзо было освобождено отъ пограничныхъ пошлинъ; дѣло въ томъ, что въ 1751-мъ году, когда гр. А. И. Шуваловъ только-что получилъ вышеназванные заводы, онъ былъ „уволенъ“ „отъ платежа казенныхъ сборовъ“.

¹⁾ М. А. М. Ю., сен. д. по б. к., т. 2864.

²⁾ М. А. М. Ю., см. Прилож.

³⁾ М. А. М. Ю., с. д. по коммерцъ, б., м. и гл. м., т. 2701.

„А съ сего года, добавлялъ графъ, „казенные платежи брать будутъ“: такъ не лучше ли снова освободить? Сенатъ, куда было передано это прошеніе, поспѣшили удовлетворить его¹⁾).

Итакъ, довольно быстро въ сферѣ русскаго государственнаго и народнаго хозяйства XVIII ст. выросло и окрѣпло привилегированное владѣніе чиновныхъ лицъ казенными промыслами. Наиболѣе значительные и видные дѣятели на служебномъ поприщѣ получали наиболѣе выгодныя и обширныя промысловыя владѣнія. Въ графѣ Шуваловѣ мы видимъ самаго яркаго представителя такого рода владѣтеля, почему мы постоянно и выдвигаемъ его впередъ; но при этомъ необходимо помнить, что этотъ промышленникъ и торговецъ является однимъ изъ многихъ и что не онъ создалъ условія для промысловыхъ полученій отъ казны, нами разсмотрѣнныхъ, а что эти условія создала для него предшествовавшая исторія той части нашего стараго государственнаго хозяйства, которая относится къ правительственнымъ регалиямъ и монополіямъ. Введеніе частной компанейской организаціи должно считаться однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ этой исторіи, такъ какъ на основаніи законодательной рекомендаціи этого введенія стали появляться подъ видомъ компаній единоличныя владѣнія, которыхъ поэтому нельзя отдѣлять отъ института торгово-промышленныхъ компаній. Такимъ образомъ промысловыя владѣнія чиновныхъ лицъ нельзя отдѣлять одно отъ другихъ, прежде всего, вслѣдствіе ихъ одинаковаго экономическаго и финансово-юридическаго происхожденія, характеризующагося тѣмъ, что правительство, надѣясь на выгоду, закономъ постановило передавать казенные промыслы частнымъ компаніямъ. Затѣмъ такія промысловыя владѣнія нельзя отдѣлять другъ отъ друга и вслѣдствіе принадлежности владѣльцевъ къ одному и тому же общественному классу, а нерѣдко и вслѣдствіе принадлежности къ одному и тому же государственному учрежденію. Протестъ со стороны кн. Шаховскаго противъ безконтрольнаго положенія гр. П. И. Шувалова нужно считать исключеніемъ, равно какъ и мнѣніе комиссіи о горныхъ дѣлахъ при Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ о неудобствѣ совмѣщать службу въ горномъ вѣдомствѣ съ владѣніемъ казенными за-

¹⁾ Ibid., т. 2852.

водами... Единичны были и такіе случаи, когда person's grats отказывали въ какой-либо льготѣ, касающейся до промышленной дѣятельности таковой особы ¹⁾).

Но что наиболѣе тѣсно сплочивало чиновныхъ промысловыхъ владѣльцевъ, такъ это—одинаковость ихъ положенія по отношенію къ рабочимъ рукамъ: тутъ, какъ это вполнѣ выяснится ниже, солидарность ихъ владѣльческихъ интересовъ была на столько велика, что возникало сближеніе между чиновными владѣльцами и простыми— „купческаго званія“.

Въ частныхъ случаяхъ, правда, соприкосновеніе между отмѣченными двумя категоріями промышленниковъ и торговцевъ не всегда вело къ солидарности; иногда получались враждебныя отношенія, хотя это нисколько не противорѣчитъ той солидарности, которая зависѣла отъ самыхъ главныхъ и общихъ условій положенія обѣихъ промышленно-торговыхъ группъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ отношеніямъ между означенными категоріями промысловыхъ и торговыхъ дѣятелей, я попытаюсь такъ-же, какъ и раньше, наиболѣе типическими чертами характеризовать промысловыя компаніи, возникшія въ разсматриваемое время въ средѣ торгово-промышленнаго класса, какъ особой сословной группы.

Промысловыя компаніи „купецкихъ людей“ можно дѣлать съ точки зрѣнія болѣе или меньшей ихъ близости къ власти. Близость же эта обуславливалась прежде всего степенью „казеннаго интереса“, который ожидался отъ тѣхъ или другихъ промысловъ. Ясно, что въ тѣхъ отрасляхъ государственной промышленности, которыя считались казенными регаліями,— въ винокуреніи и солевареніи правительство было наиболѣе заинтересовано, ибо отъ вина и соли казна получала наибольшій доходъ. Въ XVIII ст. винное и соляное дѣло, хотя и находилось, подобно правительственнымъ монополіямъ, въ колебательномъ

¹⁾ Гр. Чернышевъ просилъ поселить къ его заводамъ недостающихъ ему 224 чел. черносошныхъ крестьянъ, мотивируя свое прошеніе тѣмъ что ему было обѣщано указами 600 чел., а приписано 376. Правительство по этому поводу напомнило гр. Чернышеву (въ указѣ 27-го іюля 1760 г.), что «къ партикулярнымъ заводамъ деревни приписываются на время, а не вѣчно» и рекомендовало ему стараться обучать и употреблять на тѣхъ заводахъ своихъ собственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ (И. С. З. XV, 11087).

состояніи относительно способа ихъ содержанія ¹⁾, и финансистъ нерѣдко поговаривалъ, что откупное содержаніе лучше, выгоднѣе казеннаго, тѣмъ не менѣе онъ, даже при откупной системѣ, помнилъ, что винное и соляное дѣло—статья казенная и что она должна давать *доходъ* казнѣ, а не одни обѣщанія дохода. И дѣйствительно, какъ бы тамъ не эксплуатировались эти финансовыя установленія частными лицами, доходъ, напр., отъ вина не былъ мечтой, а былъ „первымъ доходомъ“. Не то—правительственныя промысловыя монополіи. Объ нихъ наши старинные прибыльщики постоянно говорили, что хотя это—статьи казенныя, но ихъ слѣдуетъ неукоснительно отдавать въ эксплуатацію частнымъ лицамъ, которыя, де, и приносятъ казнѣ настоящую пользу; когда же это совершалось, „охочіе“ или партикулярные люди тотчасъ же забывали о настоящей казенной пользѣ, вслѣдствіе чего нерѣдко бывало, что таковая „польза“ равнялась нулю или представляла даже минусъ. Словомъ, правительственная монополія въ XVIII ст. на дѣлѣ обращалась въ частную, оставаясь лишь въ принципѣ казенной, ради котораго и происходили частыя вмѣшательства власти въ дѣла, переданныя изъ казны въ частныя компаніи и „содержанія“.

Если однако мы не видимъ большого сходства между тѣмъ, что называлось регаліями, и тѣмъ, чему придается названіе монополій правительства, если не видимъ большого сходства, взглянувъ на положеніе этихъ установленій въ XVIII ст. съ фактически-финансовой точки зрѣнія, то мы замѣчаемъ между откупщиками регалій и правительственныхъ монополій очень большое сходство въ социальномъ-экономическомъ отношеніи; поэтому въ настоящей и слѣдующей главахъ мы не можемъ игнорировать винныхъ и соляныхъ откупщиковъ, не можемъ въ томъ же смыслѣ пропустить мимо и откупщиковъ разныхъ „сборовъ“, ибо всѣ эти помощники камеръ-коллегіи даютъ черты, характеризующія торгово-промышленныя компаніи, какъ учрежденіе, которое являлось существенною принадлежностью извѣстной социальномъ-экономической категоріи. Начать хотя бы съ того, что откупщики регалій и пошлинныхъ сбо-

¹⁾ См. мою статью: «Русское законодательство о хлѣбномъ винѣ въ XVIII ст. въ Учен. Записк. Каз. Университета 1892 г.

ровъ брали эти статьи часто не единолично, а компаниями ¹⁾. Такъ, напр., „таможенные и прочіе сборы“ въ Нижнемъ Новгородѣ и въ уѣздѣ были отданы московскому купцу Матвѣеву „съ товарищи“, слѣдовательно—цѣлой компании на четыре года (1742—1748)—„изъ платежа со учиненною наддачею“: компания должна была платить казнѣ ежегодно 10985 руб. 10¹/₂ к. ²⁾. Въ 1750 г. винная и водочная продажа въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Ингерманландіи была отдана на откупъ тоже компаніи: купцу Саввѣ Яковлеву „съ товарищи“ на четыре года; при чемъ эта фирма прославилась своими „наддачами“ казнѣ, т. е. увеличеніемъ откупной суммы. Къ 1758 году представитель винной компаніи успѣлъ прибавить 200000 р. къ прежней откупной суммѣ въ 300000 руб., объявленной въ 1750 году. „Наддачи“ дѣлались далеко не по собственной инициативѣ бравшихъ откупъ, что видно изъ тщательнаго выдѣленія той цыфры, которая выражала наддачу „своей охотой“: изъ 200000 всей наддачи только 35,000 руб. Яковлевъ добавилъ „безъ торговъ“ по своей волѣ, да и то не даромъ, а за какое-то пожалованье ³⁾. Чаше „наддача“ дѣлалась казной, особенно, когда не было охотниковъ взять винный откупъ, а прежній откупщикъ своевременно отъ него не отказался; въ этомъ случаѣ Сенатъ на основаніи Уложенія оставлялъ откупъ за прежнимъ откупщикомъ, нерѣдко увеличивъ откупную сумму; впрочемъ, откупщикъ не всегда спасался отъ откупа и въ томъ случаѣ, если онъ отказался отъ него своевременно; Сенатъ не всегда обращалъ вниманіе на такую аккуратность и оставлялъ откупъ за прежнимъ откупщикомъ уже безъ всякаго юридическаго основанія или, какъ выражается гр. Д. А. Толстой, „отринувъ законы справедливости“ ⁴⁾.

Правительство къ виннымъ откупщикамъ предъявляло большія требованія и тѣмъ ихъ пугало; но боязливость ихъ особенно не отражалась на самыхъ „питейныхъ сборахъ“, ко-

---

¹⁾ Въ инструкціи 1-го марта 1753 года было предписано даже «корчемныя конторы сдавать на откупъ компаниямъ или откупщикамъ, имѣющимъ на откупъ питейныя сборы (П. С. З. XIII, 10672).

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 874.

³⁾ П. С. З. XV, 10799, 10906.

⁴⁾ Исторія финансовыхъ учрежд., стр. 167.

торые, говоря вообще, возростали довольно быстро ¹⁾. Съ компанейщиковъ, какъ съ людей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, разумѣется, легче было получить опредѣленную Сенатомъ сумму, чѣмъ съ казенныхъ головъ и цѣловальниковъ, которые иной разъ были далеко не состоятельными, хотя правительство и тутъ старалось поручать „сборы“ лицамъ, наиболѣе богатымъ и потому наиболѣе надежнымъ. Какъ бы то ни было, но та настойчивость, съ которою Сенатъ оставлялъ „питейные сборы“ за откупщиками и компаніями, является весьма понятной и не требуетъ подробнаго комментарія.

Подобнымъ же образомъ Сенатъ хлопоталъ и о соляной регалии, съ тою однако разницею, что частнымъ лицамъ передавалась не торговля солью, бывшая казенной ²⁾, а солевареніе и доставка соли въ казну ³⁾.

Компаніи и откупщики, бывшіе пособниками казны въ эксплуатаціи откупленныхъ регалій, при всѣхъ тяготахъ, на которыя они часто жаловались, не могли не быть на виду у власти, чѣмъ и объясняются „пожалованья“ и льготы, которыми откупщики развѣхъ „сборовъ“ пользовались не въ при- мѣръ другимъ промышленникамъ и торговымъ людямъ ⁴⁾. Дѣ-

---

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-колл., т. 878. См. Приложение.

²⁾ П. С. З. XIII, 9896,—10128, 9682, 9594, 9816, 9998; XV, 10296, 10351, 10351, 10546,—10688; XV, 11381; къ продажѣ соли назначались и купцы, но какъ и въ до-петровскую старину, въ видѣ повѣренныхъ отъ правительства—«головъ».

³⁾ П. С. З. XII, 9117; С. М. Соловьевъ, Истор. Россіи, т. 22, стр. 178 и 179, 234 и 235; П. С. З. XIV, 10533; 10197. Приведенныя ссылки относятся до солеваренія и до соляныхъ подрядовъ. Что же касается винокуренія, то въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, когда восторжествовалъ откупъ въ торговлѣ виномъ, казенное *винокуреніе*, признанное невыгоднымъ, уступило мѣсто частному (П. С. З. XIV, 10356); см. сводъ относящихся сюда данныхъ въ моей статьѣ—«Законодательство о хлѣбномъ винѣ въ XVIII стол.».

⁴⁾ Напр., указаніе на пожалованье Яковлеву: П. С. З. XV, 10799; XIII, 9852; указъ о нетребованіи соляныхъ подрядчиковъ, во время ихъ поставокъ, въ Магистраты, Ратуши и др. мѣста ни по какимъ дѣламъ, кромѣ татенныхъ, убійственныхъ и подлежащихъ тайнѣ. XV, 11202; этимъ указомъ было запрещено с.-петербургскою соляною конторѣ наказывать опредѣляемыхъ къ соляной продажѣ купцовъ безъ сношенія съ магистратомъ. Соль требо-

лать поблажки для людей, обязывавшихся платить въ казну откупную сумму за „сборы“, приходилось правительству и потому, что довольно трудно было иногда найти желающихъ взять откупъ, и поневоль приходилось требовать „сборщиковъ“ вообще „изъ купечества“. Такъ, напр., поземельныя пошлины и сборы съ такъ называемаго „привального“ въ Переяславской провинціи, бывшіе въ откупъ у купца Ермилы Рюмина (1722—1726 гг.), съ 1727 г. начали собирать сборщики, выбранные изъ „тамошняго (Переяславля Рязанскаго) купечества“ несомнѣнно по необходимости: „за непринятіемъ того сбора на Ратушу и за ненахожденіемъ лицъ, готовыхъ взять тотъ сборъ на откупъ“¹⁾. Эта необходимость для правительства была плачевной, потому-что сборы нерѣдко запускались выбранными изъ купечества сборщиками²⁾.

Губернская и уѣздная администрація, вѣроятно, должна была сильно желать утвержденія системы компанейскаго откупа, ибо, при „вѣрныхъ сборщикахъ“, ей было очень безпкойно: воеводамъ и губернаторамъ постоянно внушалось изъ Петербурга, чтобы они имѣли „крѣпкое и неослабное стараніе и смотрѣніе“ за сборами подъ опасеніемъ „взысканія той недоимки“ на нихъ самихъ³⁾.

Итакъ, при содержаніи всякаго рода „сборовъ“ компаніей или даже однимъ крупнымъ капиталистомъ (въ извѣстномъ районѣ и извѣстныхъ „сборовъ“), всѣмъ было довольно удобно:

валась въ казну въ значительномъ количествѣ не только для народной «нужды», но и прямо таки для казеннаго потребленія—на казенные рыбныя промыслы. См. прилож.

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 871.

²⁾ Если иногда и можно было объяснить недоборъ, сильно превозшедшій сборъ, тѣмъ, что брали только привальное и отвальное съ судовъ, а поземельный сборъ съ 1724 года былъ «оставленъ» (въ 8 лѣтъ на 601 р. 43 к. «сбора» получилось 1159 р. 63 к. «недобора»), то въ другихъ случаяхъ такое объясненіе было неумѣстно. Напр., изъ одного доношенія камеръ-коллегіи сенату (1743 г.) мы узнаемъ, что по «таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ въ недоимкѣ состояло съ 1730 по 1742 г.—672,050 руб. Собирали «вѣрные сборщики», и правительство ихъ дѣятельностью было недовольно, потому-что, не смотря на неоднократныя напоминанія о сборѣ недоимки «сполна безъ всякаго опущенія», недоимка всё оказывалась съ опущеніемъ (М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 879).

³⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., 879 т.

и казвѣ и администраціи, не говоря уже о самихъ компанейщикахъ и откупщикахъ, которымъ, если и приходилось иногда быстро раскошелиться, то, говоря вообще, не на что было жаловаться вполне серьезнымъ, а не обычнымъ фальшиво-слезнымъ образомъ.

Съ достаточнымъ вниманіемъ правительство въ разсматриваемое время отнеслось и къ тѣмъ купеческимъ компаніямъ, которыя брали на себя содержаніе казенныхъ рыбныхъ промысловъ. Рыбные промышленники и вообще пользовались значительными льготами: такъ, напр., они имѣли право покупать беспошлинно хлѣбные и другіе припасы для собственнаго употребленія ¹⁾, а за сало, кожи и другіе товары, покупаемые этими промышленниками на салные промыслы, они были обязаны платить только одну пятикопѣчную пошлину ²⁾; въ 1750-мъ году (9-го марта) было велѣно не брать никакихъ сборовъ съ рыболовныхъ мѣстъ въ Кизлярскѣ ³⁾, а въ 1756 г. былъ сложенъ сборъ съ рыбныхъ садковъ всюду, гдѣ онъ еще оставался ⁴⁾.

Тѣмъ большими преимуществами надѣлялись промышленники, изъявлявшіе охоту взять въ содержаніе такіе рыбные и салные промыслы, которыми правительство было наиболѣе заинтересовано. Эти промыслы намъ извѣстны; извѣстно и то, что на этихъ промыслахъ купеческая компанія не была прочна, такъ какъ интересы купцовъ — компанейщиковъ здѣсь столкнулись съ интересами чиновниковъ — компанейщиковъ высшаго ранга. Мы уже знаемъ, что бѣломорскую компанію кн. Меншикова и б. Шафирова замѣнила компанія Матвѣя Евреинова съ дѣтьми и, хотя при Петрѣ В., она оказалась номинальною, но тѣмъ не менѣе въ указѣ, отдавшемъ этой купеческой компаніи бѣломорскіе промыслы (30-го окт. 1721 г.), было ясно обозначено предпочтеніе купеческаго содержанія казенныхъ промысловъ содержанію постороннихъ купечеству лицъ. „Прежнимъ компанейщикамъ“, гласилъ указъ, „также и инымъ, никому, кромѣ купечества, въ сей компаніи никакой части имѣть не велѣно, и того ради ему, Евреинову, въ сію

---

¹⁾ П. С. З. XIII, 9634.

²⁾ Ibid., — 9701.

³⁾ Ibid., — 9714.

⁴⁾ Ibid., XIV, 10556.

компанію, кромѣ купечества, никого не принимать“. Это распоряженіе самого Петра В., объявленное изъ коммерцъ-коллегіи, изъ которой и данъ былъ цитированный сейчасъ указъ ¹⁾). Кондиціи, установленныя для Матвѣя Евреинова при Петрѣ В., легли въ основаніе и тѣхъ условій, на которыхъ бѣломорскіе промыслы получилъ сынъ Матвѣя—Андрей Евреиновъ съ братьями (21-го Янв. 1731 года). Какъ старыя, такъ и новыя кондиціи, были для Евреиновыхъ несомнѣнно выгодны; но несомнѣнно также и то, что онѣ были не такъ льготны, какъ кондиціи, на которыхъ эти промыслы получали лица не изъ купечества. Такъ добыча мелкихъ промысленниковъ, хотя и была поставлена въ благопріятныя для Евреиновыхъ условія, но все же не отдавалась имъ въ полную монополію. „Которые ловцы“, говорилось въ старыхъ кондиціяхъ еврейновской компаніи, „будутъ для того промысла ѣздить, и что у нихъ будетъ въ промыслу звѣрей, рыбы и сала, и имъ то все у нихъ покупать повольною цѣною по договору“... „Ловцы“ имѣли право продавать свою добычу и другимъ купеческимъ людямъ съ платежемъ извѣстной пошлины. Если бы только эти „пункты“ мы сравнили въ старыхъ и новыхъ „кондиціяхъ“ еврейновской компаніи, то мы не замѣтили бы въ нихъ существенной разницы; но если мы обратимъ вниманіе на отношеніе правительства не къ „ловцамъ“, а къ собственно купцамъ, т. е. перекупщикамъ добычи, то мы увидимъ, что въ указѣ 1731 года устанавливается меньшее охраненіе ихъ интересовъ, сравнительно съ интересами компаніи, чѣмъ въ старыхъ кондиціяхъ, гдѣ интересы купцовъ далеко не подавляются интересами компанейщиковъ. Въ старыхъ кондиціяхъ купцы, посторонніе компаніи, могли сбывать пріобрѣтенный отъ ловцовъ товаръ внутри государства; таковымъ запрещалось лишь вывозить рыбные товары за границу, о чемъ въ указѣ говорилось такъ: „ежели“ изъ тѣхъ покупныхъ товаровъ у кого купецкихъ людей явится что въ вывозѣ изъ государства за море или за которыя границы въ которое государство явно, или подъ какимъ видомъ, у тѣхъ людей оныя товары конфисковать, и сверхъ того брать штрафы по усмотрѣнію дѣла“. Въ кондиціяхъ же

¹⁾ П. С. З. VI, 3841.

1731-го года мы читаемъ слѣдующее: „а кому изъ тамошнихъ обывателей потребно будетъ изъ вышеписанныхъ товаровъ на ихъ расходы, а не въ отвозъ и не для продажи, и тѣмъ отъ ловцовъ покупать позволить, гдѣ хотять, токмо съ таможенною запискою и съ платежемъ пошлинъ“. Отсюда очевидно, что теперь для компаніи Евреиновыхъ устанавливалась монополія не для одного заграничнаго отпуска, но и для сбыта въ города Имперіи; такимъ образомъ замѣчаніе указа 1731-го года о томъ, что промыслы слаются Андрею Евреинову съ братьями на прежнихъ условіяхъ, можетъ быть принято только съ оговоркой. Но всетаки не надо забывать, что запрещеніе торговли рыбными товарами касается не промышленниковъ, а перекупщиковъ добычи: промысловые же люди или „ловцы“ по прежнему и съ платежемъ пошлинъ имѣли право продавать свой товаръ, помимо компаніи, кому угодно ¹⁾; трудно только ожидать, чтобы товаръ шелъ мимо компаніи, по крайней мѣрѣ, въ большихъ количествахъ, такъ какъ, кромѣ Евреиновыхъ, поблизости небыло крупныхъ покупателей. Евреиновы получили и другія льготы, менѣе важныя,—такъ сказать, частнаго характера: напр., имъ были отданы „залежалые казенные товары“ по настоящей оцѣнкѣ и съ расрочкой платежа по 1000 руб. въ годъ, два старыхъ корабля съ такелажемъ—„безденежно“ и т. под. ²⁾).

Невозможно сказать что-либо опредѣленное о величинѣ торговаго оборота компаніи Евреиновыхъ, пользуясь тѣми отрывочными данными, которыя находятся въ моемъ распоряженіи; къ тому же обнародованныя цифры противорѣчатъ другимъ, взятымъ мною изъ архивныхъ дѣлъ, и въ настоящую минуту я не рѣшаюсь положительно утверждать, какія изъ этихъ цифръ заслуживаютъ большаго довѣрія. Г. Рожковъ изъ „вѣдомости“, составленной въ архангельской портовой таможнѣ, сообщаетъ, что компанія Евреиновыхъ въ два года отпустила въ продажу 7197 бочекъ сала, а компанія б. Шафировъ въ два же года—1902 б. сала; эти цифры взяты г. Рожковымъ изъ бумагъ архива департамента тамож. сборовъ... Между тѣмъ въ одномъ сенатскомъ дѣлѣ московскаго архива Мн—ва Ю-ціи значится, что отъ Евреиновыхъ въ 1734 году

¹⁾ П. С. З. VI, 3841; VIII, 5687.

²⁾ *ibid.*, VIII, 5687.

было отпущено за границу и въ „Россійскій народъ“ товара ¹⁾ на 11383 руб. 92 к. а отъ б. Шафирова въ 1735 году на 31638 руб. 60 к., въ 1736 г. на 34188 руб. 23 к. и въ 1737 году на 24000 руб. 91 к. ²⁾. Если сопоставить эти данныя, то выходитъ, что значительно меньшее количество товара отпущалось на значительно большую сумму; г. Рожковъ не обозначаетъ, къ какимъ именно годамъ относятся его числа бочекъ, но, вѣдь, и годовъ-то содержанія, какъ еврейновскаго, такъ и шафировскаго, всего на всего—4-ре, и если можно предпологать, что два года отпуска, фигурирующіе инкогнито у г. Рожкова, не совпадаютъ съ 1734 годомъ компаніи Еврейновыхъ, то нельзя того же думать относительно компаніи Шафирова: стоимость отпуска за 3 года можетъ проконтролировать количество отпуска за 2 года изъ 4-хъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ были произведены всѣ операціи компаніи.

Сравненіе пошлинныхъ сборовъ съ Еврейновыхъ и съ Шафирова показываетъ, что компанія этого барона приносила русскимъ финансамъ больше выгоды, чѣмъ компанія московскихъ купцовъ. За 4-ре года „содержанія“ Еврейновыхъ (1731—1734 гг. включ.) въ казну поступило—5348 руб. 36³/₄ к., а отъ Шафирова за 4-ре же года 6736 руб. 12 к. (1735—1738 гг. включ.) ³⁾.

¹⁾ Сало было главнымъ предметомъ отпуска.

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б., м.-кол. и гл. маг. т. 915.

³⁾ М. А. М. Ю., с. д. по коммерцъ-в., м. кол. и гл. маг., т. 915. «Вѣдомость» «таможенныхъ и прибавочныхъ пошлинъ»:

Годы содержанія: (Еврейновы)	Съ Еврейновыхъ:		Съ Б. Шафирова:		Годы содержанія (Б. Шафировъ)
	Рубли	Копейки	Рубли	Копейки	
Въ 1731 году .	2012	67	1831	24 ³ / ₄	. . 1735 г.
— 1732 г. . .	951	56 ³ / ₄	1982	70 ¹ / ₄	. . 1736 г.
— 1733 г. . .	1723	48	1401	64 ¹ / ₄	. . 1737 г.
— 1734 г. . .	660	65	1520	52 ³ / ₄	. . 1738 г.
И Т О Г О : . .	5348	36³/₄	6736	12	

Далѣе—прибавка, свидѣтельствующая, что здѣсь показаны внутреннія и портовые пошлины и что на содержателяхъ доимки «не имѣется».

Вообще, кажется, чиновные люди, владѣвшіе бѣломорскими промыслами, съ большимъ размахомъ „производили“ ихъ, чѣмъ купеческая компанія Евреиновыхъ. Не говоря уже о гр. Шуваловѣ, даже малодѣятельный б. Шембергъ въ два года отправилъ въ продажу 8328 бочекъ сала и еще менѣе дѣятельный, какъ промышленникъ, кн. Менишковъ — 7762 боч. сала въ два же года, а Евреиновы за тотъ же промежутокъ времени отпустили 7197 бочекъ сала. Всѣ эти цифры, разумѣется, непрочны; но суть дѣла отъ этого, надо полагать, останется неизмѣнной: „купецкая“ компанія отстала въ бѣломорскихъ промыслахъ отъ чиновныхъ „содержателей“... Это явленіе было результатомъ не столько того, что купцы вообще менѣе были дѣятельны, чѣмъ чиновныя лица, сколько того, что промысловой рискъ встрѣчалъ извѣстную задержку въ тѣхъ ограниченіяхъ, которыя были установлены для „купецкой“ компаніи. — Напр., Евреиновы не были освобождены отъ пошлинъ „съ явки“ — товаровъ въ таможенныхъ и „на покупку компанейскихъ товаровъ“, отъ чего былъ освобожденъ даже б. П. Шафировъ (въ 1735 г.)¹⁾. Со стороны правительства компаніи Евреиновыхъ были предложены едва ли не большія требованія, чѣмъ какія предъявлялись къ высокопоставленнымъ компанейщикамъ. Хотя и послѣднимъ внушалась обычная сентенція о стараніи въ промысловомъ дѣлѣ, ради государственной пользы, но все же не съ такой настойчивостью, какъ братьямъ Евреиновымъ, а главное, эта настойчивость по отношенію къ обыкновеннымъ купцамъ имѣла менѣе шансовъ остаться только на бумагѣ, чѣмъ по отношенію къ купцамъ необыкновеннымъ. Во всякомъ случаѣ приведемъ выдержки изъ указа, которыми до нѣкоторой степени могутъ характеризоваться требованія, предъявленные правительствомъ компаніи Евреиновыхъ. Заявивъ, что „отъ Гренландскаго промыслу, который съ 1724 года заведенъ тремя кораблями,—ежегодно убытки“, указъ продолжаетъ: „и для того оный гренландскій промыслъ содержать имъ же Евреино-

---

¹⁾ указъ 23-го апрѣля 1730-го года воздвигалъ тоже важное препятствіе къ процвѣтанію бѣломорской компаніи: этимъ указомъ «рыба треска» была уволена въ народъ». (И. С. З., VIII, 5687). См. также въ М. А. М. Ю., с. д., т. 915.

вымъ "... Далѣе указъ предлагааетъ „стараться“ о приведеніи этого промысла „въ доброе состояніе“, „не смотря на убытки“: ибо они будутъ „награждены“ прибылью „отъ другихъ промысловъ“ ¹⁾. Въ 1731 году былъ также подтвержденъ и тотъ прежній „пунктъ“ (указа 1721-го года), котораго не приводитъ указъ Полнаго Собранія Законовъ и который (въ рукописномъ „дѣлѣ“) ²⁾ требуетъ отъ Евреинова, чтобы онъ „никого, кромѣ купцовъ“, въ компанію „не принималъ“. Повелѣвалось объявлять въ коммерцъ-коллегіи о всякомъ, кого компанія приметъ „въ компанейщики“ „или для правленія“. Вообще требовалась самая строгая отчетность во всемъ, какъ въ количествѣ оборота, такъ и въ „товарищахъ“: „все записывать... поимянно безъ всякой утайки“. По обыкновенію, всѣ эти и подобныя частныя требованья, рѣдко (а можетъ быть, въ тѣ времена — и никогда), какъ слѣдуетъ, исполнявшіяся, подкрѣплялись устраниемъ: „ежели сія компанія подъ своимъ именемъ другимъ промышленникамъ позволить что чинить для утайки пошлявъ, тогда сей промыселъ отъ нихъ будетъ взятъ, а кто будетъ въ томъ виновенъ по обстоятельствамъ дѣла, штрафовать ³⁾. Но любознательнѣ всего то, что хотя правительство и настойчиво рекомендовало Евреиновымъ развитіе сѣверныхъ промысловъ, особенно невыгоднаго гренландскаго, однако не позволяло употреблять „въ промыселъ“ болѣе одного корабля, „хотя бъ конечный имъ убытокъ происходилъ“. Правда, правительство совѣтывало Евреиновымъ къ двумъ старымъ кораблямъ, полученнымъ ими съ казны, „прибавлять“ еще кораблей „для своей и государственной пользы“; но прибавленные корабли однако должны находиться при промыслахъ на несчастный случай. Правительство объясняло компаніи, когда надо пользоваться новыми кораблями: „ежели какое несчастіе промыслу случится, что корабль разобьетъ, то промышленяль другимъ, будетъ и другой пропадетъ“, купить или дѣлать третій, „сосновый или дубовый“ и т. д. ¹⁾. При такой регламентаціи, объясняемой основными принципами тогдашней тор-

¹⁾ П. С. З., VIII, 5687.

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по комм., б. м. кол. и Г. М., т. 915.

³⁾ М. А. М. Ю., с. д. т. 915.

⁴⁾ П. С. З. VIII, 5687.

говой политики, болѣе требовательной къ обыкновеннымъ, рядовымъ промышленникамъ, трудно и ожидать отъ послѣднихъ особо важныхъ попытокъ къ дальнѣйшему развитію уже введеннаго правительствомъ дѣла.

Астраханскіе рыбные промыслы правительство тоже стремилось производить частными средствами; но здѣсь дѣло не клеилось до гр. Шувалова: или частныхъ средствъ было не очень достаточно, или обыкновенные купцы просто боялись ихъ обнаруживать или, что вѣрнѣе, кажется, — и мало имѣли, и боялись. Думать такъ есть основаніе. Когда въ 1741-мъ году возникъ вопросъ о пріемѣ въ астраханскую компанію еще одного компаньона, Федора Кобякова, то оказалось, что старые компаньоны „наличныхъ денегъ никто у себя не имѣетъ“, но за то всѣ они, за исключеніемъ одного Федора Губина, имѣютъ на себѣ недоимку и долги „партикулярнымъ людямъ“ по порукамъ. Послѣднія два обстоятельства были скрыты „товарищами“, но они обнаруживаются „вѣдомостями“. Долги нельзя считать незначительными; напр., на Иванѣ Мыльниковѣ („а отчества не написано“) за непоставку вина въ Петербургъ 4610 руб. 67 к., штрафныхъ 73 руг. 70 к., да за вино, которое онъ долженъ былъ поставить на московскіе питейные дворы (15,000 ведеръ по 45 к. за ведро) и не поставилъ — 750 руб., а всего 6062 руб.

Московскій купецъ Мыльниковъ стоялъ во главѣ астраханской рыбной компаніи вмѣстѣ съ другимъ московскимъ же купцомъ Иваномъ Володимировымъ. Московское купечество, отъ котораго, очевидно, требовалось поручительство за членовъ астраханской компаніи, приписанныхъ къ московскому магистрату, отказалось отъ этого, говоря: за многія тысячи рыбныхъ промысловъ московское „купечество въ вѣрности не обязуется“; и отказалось потому, что было плохого мнѣнія о матеріальной состоятельности своихъ собратій, вступившихъ въ астраханскую компанію: „оные Володимировъ съ товарищами, отписывалось московское купечество, „люди маломочные и записаны окладами малыми“. Слѣдовали и поясненія: такъ Костринч (одинъ изъ „товарищей“) былъ въ 1740 г. „ларечный“, а „сочтенъ“ въ гильдіи — „щетной квитанціи не объявилъ“; Петръ Стремневъ (другой „товарищъ“) „написалъ себя первой гильдіи неправильно“, ибо онъ второй гильдіи; вообще же: подобнымъ лицамъ „на столько множественную сумму“

„ввѣрить... не можно ¹⁾. Откупная сумма была дѣйствительно немалую: компанія должна была платить въ казну ежегодно по 50000 руб. Видя, что эксплуатація астраханскихъ промысловъ исключительно частными средствами не налаживалась, правительство рѣшило прибѣгнуть къ компромиссу. Указомъ 1742 года (22-го Декабря) все астраханскія и саратовскія рыбныя ловли и учуги, въ томъ числѣ и въ Гурьевѣ, были поставлены подъ управленіе статскаго совѣтника Соковнина; объ „умноженіи“ же этихъ промысловъ и казенныхъ прибыльныхъ денегъ былъ обязанъ стараться Иванъ Мыльниковъ ²⁾, а чтобы онъ „умножалъ“ то и другое съ бѣльшимъ рвеніемъ, въ 1743 году (30-го Апрѣля) астраханской компаніи была опредѣлена казенная субсидія въ 55000 руб. ³⁾. Трудно сказать вполне опредѣленно, безъ оговорокъ, кто къ кому былъ прикомандированъ: чиновникъ ли къ компаніи или компанія къ чиновнику. Съ точки зрѣнія правительства, разумѣется, чиновникъ къ компаніи; но сама-то компанія, повидимому, была противоположнаго убѣжденія и не шла въ выучку къ официальному администратору промысловъ. Даже въ 1744 году дѣло оказывается ни на шагъ не подвинувшимся впередъ. Управлявшій въ это время астраханской рыбной конторой вице-президентъ Михаилъ Раевскій ⁴⁾ получилъ отъ Сената предписаніе „принудить“ купца Мыльникова съ товарищами „въ рыбные промыслы вступить и безо всякихъ отговорокъ“; но тутъ пришлось считаться со слѣдующими обстоятельствами: Мыльниковъ и нѣкоторые изъ его товарищей уже умерли, а купецъ Александръ Кузнецовъ, одинъ изъ членовъ астраханской рыбной компаніи, получивъ отъ Раевского предписаніе немедленно

---

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 870.

²⁾ П. С. З., XI, 8720.

³⁾ Ibid., XI, 8730.

⁴⁾ Рыбныя конторы были учреждены въ Саратовѣ и въ Гурьевѣ—городѣ, что указываетъ вообще на извѣстное недовѣріе къ такой дѣятельности частныхъ лицъ, чтобы она вполне совпадала съ казенною пользою (П. С. З. XI, 8131 и у В. Н. Витевскаго: И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ, вып. IV-й, стр. 633 и 634).

вступить въ рыбные промыслы, отвѣчалъ, что ему „одному въ тѣ промыслы вступить не можно“¹⁾.

Во второй четверти XVIII стол. правительство пытается установить эксплуатацію отдаленныхъ, хорошенько еще неизвѣстныхъ промысловъ на Камчаткѣ и на „пустыхъ островахъ“ „близь“ нея; но, будучи научно прежними неудачными казенными попытками по отношенію къ гренландскому промыслу, оно здѣсь, на крайнемъ сѣверо-востокѣ своихъ азіатскихъ владѣній, желаетъ испытать счастья прежде всего при помощи частной предприимчивости, а затѣмъ подумать или „разсмотрѣть“... Результатомъ такого именно плана и является со стороны правительства согласіе на учрежденіе компаніи, такъ сказать, для промышленной рекогносцировки. Права и преимущества, а также ограничительныя условія владѣнія, предоставленныя этой компаніи, прямо обусловливаются тѣмъ, что на болѣе или менѣе широкія частно-промышленныя операціи на Камчаткѣ правительство посмотрѣло, какъ на пробу для опредѣленія казенныхъ доходовъ отъ промысловъ. Въ 1748 году была основана купцомъ Юговымъ компанія, которая и получила камчатскіе „звѣриныя промыслы“ въ содержаніе „съ платежемъ третьей части“ „изъ наловленныхъ звѣрей“, т. е. съ платежемъ еще неизвѣстнаго и потому натурального оброка. Затѣмъ проектировалось слѣдующее: если дѣло пойдетъ валадь и для казны окажется выгоднымъ, то будетъ необходимо, „по усмотрѣнію улова тѣхъ звѣрей и происшедшихъ на то собственныхъ расходовъ“, обдумать и рѣшить вопросъ, содержать ли камчатскіе промыслы впредь „казеннымъ коштомъ“ или опять отдать частнымъ лицамъ „съ приращеніемъ казенной прибыли“. Правительство имѣло свои виды и выжидало. Эта

---

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 892. Г. Витевскій, согласно съ данными печатнаго указа, считаетъ (И. И. Неплюевъ и пр., стр. 633) обоихъ Ивановъ—Мыльникова и Владимірова людьми „подозрительными и ненадежными“; но ему осталось неизвѣстнымъ, что мнѣніе камеръ-коллегіи о названныхъ лицахъ вполнѣ оправдалось на дѣлѣ, что въ сущности «компанія» этихъ купцовъ и не начинала своихъ дѣйствій. Авторъ настоящей работы убѣжденъ, что въ такомъ же положеніи относительно многихъ *частныхъ* вопросовъ изслѣдованья неизбѣжно очутится всякій, въ томъ числѣ, разумѣется, и онъ самъ, если эти вопросы будутъ пересмотрѣны вновь на основаніи обширнаго сырого матеріала, а не одного полнаго собранія законовъ, которымъ нерѣдко поневолѣ приходится ограничиваться....

позиція была весьма удобна для казны, но совсѣмъ неудобна для юговской компаніи, такъ какъ послѣдней, въ виду такой постановки вопроса о промыслахъ на Камчаткѣ, пришлось потерпѣть отказъ въ 4-хъ лѣтнемъ срокѣ, на который Юговъ съ товарищами хотѣлъ арендовать „тѣ промыслы“: они были сланы компаніи всего на одну поѣздку. Это ограниченіе владѣнія весьма серьезное... Были установлены и другія подобныя ограниченія, тщательно оберегающія интересы казны. Юговъ просилъ освободить компанію отъ пошлинъ „съ вина, съ судовъ и такелажа, съ хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ, кои употребляются будутъ“ для членовъ компаніи и „для рабочихъ людей“; Сенатъ отказалъ въ этомъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „они тотъ промыселъ берутъ въ компанію, ища своего интереса“, а потому и брать съ нихъ слѣдуетъ „по указамъ“. Число рабочихъ людей было опредѣлено до 30 человѣкъ на каждое судно и притомъ было велѣно нанимать непременно „съ указными печатными паспортами“; точно было установлено, что пороку на каждаго работника компанія можетъ имѣть всего три фунта, а винтовку—одну; послѣ этого само собой понятно, что количество судовъ было тоже регламентировано: „всего 4-ре, не болѣе; строить ихъ предписывалось „въ такихъ мѣстахъ, гдѣ указами не запрещено“.... Главнѣйшимъ правомъ компаніи несомнѣнно является просимая и полученная ею монополія хотя бы и на одну экспедицію: „пока означенный Юговъ съ товарищи“, гласитъ сенатскій указъ, „на островахъ для ловли звѣрей будутъ, въ то время до возвращенія ихъ съ тѣхъ промысловъ для промысла такихъ же звѣрей на тѣ острова другихъ промышленниковъ никого не впускаютъ“. Хотя камчатскіе промыслы правительству и не были хорошо извѣстны, но Сенатъ имѣлъ нѣкоторое основаніе предполагать, что они будутъ доходны, ибо на это наводила его справка, объявленная имъ въ томъ же указѣ, который трактовалъ объ отдачѣ камчатскихъ промысловъ юговской компаніи. Свѣдѣнія пришли съ „мѣста“. „Тамошнихъ служивыхъ людей сержантъ Басовъ услышалъ, что имѣются бобры“ на тѣхъ самыхъ островахъ, „гдѣ капитанъ командиръ Берингъ почти не со всею командою умре“. Сержантъ отправился туда съ промышленниками и „вывезъ“ съ острововъ „до 5000 бобровъ съ собою“ ¹⁾.

¹⁾ П. С. З., XII, 9480.

Мы познакомились съ нѣсколькими типами промысловыхъ компаній, начиная съ компаніи, члены которой по своему общественному положенію были высокопоставленные лица и кончая такой, члены которой занимали болѣе низкія общественныя ступени. Это—противоположныя точки: одинъ типъ компаній характеризуется чрезвычайно большими правами и на дѣлѣ малыми обязанностями по отношенію къ правительству, другой—значительными обязанностями и сравнительно небольшими правами. Эти двѣ крайнія характеристики компаній совпадаютъ съ общими очертаніями двухъ главныхъ категорій, на которыя мы раздѣлили всѣ промысловыя компаніи: именно 1) компаніи вліятельныхъ лицъ и 2) компаніи простыхъ купцовъ. Но, всмотрѣвшись ближе въ эту общую классификацію, мы замѣтимъ нѣкоторое разнообразіе въ физиогноміяхъ компаній въ каждой категоріи, при чемъ мы увидимъ также, что переходъ отъ первой группы компаній во вторую вовсе не такъ рѣзокъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Дѣйствительно, компанія кн. Меншикова и б. Шафировыхъ, слѣшно образованная Петромъ Великимъ, и подъ страхомъ гнѣва Государя злоупотреблявшая его довѣріемъ,—не одно и тоже, что самоувѣренно, безконтрольно дѣйствовавшій промышленно-торговый домъ гр. П. И. Шувалова, обставившаго свои промысловыя операціи цѣлымъ рядомъ юридическихъ нормъ и легальныхъ обоснованій. Съ другой стороны, если компанія б. Шемберга и не уступить по самоувѣренности и безконтрольности дѣйствій шуваловскому „содержанію“, то должна уступить послѣднему въ обширности сдѣланныхъ гр. Шуваловымъ промысловыхъ пріобрѣтеній. Этою именно чертою „содержаніе“ гр. П. И. Шувалова выдѣляется изъ всѣхъ остальныхъ,—равно какъ бергъ-компанія отличается отъ другихъ „содержаній“ своимъ уже чисто казеннымъ оттѣнкомъ.

Отъ бергъ-компаніи и шуваловскихъ промысловыхъ „конторъ“ до компаніи Евреиновыхъ, конечно, огромное расстояние; но оно не такъ велико между послѣдней и компаніей кн. Меншикова съ б. Шафировыми; тѣмъ менѣе переходъ отъ бр. Евреиновыхъ къ одному б. Шафирову, компанія котораго обойдена здѣсь, въ общей характеристикѣ, какъ не дающая наблюдателю какихъ-либо новыхъ типическихъ чертъ. Б. Шафировъ, разумѣется, имѣлъ полную возможность отнять

бѣломорскіе промыслы у Евреиновыхъ и выхлопотать себѣ болѣе выгодныя условія,—это—правда; но правдой является и то, что лишь только захотѣлъ получить тѣ же промыслы совсѣмъ большой человекъ (Биронъ), какъ шафировская компанія сейчасъ же кончилась и тоже—раньше срока, какъ и еврейновская. Обѣ компаніи сближаетъ и то обстоятельство, что при отдачѣ б. Шафирову бѣломорскихъ промысловъ, ему было велѣно принять „въ компанію двухъ человекъ изъ архангельскаго купечества“. Купцы имѣлись и въ компаніи кн. Меншикова. Эти компаніи служатъ яснымъ доказательствомъ неизолированности чиновничьихъ и купеческихъ компанейскихъ „содержаній“, что пропагандировалось самимъ правительствомъ¹⁾. Не смотря на то, что при Евреиновыхъ на сѣверныхъ промыслахъ дѣло шло сравнительно тише, чѣмъ прежде (при кн. Меншиковѣ) и послѣ—(при Шембергѣ и гр. Шуваловѣ),—эту купеческую фирму однако нельзя ставить наравнѣ съ неудавшейся астраханской компаніей: астраханскихъ компанейщиковъ правительство „понуждало“ „вступить въ промыслы“, а бр. Евреиновы сами просились.... Евреиновыхъ нельзя смѣшать и съ безвѣстными „товарищами“ (включая сюда и Югова) камчатской компаніи: послѣдніе получили промыслы на одну экспедицію, а Евреиновы на 10 лѣтъ. Еврейновская фирма была хорошо извѣстна правительству и на неѣ нѣкогда возлагались большія надежды. Если эти надежды и не были оправданы фирмой въ значительной степени, то въ такой же степени это зависѣло отъ самой компаніи, въ какой и отъ того крайне неустойчиваго положенія, которое занимала компанія, владѣя казенными бѣломорскими промыслами. Евреиновы имѣли больше основаній, чѣмъ кн. Меншиковъ съ товарищами, торопиться набрать побольше барышей, не заботясь особенно о пополненіи казны разнаго рода сборами чрезъ дальнѣйшее развитіе промысловъ. Это не помѣшало Сенату впоследствии при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ отнестись къ фирмѣ Евреиновыхъ съ полнымъ сочувствіемъ, не помѣшало признать

---

¹⁾ Послѣ неудачныхъ опытовъ иногда запрещалось купцамъ вступать въ компанію не купцовъ; но б. частью требовалось, чтобы чиновные директоры взяли въ компанію и купцовъ.

ихъ ходатайство законнѣе и справедливѣе ходатайства на-
слѣдника б. Петра Шафирова. Вообще, Евреины и въ это
время оказались въ числѣ нужныхъ „купецкихъ“ людей, какъ
и другіе, подобные имъ, особенно разные откупщики, въ родѣ
Саввы Яковлева, астраханскаго—Попова и др. Тягаться съ
такowymi предъ лицомъ власти было не подъ силу всеѣмъ
тѣмъ, отъ кого правительство не ожидало большихъ финан-
совыхъ услугъ.

Глава VП-я.

Столкновенія и связи въ средѣ компанейщиковъ и откупищиковъ.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію отношеній между болѣе или менѣе крупными компанейщиками, откупищиками и всякаго рода большими торговцами, сначала отмѣтимъ тѣ отношенія, въ которыхъ выразилось столкновеніе интересовъ. Столкновеніе порождалось прежде всего переобработкой казенныхъ промысловыхъ угодій, находившихся во владѣніи частныхъ лицъ. Какъ извѣстно, промыслы, взятые у таковыхъ въ казну, затѣмъ были снова отданы „всякаго чина людямъ“ „съ публичнаго торгу изъ наддачи“. Бывало такъ, что промыслы вновь приобрѣтались не тѣми лицами, которыя владѣли ими раньше, а другими, и само собой понятно, что впоследствии, при благопріятныхъ условіяхъ, прежніе владѣльцы не всегда оставляли дѣло безъ иска къ новымъ владѣльцамъ, особенно когда можно было опереться на старинныя допетровскія грамоты. Такія тяжбы должны были явиться, какъ это подсказываетъ и простая догадка на основаніи обычнаго хода человѣческихъ дѣлъ такого рода; у меня подъ руками, правда, имѣется всего одинъ фактъ этого порядка, но едвали будетъ большою смѣлостью предполагать, что подобныхъ нижеслѣдующему свидѣтельству старины можно отыскать и больше... Впрочемъ, въ данномъ случаѣ вопросъ не въ количествѣ, а въ томъ, чтобы отмѣтить слѣдующее явленіе: переобработка задѣла фамилльные имущественные интересы прежнихъ владѣльцевъ угодій, а также и

тѣ,—которые явились результатомъ „надачи“, т. е. интересы новыхъ владѣльцевъ. Интересы новыхъ владѣльцевъ выступали на сцену съ жалобницею послѣ того, какъ старые владѣльцы уже снова успѣли получить себѣ угодыя, бывшія въ ихъ владѣніи до указа 1704 года. Такъ нѣкоторыми ловлями на Волгѣ, Медвѣдицѣ и на „другихъ малыхъ рѣчкахъ“ до указа 1704 года владѣла фамилія Салтыковыхъ; послѣ же означеннаго указа ловли попали въ руки кн. Михаила Михайловича Голицына; въ 1729 году тайный совѣтникъ Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ, бывший въ то время московскимъ генераль-губернаторомъ, оттягалъ раньше утраченныя Салтыковымъ промысловыя угодыя, опираясь на жалованную грамоту, данную еще его отцу боярину Ѳеодору Петровичу Салтыкову—до указа 1704 года. Кн. Голицинъ опять въ иное время, въ 1749 году, билъ челомъ на Салтыкова, прося о возвращеніи ему рыбныхъ владѣній, принадлежащихъ ему на основаніи сдѣлки, заключенной имъ съ правительствомъ въ моментъ переоброчки,—на основаніи указа 1704 года ¹⁾.

Для насъ указаніе на подобныя столкновенія имѣетъ значеніе введенія къ изложенію столкновеній между компанейщиками—откупщиками. Право собственности, созданное общимъ правительственнымъ распоряженіемъ 1704 года, а также и другими актами, нарушалось то и дѣло. Означенный указъ 1704 года въ иныхъ случаяхъ являлся полнымъ противорѣчіемъ прежнимъ дарственнымъ грамотамъ. Интересы казны здѣсь были поставлены выше интересовъ частныхъ лицъ; но нерѣдко и фискальный указъ забывался, при чемъ пренебрегались права собственности, полученныя, въ силу его, новыми хозяевами на угодыя старыхъ владѣльцевъ. Припомнимъ:

---

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по коммерцъ-кол., т. 2488. Кн. Голицинъ указывалъ на то, что Салтыковъ, оттягивая у него промысловыя угодыя, «умолчалъ о состоявшемся въ 1727 году въ Вер. Тайн. Совѣтѣ указѣ, по которому велѣно рыбныя ловли, въ чьихъ дачахъ есть, отдавать владѣльцамъ этихъ дачъ безъ перекупки». Это является косвеннымъ доказательствомъ того положенія, что факты подобнаго рода возникали нерѣдко: они даже вызвали общее на этотъ счетъ постановленіе со стороны высшаго центральнаго учрежденія того времени.

Евреиновы получили бѣломорскіе промыслы на 10 лѣтъ, а потеряли ихъ чрезъ 4-ре года; баронъ Шафировъ съ наслѣдниками, для котораго было „учинено“ нарушеніе условія, получилъ промыслы тоже на 10 лѣтъ, но чрезъ 4-ре года и 9 мѣсяцевъ его наслѣдники лишились промысловъ, такъ какъ они были переданы клевету Бирова, получившему промыслы тоже на 10 лѣтъ, но продержавшему ихъ, по волѣ обстоятельствъ, всего 3 года 10 мѣсяцевъ съ небольшимъ ¹⁾. Само собой понятно, что и Евреиновъ, и б. Шафировъ свое право на промыслы, нарушенное при одномъ правительствѣ, пытались возстановить при другомъ. Отсюда—дѣлая борьба на бумагѣ изъ-за утраченнаго промысловаго благополучія. Нѣкоторыя данныя этой бумажной борьбы я постараюсь здѣсь сгруппировать, ибо самая борьба, при всей ея бесплодности, въ сущности представляетъ одинъ изъ результатовъ той политики, которую мы изучаемъ, политики, стремившейся доставлять казенные промыслы наиболѣе въ данный моментъ желательнымъ лицамъ.

Въ началѣ елизаветинскаго царствованія, по отнятіи бѣломорскихъ промысловъ у б. Шемберга, претензію заявили на нихъ представители прежнихъ компанейскихъ фирмъ: Евреиновъ и наслѣдникъ б. П. Шафирова, Исая Шафировъ. Эти конкурренты, стремясь перебить другъ у друга лакомые промыслы, выставляли предъ правительствомъ наперерывъ погранныя прежнія права и понесенные убытки. Въ челобитной б. Исая Шафирова, поданной имъ въ Сенатъ (5-го марта 1741 года), указывалось на то, что отецъ его, б. Петръ Шафировъ, былъ награжденъ за службы вмѣсто деревень сѣверными сальными и рыбными промыслами на 10 лѣтъ и „владѣль ими по кончину свою, чрезъ 4 года и 9 мѣсяцевъ“, что, владѣя этими промыслами, онъ понесъ большіе убытки, ибо долженъ былъ „содержать два корабля, которые бы ходили для ловли китовъ въ Грунтландъ“; отецъ Исая Шафирова тѣмъ болѣе по сло-

¹⁾ Б. Шембергъ получилъ промыслы 23-го мая 1739 года; другой указъ 17-го іюля (М. А. М. Ю., с. д., т. 915); а 7-го апрѣля 1742 г. они были отняты у него.

вамъ челобитной, вошелъ въ великіе долги“, что содержалъ при „ономъ салномъ прмыслѣ лишнихъ служителей и давалъ управителямъ по 500 и 600 рублей жалованья;“ кромѣ того приходилось чинить корабли, которые „многожды“ „повреждены бывали“. Эти ущербы, де, вытекали изъ соблюденія кондицій отцомъ Исая Шафирова; затѣмъ уже на голову наслѣдниковъ заслуженнаго барона посыпались еще горшія невзгоды: промыслы отняты у нихъ и отданы б. Шембергу; съ послѣдняго даже снята обязанность „удовольствовать“ всѣхъ тѣхъ купцовъ, съ которыми б. П. Шафировъ заключилъ контракты; эта обязанность снята „по челобитью“ б. Шемберга и „заступленіемъ герцога Курляндскаго“; въ результатѣ чего и „воспо- слѣдовалъ“ указъ 8-го сентября 1739 года, послужившій „къ разоренію“ наслѣдниковъ Петра Шафирова, ибо этимъ указомъ было „повелѣно по контрактамъ удовлетворять купцовъ Бардевика и Кюна имъ, Шафировъ наслѣдникамъ“¹⁾.

Б. Исая Шафировъ просилъ снова отдать ему утраченныя промыслы—на 10 лѣтъ. Евреиновы не желали ему ихъ уступить, ибо сами по отношенію къ промысламъ находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился б. Исая Шафировъ; и какъ баронъ ссылался на разореніе отъ другого барона и Бирона, такъ Евреиновы указывали на убытки, которые они потерпѣли отъ барона Петра Шафирова. „А какъ ему, Шафирову“, говорили Евреиновы въ своей челобитной, „тѣ промыслы были пожалованы, то у нихъ въ тотъ годъ многія на поставку промышленникамъ и ловцамъ розданы были уже задатки и протчія учинены были приуготовленія и на отпускъ тѣхъ товаровъ въ пути были корабли“; Шафировъ „уграживалъ“ „силою своею“ „и по тому его пожалованью“—„лишить ихъ всего того, что тутъ было употреблено“; имъ, Евреиновымъ, пришлось „немалую суммою удовлетворять“ б. Шафирова—„на тотъ годъ, дабы тотъ ихъ употребленный капиталъ совершенно не пропалъ“... Евреиновы на основаніи своего „пожалованья“ и убытковъ тоже просили о возвращеніи имъ промысловъ. Статскій совѣтникъ б. Исая Шафировъ протестовалъ противъ челобитья Евреиновыхъ и просилъ не вѣрить

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б. к. и гл. м., т. 949.

последнему, какъ неправому. Съ наведенными разнаго рода справками ¹⁾ это дѣло разсматривалось въ Сенатѣ въ 1744 году (3-го юля), и Сенатъ, сославшись на указъ Петра Великаго 1721 года (гдѣ повелѣвалось отдать промыслы „въ компанію купецкимъ людямъ“ и, „кромѣ купечества“, „въ той компаніи никому не быть“), высказался въ томъ смыслѣ, что „барону Шафирову, мимо помянутыхъ Евреиновыхъ, тѣ промыслы въ содержаніе отдать не надлежитъ“. Припомнились и прежнія прегрѣшенія б. Петра Шафирова, за которыя при Петрѣ Великомъ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, „яко хищникъ и тать“. Чтобы устранить претензію наслѣдниковъ когда-то опальнаго большого чиновника, вспомнили и мелочи, что когда въ Сенатѣ разсуждали о винахъ б. Петра Шафирова, то онъ, не обращая вниманія на приказъ сенаторовъ и оберъ-прокурора—выйти изъ зала засѣданія, не исполнилъ этого, но „поносно оберъ-прокурора бранилъ“ ²⁾. Однако промыслы не достались и Евреиновымъ, какъ извѣстно,—не смотря на вспомнутый указъ 1721 года и мнѣніе Сената въ пользу этой купеческой фирмы.

Въ 50-хъ годлахъ XVIII ст., когда вообще въ нашей промышленной политикѣ восторжествовала принципъ частнаго содержанія, можно подмѣтить столкновенія между купцами изъ-за астраханскихъ рыбныхъ промысловъ. Теперь (въ концѣ 50-хъ годовъ) эти промыслы (разумѣется не всѣ, а часть ихъ), а также черноморскіе, саратовскіе и царичинскіе, мы находимъ въ эксплуатаціи коломенскаго купца Сидора Попова. Озна-

---

¹⁾ Напр.: въ 1739 г. (8-го сентября) въ указѣ Ея Императорскаго Величества Сенату было «написано»: «понеже генераль-бергъ директоръ баронъ Шембергъ Ея Императорскому Величеству билъ челомъ, что бывшій дѣйствительный тайный совѣтникъ б. Петръ Шафировъ забралъ у иностранныхъ купцовъ (трехъ)—16400 рублей, за которые по учиненнымъ между ними контрактамъ обѣщаль онъ, баронъ Шафировъ, отдать имъ, купцамъ, сала и для того на заготовленіе онаго, которое покушается тамъ отъ промышленниковъ—каждая бочка по 2 рубля съ нѣсколькими копейками, надлежало ему, барону Шафирову, всѣ истинныя деньги оставить въ капиталѣ, а самому довольствоваться только тѣми деньгами, которыя, сверхъ той покупки, остаться имѣютъ; а онъ, б. Шафировъ, изъ оныхъ взятыхъ денегъ въ капиталѣ ничего не оставилъ и сала не приготовилъ» (М. А. М. Ю., с. д., т. 949).

²⁾ Ibid.

ченныя промыслы приманивають и другого купца Кобякова, и онъ начинаетъ подкапываться подъ Сидора Попова. Изъ экстракта камеръ-коллегіи, относящагося къ 1758-му году, усматривается, что купецъ Кобяковъ указывалъ на неудобство отдавать казенную вязигу одному Попову, который ее откупилъ и „тѣмъ чинить тамошнимъ гражданамъ претѣсенія“. ... „И ежели, прибавлялъ Кобяковъ, „по его вымыслу допущено будетъ, чтобы „отбирать“ „безденежно“ икру и вязигу у мелкихъ промышленниковъ въ рыбную контору Попова, „то тамошнимъ гражданамъ отъ той рыбы на продажу останется одинъ хвостъ“. Указывалъ Кобяковъ и на то, что „въ партикулярныхъ водахъ отъ ловцовъ клей безденежно отбирается занапрасно, ибо издревле по статьямъ ижерской канцеляріи клей отъ рыбныхъ ватагъ велѣно отбирать въ казну за деньги и ... разныя цѣны велѣно платить“, что „прежде“ „въ рыбную контору и отдавался и деньги потому плачивали изъ казны“; это, впрочемъ, уже дѣйствительно старое время: „а съ прошлаго 1735 и 1736 годовъ“, пояснялъ Кобяковъ, „рыбная контора, завѣдуя собою, стала отбирать безденежно, незнаемо съ чего, съ немалою обидою¹⁾“. Такимъ образомъ и откупщикъ Сидоръ Попова наслѣдовалъ лишь порядки, введенные уже давно, во время еще преобладанія казеннаго содержанія промысловъ надъ частнымъ.

Конкурентомъ Попова на астраханскіе промыслы явился не одинъ Кобяковъ; послѣдній въ своемъ челобитѣ глухо ссылается на нѣкоторыхъ „изъ тамошнихъ купцовъ“, желавшихъ получить тѣ же промыслы и посылавшихъ даже „повѣреннаго“ на казенные торги; „точію тѣхъ купцовъ уже не упоминается“, говоритъ Кобяковъ, „и потому видно, что съ оными согласился, дабы пристойной наддачи было достойно неучинено“. Изъ этихъ указаній ничего не вышло: камеръ-коллегія была на сторонѣ Сидора Попова, заявивъ, что на него и жалобъ отъ архангельскихъ „гражданъ“ ни отъ кого не поступало, и промыслы были сданы Сидору Попову съ платой въ казну 12063 рублей 74¹/₄ к. въ годъ—на 10 лѣтъ; промыслы были утверждены за Поповымъ въ 1760 году, а просить ихъ онъ началъ въ 1755 году²⁾:

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 882.

²⁾ Ibid.

слѣдовательно Сидору Попову пришлось выдержать цѣлую борьбу прежде чѣмъ болѣе или менѣе прочно, на легальномъ основаніи, утвердиться на казенныхъ рыбныхъ промыслахъ.

Привилегія, данная коломенскому купцу Сидору Попову, задѣли существенные интересы яицкаго войска ¹⁾).

Яицкіе казаки тоже рыбные промышленники, продававшіе и продающіе свой товаръ крупнымъ рыбнымъ торговцамъ. Яицъ представлялъ, да и теперь представляетъ рыбо-промысловой пунктъ, гдѣ дѣйствуетъ крупное общественное и юридическое лицо—казацкое товарищество. Но въ экономическомъ положеніи этого товарищества надо различать два момента: моментъ владѣнія и моментъ пользованья. Владѣніе рыбными промыслами на Яицѣ у казаковъ общинное, а пользованье ловлями основано на чисто трудовомъ принципѣ, обуславливается личнымъ трудомъ каждаго изъ членовъ казацкой общины. Отсюда ясно, что никто изъ постороннихъ войску не могъ заявить никакихъ претензій на яицкіе промыслы, но всякій крупный рыбный промышленникъ, получившій отъ правительства монополію

---

¹⁾ Столкновѣнія Яицкаго войска съ астраханскими рыбными промышленниками происходили и раньше (см. у В. Н. Витевскаго: Неплюевъ и Оренбургскій край, вып. IV-й, стр. 636—639). «Причины» этихъ столкновѣній г. Витевскій усматриваетъ въ томъ, «что правительство, отдавая Яицкому войску на откупъ рыбныя ловли, не обозначило точнымъ образомъ районовъ вѣдомства саратовской и астраханской рыбныхъ конторъ отъ урочищъ войсковыхъ рыбныхъ промысловъ, такъ-что опредѣленной грани между ними не было» (стр. 637). И. И. Неплюевъ установилъ эту грань; между тѣмъ столкновѣнія продолжались. Отсюда ясно, что «причины» заключались не въ неопредѣленности границъ, а въ чемъ-то другомъ, тѣмъ болѣе, что самъ г. Витевскій далѣе замѣчаетъ: «границы эти (границы вѣдомства саратовской и астраханской рыбныхъ конторъ), какъ оказывается, были». Едва ли также «споры» имѣли своею основною причиною то, что откупщики «своевольно» «захватывали» самыя казацкія «воды»: до этого яицкое войско, какъ владѣтель этихъ водъ, конечно откупщиковъ не допустило бы. Пѣтъ, «споры», очевидно, «зависѣли» отъ монопольнаго положенія рыбныхъ откупщиковъ въ мірѣ рыбниковъ, къ которому принадлежали и яицкіе казаки: не на владѣніе «водами» направилось главнѣйшее и самое ошутительное давленіе монополистовъ, а на сферу промышленно-торговыхъ казацкихъ операцій и отношеній. Видное же общественное положеніе монополистовъ давало просторъ и всякимъ злоупотребленіямъ по казацкому адресу.

на тѣ или другіе продукты рыбнаго дѣла, тѣмъ самымъ приобрѣталъ право вмѣшиваться въ сферу чисто промышленныхъ и торговыхъ операций яицкихъ казаковъ. Сверхъ того, послѣднимъ, какъ торговцамъ, несоединеннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ этого порядка въ прочную и правильную ассоціацію, было прямо таки невозможно тягаться съ крупнымъ монополистомъ. Такъ Сидору Попову была дана монополія на мешечную икру, и этого было вполне достаточно, чтобы яицкіе казаки, тоже платившіе за промыслы откупную сумму, слѣд. бывшіе тоже особаго рода откупщиками, почувствовали себя въ полномъ экономическомъ плѣну у этого рыбника. Немудрено, что изъ среды яицаго казачества послышались просьбы и жалобы. Въ 1760 году войсковою атаманъ яицаго войска Андрей Бородинъ въ „доношеніи“ своемъ въ Сенатъ просилъ, чтобы войску было позволено „дѣлать“ икру, клей и вязигу также, какъ и прежде („за особливья войска яицаго службы“) „и чтобы оная мешечная и протчая икра, клей и вязига“ покупались купцами и откупщиками „при войскѣ яицкомъ“, какъ это было прежде, „а откупщику Сидору Попову къ вашей мешечной икры, клею и вязигѣ и прочимъ рыбнымъ припасамъ не притрогиваться“. Поводомъ къ этой просьбѣ послужили слѣдующія злоупотребленія, вытекавшія изъ привилегированнаго положенія Сидора Попова на рыбномъ рынкѣ юго-восточной окраины. Въ 1759 г. яицаго казака Василія Тамбовцева „по указу Ея Императорскаго Величества „за дѣланье и за продажу курскимъ купцамъ мешечной икры“ было приказано бить „при войскѣ плетми“; тогда же и тѣмъ же указомъ войску было запрещено „строить мешечную икру“; разрѣшено же было „дѣлать одну зернистую“; но казачество воспротивилось такимъ распоряженіямъ и „репортовало“, что казака Тамбовцева штрафовать (т. е. сѣчь) не слѣдуетъ, ибо „въ постановленномъ въ государственной камеръ-коллегіи въ войсковомъ яицкимъ контрактѣ объ оной мешечной икрѣ никакого запрещенія не учинено“. Атаманъ прибавляетъ, что указъ о штрафованіи былъ присланъ оренбургской канцеляріей „изъ государственной камеръ-коллегіи“. Въ указѣ же Ея Императорскаго Величества, состоявшемся въ прошломъ 1759-мъ году въ Правительствующемъ Сенатѣ, говоритъ атаманъ, „объ этой яицкой мешечной икрѣ ничего не толковано, кромѣ сего, что астраханскіе рыбные промыс-

лы и весь округъ около Волги и выше даже до Саратова, звѣринныя и протчія угодья отданы въ содержаніе на откупъ коломенскому купцу Сидору Попову на 10 лѣтъ изъ платежа положенной за тѣ угодья суммы... ..и велѣно волжскимъ, терскимъ и гребенскимъ казакамъ изъ уловной въ ихъ водахъ рыбы икру мешечную и клей по среднимъ цѣнамъ отдавать ему, откупщику, а кромѣ его, какъ икру, такъ и клей никому на сторону не продавать и не отпускать“, а войску яицкому отнюдь не запрещено. Далѣе атаманъ указываетъ на невыгодныя слѣдствія данной Сидору Попову монополіи, какъ для русскихъ потребителей, такъ и для уральскихъ производителей, „ежели, говоритъ онъ, „мешечной и протчей самой чистой икры войску яицкому не дѣлать, а дѣлать одну, какъ камеръ-коллегія дозволяетъ, зернистую“... Перспектива же „дѣлать одну зернистую“ не очень заманчива: „оная зернистая икра, поясняетъ атаманъ, „кладется въ тѣлѣги, въ которыхъ такъ перебивается, что сдѣлается на подобіе дегтя, и тако иностранныя народы будутъ довольствоваться самою чистою икрою, а Россійскіе подданные негодною“. Ссылка на интересы россійскихъ подданныхъ сильно подкрѣплялась интересами самой казацкой общины: „а Правительствующему Сенату“, указываетъ атаманъ, „довольно извѣстно, что войско яицкое всё свое пропитаніе имѣетъ и службы Ея Императорскаго Величества исправляетъ своимъ коштомъ и всю казацкую сбрую лошадей достаетъ за уловленіе рыбы въ Яикѣ—рѣкѣ и на томъ весь корпусъ содержится“; въ монополіи, данной откупщику Сидору Попову, атаманъ прямо усматриваетъ лишеніе казаковъ рыбнаго „промысла“, что неминуемо повлечетъ за собой „крайнее разореніе“ войска, лишеннаго возможности эксплуатировать ловлю сообразно съ своей выгодой и принужденнаго согласовать свою рыбную промышленность и торговлю съ выгодами откупщика-монополиста. Несмотря однако на такія рѣшительныя заявленія начальнаго челоуѣка яицкихъ казаковъ, правительство указомъ 3-го мая (1760 г.), въ общемъ подтвердило привилегированное положеніе Сидора Попова и по отношенію къ яицкому войску. Правда, было заявлено, что Поповъ долженъ соблюдать контрактъ неотложно, „въ чемъ онъ, Поповъ, исполнился“, что онъ, Поповъ, „къ отмѣнѣ того претензіи имѣть не можетъ“; но за то и яицкому войску было внушено, что

оно должно платить Попову при продажѣ ему мешечной икры пошлину—30 коп. съ пуда, „ибо за отпускъ за море 10 к. съ пуда велѣно откупщику платить отъ той компаніи, ибо откупщикъ будетъ платить въ казну немалый откупъ“¹⁾.

„Немалый откупъ“ былъ всегда основаніемъ для поддержки интересовъ компаній. Это особенно справедливо относительно тѣхъ компанейщиковъ, которые брали на откупъ винные подряды. Такъ, напр., представитель винной компаніи откупщикъ Савва Яковлевъ своимъ значеніемъ въ мірѣ русской водки просто давилъ тѣхъ торговцевъ, которые желали распространять въ Россіи иностранныя водки. Этотъ откупщикъ и его товарищи постановили не покупать иностранныхъ водокъ и тѣмъ привели въ ужасъ владѣтелей этихъ питій; торговцы - иностранцы пожаловались на Савву Яковлева даже иностраннымъ министрамъ при русскомъ дворѣ... Эти отношенія хорошо уясняютъ значеніе „компаніи“, какъ особаго финансоваго учрежденія, почему я и предлагаю вниманію читателя слѣдующія фактическія данныя.

Въ 1750 году (20 - го декабря) польскій, саксонскій и голандскій министры заявили въ иностранную и коммерцъ - коллегію, что обрѣтающіеся здѣсь голландскіе, гданскіе и другіе иностранныя купцы“... „многочратно просили въ коммерцъ-коллегіи“, чтобы ихъ водки покупались у нихъ откупщиками; „однакожь сіи откупщики“... „весьма малую цѣну давали“ и даже „объявили, что имъ, откупщикамъ, такія водки вовсе не надобны“... Министры за иностранныхъ купцовъ „пристойное заступленіе чинили“ и „прилежно домогались, чтобъ повелѣно было откупщиковъ ко взятю оныхъ водокъ по справедливой и настоящей цѣнѣ принудить“ или позволить продавать ихъ, помимо откупщиковъ, „другимъ партикулярнымъ Россійскимъ купцамъ“. Камеръ - коллегія, въ которую тоже поступали подобныя прошенія, 24-го августа того же года постановила: призвать „компанейщиковъ въ оную коллегію и взять у нихъ письменное извѣстіе, чего ради они у этихъ купцовъ дупельтовой водки не покупаютъ“. Компанейщики два раза приходили въ камеръ - коллегію и „подавали доношеніе съ такимъ объявленіемъ, якобы имъ той водки вышеозначенныя купцы не продаютъ, а требуютъ дорогою цѣною“. О цѣнѣ компанейщики „обѣщали подать извѣстіе, но не подали и

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 882.

болѣе въ коллегію по многократнымъ къ нимъ послыкамъ упрямствомъ не являются и чрезъ то явились коллегіи ослушны“... Это камеръ коллегія докладывала Сенату. „Между тѣмъ“, продолжала она въ своемъ доношеніи, „иностранные и россійскіе купцы приходятъ въ оную коллегію почасту и приносятъ на оныхъ компанейщиковъ словесную жалобу“, что они у нихъ „показанной водки не покупаютъ“ и требуютъ, чтобы было позволено продавать её другимъ партикулярнымъ купцамъ „для отпуску внутрь Россіи“. Это докладывалось въ Сенатѣ уже въ 1751 году (1-го марта). Сенатъ постановилъ: компанейщиковъ Савву Яковлева съ товарищи къ покупкѣ иностранной водки „не принуждать“, а россійскимъ и иностраннымъ купцамъ, имѣющимъ эту водку, разрѣшить продажу ея другимъ купцамъ, внутрь Россіи, „кромѣ Москвы“, съ платежемъ пошлины¹⁾. Иными словами: монополія яковлевской компаніи была оставлена безъ всякихъ ограниченій въ районѣ ея откупа: въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Ингерманландіи и Москвѣ; угнетенные этими откупщиками, видимо, и не рассчитывали добиться того, чтобы власть принудила Яковлева съ товарищами заключить нежелательныя для компаніи сдѣлки, почему они и просили позволенія сбывать свой товаръ „внутри Россіи“, т. е. въ тѣ мѣста, куда не распространялась монополія компаніи, платившей въ казну 746724 руб. ежегодно²⁾.

Въ означенной просьбѣ трудно было отказать русскимъ и иностраннымъ торговцамъ иностранными водками, когда за послѣднихъ ходатайствовали сами иностранные министры. Какъ уже было замѣчено выше, винные компанейщики были нужные люди правительству, и оно по понятной причинѣ дѣйствовало въ ихъ интересахъ,—вслѣдствіе связи послѣднихъ съ интересами казны. Въ 1742 году, напр., камеръ-коллегія заявила Сенату, что на московскіе питейные дворы было необходимо подрядить 400000 вед. вина „по требованію питейныхъ компанейщиковъ“, при чемъ было сообщено и о томъ, что камеръ-коллегіи очень сильно пришлось торговаться съ винными подрядчиками на питейные дворы. Винные подрядчики въ такихъ торгахъ нерѣдко боролись съ чиновниками камеръ-коллегіи и

¹⁾ М. А. М. Ю, с. д. по камеръ-кол., т. 887.

²⁾ П. С. З., XV, 10906.

членами Сената посредством стачекъ, противопоставая такимъ образомъ собственную промышленную солидарность союзу казны съ питейными компанейщиками ¹⁾. Откупщики же зная, что они представляютъ необходимое звѣно въ государственныхъ финансахъ, иногда разговаривали съ органами власти въ довольно рѣшительныхъ выраженіяхъ. Такъ въ 1745 году одинъ купецъ, послѣ торговъ въ камеръ-коллегіи на откупъ таможенныхъ, канцелярскихъ и кабацкихъ сборовъ, заявилъ въ томъ же учрежденіи, что „ежели въ томъ февралѣ мѣсяцѣ отдача ему учинена будетъ, то онъ и впредь торговаться будетъ, а по прошествіи того февраля мѣсяца, ежели отдача учинена не будетъ, то ему ни за какую сумму оные сборы не надобны“ ²⁾.

---

¹⁾ Камеръ-коллегія сообщала, что винные подрядчики «за вино просили разными цѣнами, а послѣднюю цѣну объявили, что они меньше 82 к. за ведро не возьмутъ и болѣе въ той коллегіи торговаться не будутъ, а сего 13-го дня (1742 г.) допущены были предъ собраніе Правительствующаго Сената... совѣтники камеръ-коллегіи... Феодоръ Беклемишевъ, кн. Григорій Шаховскій, Иванъ Богдановъ, ассесоръ Андрей Щетининъ и при томъ были представлены винные подрядчики для окончанія торгу и о послѣдней цѣнѣ спрашиваны, почему они за поставку того вина за ведро возьмутъ и ко уменьшенію цѣны тѣ подрядчики были увѣщеваны и склоняемы и по многуму увѣщанію и склоненію объявили всё, что возьмутъ по 80 к. за ведро, а ниже той цѣны не возьмутъ и впредь торговаться не будутъ» (М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-коллегіи, т. 876). Или вотъ выдержки изъ другого доклада камеръ-коллегіи Сенату.—«Въ нынѣшнемъ 1743 году на продажу въ питейные дома пива и меду по публикамъ изъ той конторы и по неоднократнымъ посылкамъ явилось винныхъ промышленниковъ 15 челов., которые по многуму отъ камеръ-конторы увѣщеванію и сбавки цѣны склоняванію при послѣднемъ торгу за поставку въ разные питейные дома просятъ неравной цѣной за пиво 20—22 к. за ведро, за медъ 19¹/₂—22 к. за ведро, а меньше того и противъ прошлыхъ лѣтъ цѣны не берутъ и отъ торговъ отказались и объявили, что меньше оныхъ цѣнъ взять имъ не можно, что, де, противъ прошлыхъ лѣтъ пивные и медовые припасы гораздо покупаются дороже» и т. д. Далѣе камеръ-коллегія, еще разъ повторивъ, что «оные промышленники не соглашаются на меньшую цѣну, «якобы за дороговизною припасовъ», прибавляетъ: „а другихъ охочихъ людей къ поставкѣ пивъ и медовъ не явилось“ (М. А. М. Ю., сен. д. по камеръ-кол., т. 880).

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 878.

Компани и вообще крупныя торгово-промышленныя фирмы, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ казной, еще ближе стояли къ денежнымъ интересамъ тѣхъ официальныхъ лицъ, которымъ принадлежало преобладающее вліяніе на внутрення дѣла. Какъ извѣстно, изъ такихъ лицъ въ 1-ю половину XVIII стол. особенно выдѣлился гр. П. И. Шуваловъ. Этотъ государственный человекъ широко воспользовался компанейскимъ принципомъ и на казенный и на частный счетъ. Приобрѣтая себѣ монополіи, гр. П. И. Шуваловъ доставлялъ возможность и другимъ дѣлать то же самое. Фельдмаршалъ Минихъ въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, что вслѣдствіе правительственнаго значенія гр. Шувалова, „произошли раззорительныя монополіи“¹⁾. Такъ монополія на эксплуатацію архангельскихъ лѣсовъ была передана гр. П. И. Шуваловымъ нѣкому Вильяму Гому, англійскому купцу, на 20 лѣтъ, который, окончательно обанкротившись въ 1783 году, „надолго разстроилъ“ „лѣсное хозяйство на сѣверѣ“²⁾. Весьма вѣроятно, что и коломенскій купецъ Поповъ получилъ астраханскіе рыбныя промыслы съ согласія гр. П. И. Шувалова, господина рыбныхъ промысловъ у Астрахани и на Каспійскомъ морѣ. Существуетъ также основаніе думать, что и армяне Иссахановы получили персидскій торгъ въ компанію только въ силу ходатайства за нихъ гр. П. И. Шувалова. Кн. Щербатовъ очень прозрачно намекаетъ на финансовыя сдѣлки армянъ съ государственнымъ финансистомъ, свидѣтельствуя, что большую часть денегъ, взятыхъ изъ банка, армяне отдали гр. П. И. Шувалову³⁾. Не даромъ, разумѣется, и другія лица при посредствѣ гр. П. И. Шувалова и прямо отъ него получали право на эксплуатацію всякихъ казенныхъ статей - угодій, торговъ, регалій. Кн. Щербатовъ сообщаетъ, что и Гомъ, названный у него Готомъ, заплатилъ Шувалову за монополію на олонеккіе лѣса цѣлый милліонъ, взятый англичаниномъ изъ того же купеческаго банка, откуда достали денегъ и армяне персидскаго торга⁴⁾. Гр. Шуваловъ былъ не только промышленникъ и торговецъ первой степени

¹⁾ Записки, стр. 89.

²⁾ См. соч. Огородникова: очеркъ Истор. Арханг., стр. 192—197.

³⁾ Записки о повр. нр., стр. 89.

⁴⁾ См. прилож.

по обширности оборота: онъ былъ и выдающимся виннымъ подрядчикомъ и откупщикомъ вмѣстѣ: отсюда его связь съ компанейщиками и этого типа. „Вы, укоряя его кн. Шаховскій, сдѣлали, что откупщики питейной продажи при новомъ откупѣ немалую къ прежней цѣнѣ прибавку учинили, но напротивъ того вы снабдили ихъ многими вновь, выгоднѣйшими предъ прежними, привиллегіями, и сами, сдѣлавшись участникомъ въ подрядѣ, въ многочисленную вина въ Петербургъ поставку и въ откупы съ кабаковъ винной продажи вступили“¹⁾... Очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, что гр. Шуваловъ былъ виннымъ подрядчикомъ, объясняется повышение поведерной платы за вино, поставляемое на откупные кабаки; а тѣмъ обстоятельствомъ, что гр. Шуваловъ былъ и откупщикомъ, хотя и не такимъ крупнымъ, какъ подрядчикомъ, объясняются выхлопотанныя имъ привиллегіи для винныхъ компанейщиковъ²⁾. Впрочемъ, радѣть объ интересахъ винныхъ компанейщиковъ гр. Шуваловъ долженъ былъ и потому, что винные компанейщики не мало переплатили ему денегъ, какъ винному подрядчику, въ силу учиненной надбавки.

До самой смерти своей (1762 г.) гр. П. И. Шуваловъ оставался центральной фигурой въ нашей экономической политикѣ. Дѣятельность этого вельможи близко соприкасалась какъ съ казенными, такъ и съ частными финансовыми интересами. Неудивительно, что крупные купцы и промышленники тяготѣли къ гр. П. И. Шувалову, а онъ къ нимъ. Обѣ стороны въ общемъ были прочно объединены своими отношеніями къ торгово-промышленной отрасли государственнаго хозяйства, которую обѣ стороны и стремились эксплуатировать по возможности широко и безъ препятствій.

Обогащаясь самъ, гр. П. И. Шуваловъ, вовсе не желалъ быть единственнымъ, во избѣжаніе осужденія, а слѣдовательно и риска: онъ давалъ возможность пожитья и другимъ, хотя, понятно, за собой оставлялъ львиную долю.

Это хорошо видно изъ учрежденія, по его инициативѣ, купеческаго банка (1754 г.)³⁾ „для поправленія купечества и

¹⁾ Записки кн. Шаховскаго, стр. 142.

²⁾ Напр., указъ о льготахъ для цѣловальниковъ—П. С. З. XV, 11125.

³⁾ П. С. З. XIV, 10280.

коммерціи“, банка, которымъ, по сообщенію кн. Щербатова, „воспользовался“ самъ его учредитель¹⁾). Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ²⁾, говоря вообще, было проведено гр. П. И. Шуваловымъ въ интересахъ крупныхъ торговцевъ. Это мѣропріятіе является тоже показателемъ той тѣсной связи, какою компанейскій откупъ сплотилъ главнѣйшаго компанейщика со всѣми остальными; что гр. Шуваловъ самъ больше всѣхъ воспользовался выгодами уничтоженія внутреннихъ таможенъ, это — вопросъ, котораго мы уже касались выше и который поэтому является постороннимъ въ настоящей главѣ: здѣсь для насъ необходимо лишь отмѣтить, что гр. П. И. Шуваловъ въ своихъ торгово-промышленныхъ операціяхъ искалъ поддержки въ цѣломъ общественномъ слоѣ, члены котораго, въ свою очередь, взирая съ упованіями на государственную казну, искали поддержки со стороны вліятельнаго государственнаго дѣятеля. Къ тому же для откупщиковъ и компанейщиковъ было очень рискованно относиться невнимательно къ гр. Шувалову, ибо послѣдній былъ едва ли не самый крупный дѣятель на тогдашнемъ русскомъ рынкѣ. Поневолѣ приходилось дѣлать ему любезность. — Когда въ 1759 году гр. П. И. Шуваловъ просилъ отсрочку, между прочимъ, уплаты таможенныхъ пошлинъ, то таможенные откупщики Шемякинъ съ товарищами въ Сенатѣ заявили, что они не будутъ претендовать на просимую гр. Шуваловымъ льготу, и льгота была дана³⁾. Гр. Шуваловъ желалъ, чтобы всенародно была засвидѣтельствована ему полная признательность отъ всероссійскаго купечества. Кн. Шаховскій указываетъ на то, что купцами были поднесены П. И. Шувалову брилліантовые орденскіе знаки „звѣзды и креста кавалерскаго ордена Свят. апостола Андрея“, каковой орденъ былъ пожалованъ Шувалову Императрицей. На это была употреблена часть денегъ, собранныхъ купцами „для покупки и подносу“ „брилліантовыхъ вещей“ Всемиловнѣйшей Монархинѣ въ знакъ благодарности... за снятіе внутреннихъ пошлинъ“.... Кн. Шаховскій рассказываетъ о гр. П. И. Шуваловѣ, что онъ самъ „уговорилъ купцовъ“ сдѣлать сборъ и что „брилліантовые вещи“ они поднесли „по его приказанію“; при этомъ обличитель ссылался на „многихъ“, которые высказывали это

¹⁾ О повреж, нр., стр. 65.

²⁾ П. С. З XIII, 10164—указъ 20-го декаб. 1753 г.

³⁾ М. А. М. Ю, с. д. по б.—колл., т. 2864.

мнѣніе, и особенно на убѣжденнаго въ этомъ шуваловскомъ маневрѣ „оберъ-президента магистратскаго“.

Опять необходимо сказать: нѣтъ основаній не вѣрить кн. Шаховскому уже потому, что его сообщенія по этому предмету вполне соответствуютъ общему характеру государственно-финансово-промышленной дѣятельности гр. Шувалова, извѣстной намъ изъ официального дѣлопроизводства. Маневрѣ, употребленный Шуваловымъ, дѣлалъ честь его дипломатическимъ способностямъ: тутъ для всѣхъ очевидно выразилась связь, какая существовала между его финансово-экономическою политикою и „умоначертаніемъ“ „Россійскаго купечества“, своими подношеніями заявившаго Верховной Власти, что оно очень и очень благодарно за одобреніе и утвержденіе главнѣйшаго изъ проектовъ гр. П. И. Шувалова. Бриллиантовья регалии были поднесены гр. Шувалову несомнѣнно искренне многими купцами, тѣми, которые обогатились чрезъ ходатайство и поддержку вліятельнаго финансиста въ правительственныхъ сферахъ; это прежде всего—компанейщики, получившіе въ содержаніе винную регалию и всѣ привиллегіи, выхлопотанныя гр. Шуваловымъ для виннаго откупа. Такихъ, т. е. обогатившихся, благодаря Шувалову, было, повторяю, немало: фельдмаршалъ Минихъ ссылается на „обогащеніе частныхъ лицъ“, какъ на результатъ господства гр. П. И. Шувалова въ русскихъ экономическихъ дѣлахъ ¹⁾. Другіе, напротивъ, разорились отъ неумѣреннаго аппетита этого дѣятеля; но и самъ онъ умеръ, оставивъ казнѣ солидную сумму долга ²⁾. Вообще, если оставаться при обсужденіи этого вопроса на точкѣ зрѣнія государственной пользы, то слѣдуетъ отмѣтить, что отъ операцій гр. П. И. Шувалова государственная казна пострадала всего болѣе... Въ этотъ періодъ... „казна нуждалась въ деньгахъ“, говоритъ старшій фельдмаршалъ ³⁾.

¹⁾ Записки Миниха, стр. 89

²⁾ Кн. Щербатовъ свидѣтельствуетъ о цѣломъ миллионѣ шуваловскаго долга казнѣ. Въ указѣ 1763 г. (14-го ноября)—о принятіи въ казну заводовъ, принадлежавшихъ гр. Шувалову,—гособлагодатскихъ и кольскихъ отмѣчена болѣе скромная цифра казеннаго долга гр. П. И. Шувалова—186,629 р. 65 к. уплачено имъ было не болѣе, какъ 6940 р. 35 к.. Было велѣно: наследнику П. И. Шувалова «весь казенный мѣднаго банка долгъ уступить и дать квитанцію» (П. С. З. XVI, 11966).

³⁾ Записки Миниха, стр. 89.

Главнѣйшія общія положенія, которыя развивались въ настоящемъ отдѣлѣ, могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ.

Частно-компанейскимъ принципомъ, который былъ завѣщанъ Преобразователемъ русскому торгово-промышленному міру, воспользовался, въ силу сложившихся благопріятно (для гр. Шувалова, разумѣется) обстоятельствъ, вліятельный государственный дѣятель, бывший вдобавокъ остроумнымъ финансистомъ; въ результатѣ чего получилось:

1) господство гр. П. И. Шувалова въ промышленной и торговой сферѣ;

2) его, гр. Шувалова, единеніе съ крупнѣйшими русскими и дѣйствовавшими на русской почвѣ иностранными капиталистами, скрѣпленное и официальнымъ, и „купецкимъ“ значеніемъ гр. П. И. Шувалова;

3) уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, проведенное Шуваловымъ какъ непосредственно въ своихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ указаннаго единенія; и наконецъ:

4) разстройство государственныхъ финансовъ.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ОСЛОЖНЕНІЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ, ВЫЗВАННЫЯ «КОМПАНИЕЙЩИКАМИ».

Глава VІІІ-я.

„Содержатели“ и рабочіе.

„Компанія“ была только излюбленнымъ выраженіемъ привилегированнаго промысла и торговаго предпріятія. Она была только частнымъ, но наиболее рельефнымъ явленіемъ въ области торгово-промышленной привилегіи, дѣйствовавшей въ торгово-промышленной средѣ XVIII стол. Если мы спустимся внизъ этой среды, то понятно мы невольно еще болѣе, чѣмъ раньше, раздвинемъ рамки нашей темы; ибо мы должны будемъ вполне войти въ кругъ тѣхъ отношеній, которыя не справляются о различіи юридическихъ формъ, а отзываются такъ или иначе на реальную сторону дѣла; послѣдняя же въ общемъ и главномъ была одинакова во всѣхъ привилегированныхъ промышленно-торговыхъ предпріятіяхъ, какъ компанейскихъ, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, такъ и прямо единоличныхъ; вслѣдствіе этого мы и не станемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи различать компанейщиковъ отъ некомпанейщиковъ юридически, потому - что съ экономической точки зрѣнія всѣ крупныя „содержатели“ предстатляютъ одну группу, особенно заинтересованную вопросомъ о рабочихъ рукахъ.

Этотъ вопросъ принесъ немало трудныхъ минутъ государственнымъ людямъ XVIII стол. Рабочихъ рукъ не было, ихъ

не хватало. Между тѣмъ государство, „казна“, потомъ высшіе общественные классы почувствовали необходимость въ національной промышленности. Какъ тутъ быть? Если бы въ средѣ населенія постепенно развивалась широкая промышленная дѣятельность, то несомнѣнно не было бы и вопроса о недостаткѣ рабочихъ,—скорѣе народился бы вопросъ объ ихъ избыткѣ. Но на Руси было наоборотъ. Масса населенія не чувствовала никакой настоятельной необходимости выйти изъ тѣхъ примитивныхъ формъ труда, которыя ей были свойственны съ давнихъ временъ: потребности этой массы въ концѣ XVII стол. едва ли чѣмъ существеннымъ отличались отъ потребностей ея въ XII—XIII столѣтіяхъ, въ эпоху зарожденія позднѣйшихъ государственныхъ порядковъ. Московское государство, создавшись при помощи этой массы и достаточно окрѣпнувъ политически, осмотрѣлось вокругъ себя и нашло, что для дальнѣйшаго роста не припасено ни матеріальной, ни умственной пищи, безъ которой однако не можетъ обойтись ни одно политическое тѣло, если оно не желаетъ обезсилѣть и погибнуть въ неравной борьбѣ съ другими, хорошо питающимися политическими организмами. Пришлось торопиться и запастись пищу обоимъ родовъ исключительными способами, которые, устраняя одни неудобства, влекли за собой другія,—менѣе вредныя для политики, но значительно вліявшія на народныя массы. Словомъ, для удовлетворенія новымъ потребностямъ государства и высшихъ классовъ пришлось привлечь къ дѣлу заводской и фабричной промышленности крестьянство.

Прежде всего стали приписывать государственныхъ крестьянъ къ казеннымъ заводамъ ¹⁾, ибо широкое промышленное дѣло начало заводить само правительство, а затѣмъ было позволено и частнымъ лицамъ, „какъ шляхетству, такъ и купечеству“, покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ цѣлыми деревнями, но такъ, чтобы „тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь не продавать и не закладывать и никакими вымыслы

---

¹⁾ Кальбургеръ показываетъ, что къ горнымъ заводамъ, учрежденнымъ еще Царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ, Царь Алексѣй Михайловичъ приписалъ 400 душъ крестьянъ... (См. у Семенова: Изученіе истор. св. о вѣнши. тор., ч. I, стр. 33).

ни за кѣмъ не крѣпить и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать“. Даже вмѣстѣ съ заводами крестьянъ позволяли продавать только въ случаѣ крайности ихъ владѣльцевъ и при томъ — „съ позволенія бергъ и мануфактуръ - коллегіи“. Законодатель предвидѣлъ и злоупотребленія, вслѣдствіе разрѣшенія покупать крестьянъ къ заводамъ: „а ежели кто будетъ заводы заводитъ токмо для лица малые, чтобъ ему тѣмъ у кого деревни купить; и таковыхъ вымышленниковъ до той покушки не допускать и смотрѣть того накрѣпко въ бергъ и мануфактуръ коллегіи, а ежели таковые явятся, и ихъ по усмотрѣнію штрафовать отнятіемъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія“¹⁾. Изъ ограниченія владѣльческихъ правъ, приведенной оговорки и устрашенія — съ очевидностью усматривается, что только печальная необходимость принудила законодателя прибѣгнуть къ такой радикальной мѣрѣ, каковою является разрѣшеніе покупать крестьянъ къ заводамъ, т. е. разрѣшеніе создать, ради преусибынія національной промышленности, — особый видъ крѣпостнаго состоянія²⁾. Явился

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б. - к., т. 2710; П. С. З., IX, 6539; Инструкция В. Н. Татищеву 24-го Марта 1734 г.; IX, 6858; указъ 7-го янв. 1736 г., немного ограничившій разрѣшеніе покупать; безъ земель, а не цѣлыми деревнями; въ 1744 году снова было возобновлено разрѣшеніе въ его полномъ видѣ, какъ было объявлено въ указахъ 1721 и 1723 годовъ (М. А. М. Ю., с. д., 2710 т.). Сенатскимъ указомъ 1752 г. (12-го марта) бергъ и мануфактуръ-коллегіямъ было приказано «имѣть крѣпкое смотрѣніе», чтобы заводчики и фабриканты не покупали излишнихъ крестьянъ «подъ видомъ заводовъ и фабрикъ»; настоящимъ же дворянамъ «никакого воспрещенія не чинить». Позволено было каждому доменному водяному заводу имѣть 160 душъ, мѣднымъ заводамъ 2000 душъ, затѣмъ фабрикамъ разныхъ спеціальностей разное количество душъ отъ 12 до 42; указомъ 1753 года (5-го ноября) было объявлено, что крестьянъ къ заводамъ можно покупать не только деревнями, но и «безъ земель» — «въ указанную пропорцію»; при этомъ непременно писать «кому за тѣхъ покупныхъ людей и крестьянъ, впредь до новой ревизіи подушныя деньги и рекрутъ платить». (П. С. З. XIII, 9954).

²⁾ До Императора Петра III позволеніе оставалось въ силѣ. Императоръ Петръ III-й запретилъ покупать крестьянъ къ заводамъ и Императрица Екатерина II-я подтвердила это запрещеніе, а Императоръ Павелъ возобновилъ разрѣшеніе; только въ 1816 г. послѣдовала окончательная отмѣна этой мѣры, уже давно пережившей ея государственное значеніе. (См. у В. И. Семевского: Крестьяне въ царств. Импер. Екатерины II-й, стр. 394—397).

особый видъ населенныхъ владѣній, названныхъ послѣдствіи (1797 г.)—посессіями, явился особый видъ рабочихъ, названныхъ въ исторической литературѣ посессіонными крестьянами ¹⁾, и особый видъ владѣльцевъ, еще, кажется, никакъ названныхъ, по которымъ всякій помѣститъ въ высшій „чинъ“ торгово-промышленныхъ людей XVIII стол.

Забывая о доставленіи заводамъ и фабрикамъ рабочей силы, правительство находилось тѣмъ болѣе въ затруднительномъ положеніи, что тѣхъ рабочихъ, которые своею охотою шли на заводы, оно считало необходимымъ устранять оттуда и водворять на прежнія мѣста. Это были бѣглецы. Дѣйствительно имѣлись въ государствѣ—люди, которымъ въ XVIII стол., при болѣе крѣпкой, чѣмъ раньше администраціи на окраинахъ, некуда было идти, и они шли на заводы. Они убѣжали отъ своихъ вотчинниковъ, ища лучшаго и находя на заводахъ, можетъ быть, еще худшее положеніе...

Административныя обязанности власти столкнулись съ государственно-экономическими цѣлями правительства, а далѣе, послѣ Петра В., съ интересами государственныхъ людей. Начиная со времени Петра В. правительство (въ теченіе 1-ой половины XVIII стол.) вело двойственную политику, именно,—вслѣдствіе указаннаго сейчасъ противорѣчія въ предстоявшихъ ему задачахъ: оно стремилось удовлетворить заводы рабочими руками и вмѣстѣ съ тѣмъ не обидѣть вотчинниковъ, поддержать ихъ право собственности на принадлежащихъ имъ и числящихся въ то же время въ бѣгахъ крестьянъ; но всё же надо сказать, что приходилось болѣе поддерживать заводчиковъ, ибо самыя крупныя изъ нихъ были и вотчинниками самыми большими ²⁾.

¹⁾ Семевскій, цит. соч., стр. 406.

²⁾ Такъ, въ 1722 г. (18-го іюля) было запрещено выдавать съ заводовъ бѣглыхъ ихъ прежнимъ и дѣйствительнымъ владѣльцамъ (И. С. З., VI, 4055). Точно также и въ указѣ (19-го января) 1723-го года было заявлено: «съ заводовъ ихъ (рабочихъ людей) неволью не смѣять, дабы тѣхъ промысловъ не остановить» (И. С. З., VII, 4145). Въ 1724 г. по Илакату (20-го іюня) было приказано отпускать съ заводовъ бѣглыхъ прежнимъ владѣльцамъ — за 50 руб. (И. С. З., VII, 4533). Въ 1732 г. (10-го ноября) было велѣно переписать

Въ результатѣ этой политики получило то, что значительное число бѣглыхъ было зарегистрировано за заводами; но всѣ, не попавшіе сюда „по указамъ“, были сочтены всегда подлежащими возвращенію ихъ владѣльцамъ съ уплатой за держаніе бѣглыхъ на заводахъ и фабрикахъ известной суммы¹⁾.

вновь всѣхъ имѣющихся на фабрикахъ «мастеровыхъ людей и ихъ учениковъ и работниковъ, какъ мужскій, такъ и женскій полъ, и ихъ дѣтей», также „сколько дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ людей и крестьянъ и какихъ другихъ чиновъ и по сколько лѣтъ въ обученіи имѣются“. «А оныхъ мастеровыхъ людей до будущаго объ нихъ точнаго опредѣленія съ тѣхъ мануфактуръ несылать и челобитчикамъ не отдавать» (П. С. З., VIII, 6255). Въ 1736 году (7-го января) было приказано «всѣхъ, которые понынѣ при фабрикахъ обрѣтаются и обучались какому-нибудь мастерству, ... а не въ простыхъ работахъ обрѣтались», оставить на фабрикахъ, заплативъ за такихъ мастеровъ «отъ тѣхъ фабрикъ деньги». Обрѣтавшихся «въ черныхъ работахъ» было велѣно «отдать, чьи они были», но «пожилыхъ денегъ» съ фабрикантовъ и заводчиковъ «не взыскивать» (П. С. З., IX, 6858). Въ 1755 г. (30-го декабря) Сенатъ отмѣтилъ: „Вся та Сибирская губернія . состоитъ б. ч. въ самыхъ пустыхъ земляхъ, которыя для пользы государственной населенія требуютъ“... Въ этой губерніи „наиболѣе другихъ губерній довольныя и весьма лучшія и надежныя руды и металлы обыскиваются“ (Schnitzler.— Statistique et itineraire de la Russie: «En 1749, on a découvert sur une montagne de la Sibérie une masse de fer pesant 42 pouds. La Sibérie fournit encore du mercure» и т. под. стр. 41). «Для произведенія впродъ полезныхъ государству и интересу Ея Императорскаго Величества заводовъ въ мастеровыхъ и работныхъ людяхъ весьма нужнѣйшая потребность и надобность видится» и т. д. Вслѣдствіе этого Сенатъ «не могъ смѣлости принять бѣглыхъ, какъ съ казенныхъ, такъ и съ партикулярныхъ заводовъ на прежнія жилища выслать» и т. п. (П. С. З. XIV, 10494). Иногда правительство давало вполнѣ рациональные совѣты для устраненія недостатка въ рабочихъ на частныхъ фабрикахъ, напр., въ 1753 году, когда оказалась «немалая нужда» «въ рисовальныхъ и красильныхъ мастерахъ», то правительство рекомендовало (ук. 12-го августа) Россійскимъ фабрикантамъ—выписывать мастеровъ изъ иностранныхъ государствъ «самимъ» и «на своемъ коштѣ»; очевидно, бѣглецы были плохими рисовальщиками и красильщиками. (П. С. З. XIII, 10129).

¹⁾ Въ указѣ 1754 г. (13-го мая) было заявлено, что тѣ бѣглецы люди, которые были отданы указами на фабрики и мануфактуры, не могутъ уже быть отняты отъ нихъ; неотданныхъ же, хотя бы они «и мастерамъ обучались», всё равно было велѣно выводить къ прежнимъ владѣльцамъ, взыскавъ за держаніе штрафъ, за мужчину по 100 руб., а за женщину 50 руб.

Недостатокъ въ рабочихъ для казенныхъ заводовъ былъ до нѣкоторой степени причиной снисхожденія къ бѣглымъ со стороны правительства, хотя въ указѣ 1754 года оно и обѣщало высокій штрафъ за укрывательство бѣглыхъ. За годъ до этого указа началась ревизія заводовъ Казанской и Сибирской губерній съ тѣмъ, чтобы выяснить составъ рабочаго заводскаго населенія; было найдено, что сверхъ законнаго числа, которое должно было бы получиться, если бы соблюдались постановленія, касающіяся этого предмета, Императрицы Анны, а именно, сверхъ 8362 душъ, — на заводахъ живетъ еще 17,265 человекъ. „Излишніе“ были приписаны къ казеннымъ заводамъ, а не отданы ихъ помѣщикамъ¹⁾: такимъ образомъ самое опредѣленіе — отдавать впредь — было объявлено послѣ того, какъ казна уже воспользовалась бѣглыми для своего государственно-промышленнаго дѣла. А черезъ годъ, послѣ общаго опредѣленія о непріемѣ вновь бѣглыхъ на заводы подъ страхомъ штрафа (ук. 1754 г.), было приказано не высылать пришлыхъ крестьянъ послѣ обѣихъ ревизій — какъ съ казенныхъ, такъ и съ частныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводовъ Акинфія и Никиты Демидовыхъ, барона Строганова, Петра и Гаврилы Осокина: на казенныхъ было оставлено — 2357 душъ, на частныхъ — 4493 души (1755 г.)²⁾. Само нуждаясь въ рабочей силѣ³⁾, прави-

---

«А ежели за обученіе мастерствъ содержатели отдать не пожелаютъ, чтобы тѣхъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ не опустошить, то за такихъ тѣмъ содержателямъ платить владѣльцамъ за мужскъ полъ 50 руб., а за женскъ 25 руб.» и т. д. Если же кто впредь будетъ принимать бѣглыхъ на фабрики и заводы, то таковыя должны платить штрафъ по 200 руб. «за мужскъ полъ и по 100 руб. за женскъ» — за годъ (П. С. З. XIV 10233).

¹⁾ Указъ 12-го августа (1753 г.). На заводахъ Сибирской и Казанской губерній (стат. сов. Акинфія Демидова, Статск. Сов. Никиты Демидова, дѣтей Акинфія Демидова — мѣдн. завод., Петра Осокина, Гаврилы Осокина, Семена Красильникова, Семена Иноземцева, Кириллы Небогатова, и казанскаго гарнизона аудитора Литвинова, тулянина Ивана Меньшева Маслова) было крестьянъ 25,627 чел., въ томъ числѣ приписныхъ государственныхъ крестьянъ 11,391, а покупныхъ — 5856 душъ; остальные — „пришлые и другіе“. (П. С. З. XIII, 10131).

²⁾ П. С. З., XIV, 10494.

³⁾ 17-го апрѣля 1744 года въ сенатскомъ указѣ было заявлено:... «съ печатными паспортами работныхъ людей никто не является; отъ чего, за

тельство, вообще говоря, не препятствовало присутствію бѣглыхъ не только на казенныхъ, но и на частныхъ заводахъ, тѣмъ болѣе, что частное промышленное дѣло было очень тѣсно связано съ казеннымъ: то непосредственно въ видѣ виннаго и солянаго ¹⁾ откупа, то посредственно въ видѣ общаній казенной пользы отъ частнаго содержанія казенныхъ промысловъ. Остановимся опять вѣскольکو на промыслахъ гр. П. И. Шувалова, какъ самыхъ типическихъ для изученія втораго вида связи казеннаго интереса съ частнымъ.

нецмѣнимъ оныхъ, на учугахъ въ казенной работѣ немалая остановка и въ рыбѣ недоловъ» (П. С. З. XII, 8922). Въ случаѣ крайняго недостатка въ рабочихъ людяхъ приказывалось прямо наряжать къ казеннымъ промысламъ изъ кучества, кормящагося черной работой, изъ разночинцевъ, изъ солдатъ астраханскаго горнизона (П. С. З. XII, 8922). Повелѣвалось употреблять на казенныхъ рыбныхъ промыслахъ даже колодниковъ. «присужденныхъкъ смертной и политической смерти и къ вѣчной каторгѣ, заковавъ ихъ въ твердые кандалы», «подъ присмотромъ безопаснаго караула», «чтобы», поясняетъ указъ «тѣ колодники уйти не могли» (П. С. З. XIII, 9879, 10113).

¹⁾ Соляные промышленники, поставлявшіе соль въ казну, то и дѣло жаловались на недостатокъ рабочихъ рукъ, вслѣдствіе чего, де, является замедленіе въ доставкѣ соли и даже возникаетъ невозможность доставить соль въ срокъ и въ требуемомъ количествѣ. «Съ печатными паспортами нѣтъ, а съ письменными не велятъ брать», говорили они. Правительство приказывало наряжать на работу «дворовыхъ, государственныхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ». Такъ въ 1744 году было наряжено для Строгановыхъ 9000 человекъ, а остальнымъ пермскимъ промышленникамъ 4000 чел. (П. С. З. XII, 9108; см. также у С. М. Соловьева, Истор. Россіи, т. 21, стр. 307; т. 22, стр. 31—33). Въ 1745 году было сдѣлано распоряженіе о приѣмѣ на соляные промыслы рабочихъ съ письменными паспортами отъ помѣщиковъ или управителей за подписью Священниковъ, распространивъ однако эту мѣру только на два года (П. С. З. XII, 9226). Въ 1746 году пришлось нарядить на Бахмутскіе соляные заводы по 600 человекъ на каждый и обѣщать штрафъ за слабое исполненіе этого указа (П. С. З. XII, 9354). Въ 1748 году, чтобы, очевидно, не повторяться въ указахъ, правительство прямо повелѣло ежегодно назначать работниковъ на пермскіе соляные заводы изъ крестьянъ казанской губерніи (П. С. З., XII, 9521). Вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ, на соляныхъ судахъ появилось много бѣглыхъ рекрутъ, крестьянъ и разбойниковъ; тѣмъ не менѣе Сенатъ не велѣлъ задерживать суда, приказавъ однако осматривать ихъ и задерживать подозрительныхъ людей (Соловьевъ, т. 22, стр. 33 и 34).

Обращаясь сначала къ сѣвернымъ промысламъ, я прежде всего долженъ отмѣтить общеизвѣстный фактъ малонаселенности этой русской окраины. Въ XVIII стол. эта окраина въ промысловомъ отношеніи погибала отъ малолюдья. Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка прожектерь предлагалъ для развитія промысловъ на Бѣломъ морѣ и Сѣверно-Ледовитомъ океанѣ увеличить „въ тѣхъ мѣстахъ“ число жителей, ссылаясь на то показаніе, что другого способа не знаютъ тѣ, которые тамъ „бывали“ и „дѣло сіе знаютъ“¹⁾. Очень возможно, что мѣропріятія внутренней политики вообще и промысловой въ частности слѣдуетъ считать одной изъ важныхъ причинъ плохого заселенія края. По крайней мѣрѣ, архангелогородскій гражданинъ Василій Крестининъ, объясняя, почему жители „не умѣли пользоваться“ въ Архангельскомъ „коммерческими правами“, говоритъ, что „во времена строгихъ денежныхъ поборовъ оставляли они дома свои пусты, убѣгали почитай всѣ изъ города и въ окрестныхъ деревняхъ скрывались“²⁾. Иностраннѣйшій наблюдатель—Веберъ дѣлаетъ со стороны общее показаніе въ этомъ же смыслѣ, что, де, въ трудное время Петра В. „многіе принуждены были бѣжать изъ своихъ домовъ“³⁾. Кромѣ другихъ причинъ, населеніе этой мѣстности по всей вѣроятности, разбѣгалось и отъ рекрутства, тѣмъ болѣе, что матросовъ въ началѣ, по свидѣтельству Вебера, набирали „изъ архангельской и казанской“ губерній, какъ изъ „провинцій, расположенныхъ по большимъ рѣкамъ“⁴⁾. Позднѣе самъ гр. П. И. Шуваловъ ссылался на березовскихъ казаковъ, которые сильно злоупотребляли на крайнемъ сѣверо-востокѣ финансовыми полномочіями и тѣмъ самымъ отвалили промышленниковъ отъ посѣщенія отдаленныхъ мѣстъ вплоть „до Оби рѣки“; промышленники совсѣмъ перестали туда „ходить и ѣздить“, „ибо имъ березовскіе казаки, кои ѣздятъ для сбора ясака, чинили обиды и разоренія“⁵⁾. Наконецъ, тѣ промысловыя привиллегіи, которыми надѣлялись чиновныя компаней-

1) Цит. выше Рук. Им. Пуб. Б., Ф. Отд. II, № 55.

2) Краткая Архангелогородская исторія, стр. 4; С.-Петл. 1792 г.

3) Das veränderte Russland, § 185.

4) Ibid. § 179.

5) М. А. М. Ю., с. д. по коммерцъ, 6, м. кол. и гл. маг., т. 2763

щики, особенно б. Шембергъ и гр. П. И. Шуваловъ, конечно, не могли способствовать привлеченію населенія въ эти мѣста для промысловъ, ибо всякій зналъ, что въ „тѣхъ мѣстахъ“ существуетъ промысловая „контора“; и слѣдов. запрещается самостоятельное промысловое дѣло, самостоятельное по отношенію къ этой „конторѣ“¹⁾ ..

Безлюдье было слишкомъ острою неприятностью для „конторы“ гр. П. И. Шувалова, чтобы онъ остался равнодушнымъ къ этому явленію... Какъ извѣстно, эта „контора“ питалась на счетъ разныхъ промышленниковъ, раньше основавшихся здѣсь; ихъ именовемъ, т. е. опять таки руководясь народной пользой. гр. П. И. Шуваловъ и боролся съ безлюдьемъ. Послѣ указанія на то, что мезенскіе сальные и рыбные промышленники „написаны въ контору“ Шувалова, была сдѣлана слѣдующая характеристика путей и условій дѣятельности этихъ промысловыхъ людей: „имѣютъ они на морскіе звѣриные и сальные промыслы, на Грουνландъ и на Новую Землю лѣтомъ судамъ отпуска, и на оныхъ посылаютъ корменщиковъ и рабочихъ людей, *какихъ кто отыскать можетъ*, кромѣ подозрительныхъ“; этимъ людямъ промышленники приказываютъ, „не заворачивая въ Мезень“, идти съ промысловъ прямо къ Архангельску для продажи добычи въ контору гр. Шувалова; но бѣда въ томъ, что доступъ имъ сюда не свободенъ, — „за неимѣніемъ печатныхъ паспортовъ“. Причина критическаго положенія „конторы“ здѣсь сводилась къ отсутствію печатнаго вида, представлявшагося къ тому же (гр. Шувалову и разсуж-

---

¹⁾ Не даромъ, какъ намъ уже извѣстно, гр. П. И. Шуваловъ въ одной изъ многочисленныхъ своихъ бумагъ, поданныхъ имъ въ Сенатъ, сообщаетъ о томъ, что среди сѣвернаго населенія прошелъ слухъ, «якобы» архангельскому «и протчему промысловому народу» «учинено запрещеніе» «ходить» «по сибирскимъ берегамъ» «на промыслы сальные и звѣриные». Не учрежденіе дороги въ Сибирь черезъ Верхотурье было причиной слуха о запрещеніи «ходить» для промысловъ «по сибирскимъ берегамъ», а дѣйствительное запрещеніе самостоятельной промысловой дѣятельности на сѣверѣ, вслѣдствіе чего «ходить» очень далеко, до Оби рѣки, съ тѣмъ, чтобы потомъ представить добычу въ контору гр. П. И. Шувалова, по цѣнѣ его упрямителей, — сдѣлалось крайне невыгоднымъ, какъ говорится, — «себѣ дороже», и промысловыя экспедиціи сюда «охочихъ ловцовъ» совершенно прекратились (М. А. М. Ю., с. д., т. 2768).

давшимъ по этому вопросу учрежденіямъ) *въ данномъ случаѣ* совершенно излишнимъ: „на морѣ и на морскихъ берегахъ— на пустыхъ мѣстахъ нужды въ паспортахъ никою не бываетъ“. Указомъ 8-го марта 1753 года было позволено допускать къ „конторѣ“ гр. Шувалова „работныхъ людей“ и безъ печатныхъ паспортовъ¹⁾. Устранивъ такимъ образомъ гарантію контроля надъ „подозрительными людьми“, гр. П. И. Шуваловъ выхлопоталъ себѣ въ сущности право пользоваться трудомъ кого бы то ни было, даже бѣглыхъ, лишь бы они везли въ его „контору“ промысловую добычу.

Горные заводы гр. П. И. Шувалова тоже постоянно нуждались въ рабочихъ рукахъ, и ему приходилось, кромѣ нерѣдкихъ ходатайствъ о припискѣ крестьянъ къ заводамъ, хлопотать объ оставленіи у него и тѣхъ крестьянъ и мастеровъ, которыхъ „належало“ взять съ заводовъ. Въ 1757 году (10-го октября) сибирскій губернаторъ генераль-лейтенантъ Мятлевъ отъ кушвинской заводской конторы гр. П. И. Шувалова получилъ доношеніе, въ которомъ эта контора просила освободить крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ Шувалова, отъ казачьей службы, ибо всѣ крестьяне „до единого“ „обращались“ „въ работѣ“, которая „труднѣе противъ другихъ заводовъ во всемъ“²⁾. Въ 1757 году гр. П. И. Шуваловъ лично билъ челомъ на Высочайшее Имя о томъ, чтобы екатеринбургская канцелярія не требовала съ его заводовъ мастеровъ, которыхъ она прислала сюда въ 1756 году. „Ежели, говорилъ

---

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по коммерцъ, б., м. к. и гл. м., т. 2768; П. С. З. XIII, 10075. Дозволеніе гр. П. И. Шувалову допускать къ «конторѣ» его и безъ печатныхъ паспортовъ тѣмъ болѣе достойно вниманія, что правительство и въ казенномъ дѣлѣ, въ исключительныхъ даже случаяхъ, было достаточно осторожно къ безпаспортнымъ. Напр., въ указѣ (30-го апрѣля 1743 года), вышедшемъ раньше на 10 лѣтъ до сейчасъ цитированнаго, было объявлено: «ежели, отъ чего Боже сохрани! съ посланною казенною рыбою и припасы судамъ учинится какое несчастіе, потонетъ или на мели останется: то для съему оныхъ судовъ и вниманія потоплаго, въ прибавокъ къ работнымъ при тѣхъ судахъ людямъ, нанимать тутошнихъ обывателей и постороннихъ *хотя и безъ паспортовъ*, которымъ при той работѣ быть, пока суда снимутся, а болѣе того оныхъ отнюдь не держать (П. С. З., т. XI, 8730).

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б.—к., т. 2646.

гр. Шуваловъ, „тѣхъ данныхъ мастеровъ и подмастерьевъ отпустить обратно, то въ производствѣ заводоу учинится остановка“, „дونهже“ и безъ того „имѣется“ въ нихъ „недостатокъ“, „отъ чего казнѣ ущербъ, а мнѣ явный убытокъ послѣдуетъ“. На это челобитье послѣдовалъ указъ (17-го апрѣля 1757 года) съ весьма благопріятнымъ для гр. Шувалова постановленіемъ: „по тому той канцеляріи требованью мастеровъ не отдавать, а ежели, паче чаянія, оные отъ тѣхъ заводоу уже взяты, то ихъ къ тѣмъ заводамъ возвратить“¹⁾. Контингентъ мастеровыхъ и рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. людей, получавшихъ за свой трудъ заработную плату, составилъ изъ казенныхъ и дворцовыхъ „служителей“, уже специализовавшихся въ заводско фабричной техникѣ и отданныхъ вмѣстѣ съ заводами и фабриками партикулярнымъ лицамъ, — затѣмъ — изъ такъ называемыхъ — „вѣчно-отданныхъ“ (бѣглыхъ и др.) и нанятыхъ мастеровъ²⁾; контингентъ всѣхъ таковыхъ сравнительно съ государственными крестьянами на заводахъ былъ очень не великъ; такъ по вѣдомости 1757 и 58 годовъ на 12637 государственныхъ крестьянъ шуваловскихъ заводоу приходилось мастеровъ и работныхъ людей всего 705 челов.; у гр. Ив. Лар. Воронцова на Верхне-исецкомъ заводѣ крестьянъ было 4646, а рабочихъ и мастеровыхъ 482; у гр. Ягужинскаго государственныхъ крестьянъ показано 1384, а рабочихъ — 230; у гр. И. Г. Чернышева крестьянъ — 6329; а рабочихъ — 431 и пр.³⁾ Изъ крестьянъ разумѣется, не всѣ были годны къ работѣ: напр., по цитир. вѣд., изъ 6329 государственныхъ

¹⁾ Ibid, т. 2864.

²⁾ Послѣднимъ, т. е. нанятымъ мастерамъ, и плата иногда назначалась меньше, чѣмъ, напр. тѣмъ, которые были изъ дворцовыхъ мастеровъ или изъ «непомнящихъ родства: по крайней мѣрѣ изъ одного свидѣтельства (о фабр. Володимира Щеголина съ товарищи) мы узнаемъ, что ткачъ (суконной фабрики) *изъ городского купечества* получалъ 3 к. съ деньгою — съ аршина, а ткачъ *изъ дворцовыхъ служителей* и лицъ *неизвѣстно «какихъ чиновъ»*, получалъ 6 коп. съ аршина (М. М. М. Ю., с. д. по б.-кол., т. 1603).

³⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б.-кол., т. 2710. У гр. Мих. Лар. Воронцова было 4 завода, въ томъ числѣ Мотовилиха; рабочихъ на всѣхъ показано 595 челов., «а сколько крестьянъ, о томъ извѣстій нѣтъ».

крестьянъ на заводѣ гр. И. Г. Чернышева только 3463 чел. помѣчены годными въ работу ¹⁾.

Итакъ во всякомъ случаѣ неоспоримымъ является тотъ фактъ, что большинство рабочихъ рукъ на заводахъ представляло государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ по волѣ правительства, а также крестьянъ, купленныхъ частными лицами на основаніи „указовъ“; по всей вѣроятности количество крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ было несравненно болѣе, чѣмъ количество купленныхъ, въ разсматриваемое нами время: ибо въ число приписанныхъ даромъ слѣдуетъ отнести, какъ тѣхъ, которые были приписаны къ казеннымъ заводамъ, такъ и тѣхъ, которые были отданы бергъ-компаніи, гр. П. И. Шувалову и другимъ важнымъ особамъ ²⁾. Другую выдающуюся часть заводскихъ рабочихъ, какъ извѣстно, были бѣгле...

Такимъ образомъ уже самый составъ рабочаго населенія на заводахъ могъ повлечь за собой значительныя осложненія.

Дѣйствительно открывается цѣлый рядъ беспорядковъ среди заводскаго населенія. И это явленіе было естественнымъ результатомъ сложившихся отношеній, прежде всего

---

¹⁾ Ibid.

²⁾ Напомню въ видѣ примѣра, что у одного гр. Шувалова, по официальной даже вѣдомости, насчитывалось свыше 12 т. крестьянъ въ одномъ промышленномъ пунктѣ; между тѣмъ, какъ у 8 московскихъ фабрикантовъ отмѣчается 4000 душъ, несомнѣнно купленныхъ, а не дарованныхъ.

В. И. Семевскій въ своемъ обстоятельномъ трудѣ («Крестьяне въ царств. Екатерины II-ой») дѣлитъ посессионныхъ крестьянъ на слѣдующія группы: 1) казенные мастеровые, отданные заводчикамъ, 2) вѣчно-отданные: а) отданные за опредѣленную плату и б) непомятіе родства, 3) мастеровые и крестьяне, купленные къ заводамъ; на стр. 436 г. Семевскій мелькомъ сообщаетъ о продажѣ казенныхъ заводовъ (какихъ? не упомянуто) «за ничтожную цѣну разнымъ вельможамъ (П. И. Шувалову, Воронцовымъ и др.) при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ». Но, мнѣ кажется, что къ установленнымъ г. Семевскимъ категоріямъ слѣдуетъ прибавить еще одну, это—государственные крестьяне, приписанные къ заводамъ *даромъ* (въ иныхъ случаяхъ—фактически даромъ, а въ другихъ—фактически и юридически; уже первый случай, думается, достаточенъ для того, чтобы выдѣлить этихъ приписанныхъ крестьянъ въ особую группу).

результатомъ прикрѣпленія государственныхъ крестьянъ къ непривычному заводскому дѣлу, людей, знавшихъ раньше одно государственное тягло. Прикрѣпленіе къ заводамъ бѣглыхъ, не желавшихъ испытывать господскую барщину и попавшихъ въ другую своеобразную барщину, способствовало обострѣнію заводско-рабочаго вопроса.

Помѣщичьи крестьяне, переселенные на заводы, тоже весьма сильно тяготились непривычной и весьма трудной работой, хотя для нихъ переходъ отъ обычаевъ деревенскихъ „управителей“ къ обхожденію заводскихъ прикащиковъ не могъ быть такъ-же рѣзокъ, какъ для государственныхъ крестьянъ, для которыхъ прикащичьи порядки во многомъ были совершенною новостью. И вотъ вышло такъ, что „приписанные“ не хотѣли быть заводскими крѣпостными и „въ работу не шли“... Приходилось усмирять возмущившихся командами, что, впрочемъ, не всегда удавалось сразу. Словомъ, возникали очень большія неудобства и непріятности и для крестьянъ, и для правительства, и для его агентовъ, особенно въ мѣстахъ наибольшаго „распространенія“ заводовъ—въ Пермскомъ и Оренбургскомъ краѣ—и особенно въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, когда много государственныхъ крестьянъ было обращено въ рабочую силу, крѣпкую заводамъ. Нѣкоторыя фактическія данныя этого времени я и позволю себѣ здѣсь процитировать ²⁾.

22-го декабря 1754 года оренбургскій губернаторъ И. И. Неплюевъ въ своемъ донесеніи правительству обрисовалъ критическое положеніе заводской администраціи, очутившейся лицомъ къ лицу съ волновавшимся заводскимъ людомъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Генераль-аншефъ и гр. Шуваловъ началъ устраивать въ Оренбургскомъ краѣ заводы, къ которымъ и были приписаны ясажные крестьяне Казанской губерніи; эти крестьяне со своей стороны начали „чинить противности“. Противъ бунтовщиковъ была послана военная

¹⁾ П. С. З., напр., XIII, 9643.

²⁾ Эти данныя были мною уже напечатаны въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» за 1894 г., откуда я ихъ и заимствую, добавивъ къ нимъ кое-какія и другія свѣдѣнія, не вошедшія въ статью: «Горно-заводскія отношенія пермскаго и оренбургскаго края въ царств. Императрицы Елизаветы Петровны».

команда съ поручикомъ Теленевымъ, при которой находился и повѣренный слугитель гр. Шувалова — Романъ Яковлевъ. Возмѣтившіеся нисколько однако не испугались этой команды и даже отняли изъ нея „рукъ“ „повѣреннаго слугителя“ силою и куда-то спрятали, такъ-что начальство и найти не могло его: онъ „пропалъ“ безслѣдно. Оренбургскій губернаторъ, послѣ такой „конфузіи“ для команды, получилъ отъ высшей власти предписаніе перевести изъ Казани „драгунскій ревельскій полкъ“ на ближайшія къ заводамъ Шувалова квартиры; а полковникъ этого полка получилъ предписаніе „стараться“, чтобы „противники сходбищъ не имѣли“: зачинщики ихъ были бы переловлены и отосланы въ казанскую губернскую канцелярію. Тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ этихъ предписаній пользы вышло немного, о чемъ и донесла И. И. Неплюеву казанская губернская канцелярія, сообщеніе которой оренбургскій губернаторъ и довелъ до свѣдѣнія центральной власти, а именно, что приписанные къ шуваловскимъ заводамъ казанскіе крестьяне „не только сами отъ той противности не унялись, но, прибывъ въ дома свои, и прочихъ такихъ же приписныхъ невольно и съ побоями въ согласіе свое понуждаютъ“¹⁾.

Въ 1758 году капитанъ Толстой усмирять крестьянъ села Ильинскаго, которые только-что были приписаны къ шуваловскимъ горнымъ заводамъ. „Дабы, доносилъ капитанъ, „отъ приписанныхъ злодѣевъ... какого нападения послѣдовать не могло, чего ради я, вѣдая то ихъ великое сборище людей,... самъ съ командою и съ посторонними господъ Строгановыхъ прикащики слѣдовалъ къ тому селу Ильинскому... „слѣдовалъ“, чтобы объявить указы, но „черезъ мостъ не былъ допущенъ“, и такимъ образомъ „увѣщанія“ состояться не могло. „Приписанные злодѣи“ „стояли по другую сторону рѣки, имѣя у себя въ рукахъ оружіе, такожъ луки со стрѣлами“. Эти крестьяне „единогласно объявили, что они *въ подписку* къ заводамъ его сіятельства до возврата посланныхъ отъ нихъ челобитчиковъ никогда послушными быть не хотятъ“... Дѣлъ такихъ возникало множество, и тотъ томъ бумагъ, изъ котораго я привелъ донесеніе капитана Толстого, наполненъ

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б.-кол., т. 2767.

сплошь „дѣлопроизводствомъ“ о „противностяхъ“ крестьянъ, приписанныхъ большею частью къ заводамъ Шувалова ¹⁾).

Крестьяне, отданные другимъ заводчикамъ, не отставали отъ шуваловскихъ. Такъ, напр., въ 1743 году крестьяне, приписанные къ одному изъ заводовъ Демидова, „упрямствомъ своимъ въ работу не пошли“; за это было велѣно „учинить“ имъ „наказаніе“, каковое и было „учинено“ ²⁾). Наказаніемъ служили плети и батоги, а также квартирный постой командъ. Въ одномъ назиданіи командиру, который былъ отправленъ въ 1753 году для усмиренія горно-заводскихъ крестьянъ Демидова и Гончарова, послѣдній родъ наказанія рекомендуется, какъ весьма внушительный: „ежели противники, говорится здѣсь, „по многимъ отъ него, командира, увѣщаніямъ отъ противности не удержатся и помѣщику ихъ, Демидову, послушны не будутъ, то ему, полковнику, по вступленіи въ ту волость, весь Рижскій полкъ, гдѣ удобнѣе не только лагеремъ, но и по квартирамъ расположить“ ³⁾). Волновались и фабричныя рабочіе. Въ 1749 году суконный фабрикантъ Ефимъ Болотинъ съ товарищи донесъ въ мануфактуръ коллегію, что „работные люди“ компанейской фабрики оставили „дѣло“ „невѣдомо съ какимъ умысломъ“ и „упрямствомъ своимъ работать не хотятъ“. Это было разслѣдовано обычнымъ образомъ, и главные зачинщики получили наказаніе: были биты кнутомъ. Но, когда затѣмъ одного изъ нихъ, Терентія Аванасьева, за вторичное ослушаніе рабочихъ, начали снова наказывать кнутомъ, то рабочіе бросились „съ великимъ гвалтомъ“ и „команду отбили“; „и ежели бы онъ (Ефимъ Болотинъ) съ достальною командою не поспѣшилъ, то уповательно“, что „работные люди“ совершили бы „немалыя злодѣйства“. Послѣ этого 286 человекъ рабочихъ, наконецъ, пошли на работу, а 127 „упрямствомъ своимъ“ не вступаютъ; кромѣ того мануфактуръ-коллегія узнала ихъ доношенія, что съ этой фабрики въ бѣгахъ числится 586 человекъ. Мануфактуръ-коллегія со своей стороны не нашла, сверхъ испробованныхъ, „никакихъ средствъ“,

---

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по б. к., т. 2767: дѣла по 1760-й годъ включительно.

²⁾ Ibid.

³⁾ Сенатскій архивъ, № «дѣла»—691-й.

„что чинить съ ними“, и рекомендовала Сенату употребить такую мѣру: „пущихъ заводчиковъ, учиня имъ наказаніе кнута и вырѣзавъ поздри, сослать въ дальніе города въ ссылку вѣчно, дабы прочіе“..... „имѣли страхъ и впредь чинить того не дерзали“. Сенатъ опредѣлялъ: десятого изъ 127 бить кнута и сослать въ Рогервикъ въ работу, а остальныхъ, бивъ кнута, принудить къ работѣ на фабрикѣ Болотина и К^о, предупредивъ, что съ ними будетъ поступлено также, какъ съ ихъ товарищами, если впредь они „учинятся противны“ ¹⁾. Изъ одного „экстракта“ 1748 года усматривается, что и на суконной фабрикѣ Дряблова существовали обостроенныя отношенія между рабочими и фабрикантомъ ²⁾.

Я ограничусь только этими указаніями, ибо фактъ фабрично-заводскихъ волненій въ XVIII стол. уже достаточно подробно обставленъ въ исторической литературѣ ³⁾; меньше вниманія обращалось на подробности самаго положенія рабочихъ на заводахъ XVIII стол. Спору нѣтъ, что это *положеніе* ясно уже изъ того, что происходили частыя фабрично-заводскія осложненія и „противности“, „понеже безъ крайности люди до крайности рѣдко доходятъ“ ⁴⁾; но тѣмъ не менѣе и тутъ возможны нѣкоторыя дополненія, сообщающія общимъ чертамъ индивидуальный обликъ.

Общія черты таковы: „они (заводскіе крестьяне), говорится въ одномъ изъ официальныхъ докладовъ (1752 г.), на помѣщика своего, Демидова, въ разореніяхъ и мучительствахъ показываютъ“ ⁵⁾. Современникъ подтверждаетъ эту общую ха-

¹⁾ П. С. З. XIII, 9643.

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камерцъ—б., и мануф. кол. и гл. м., т. 949.

³⁾ Соловьевъ, т. 23, стр. 27 и 28; 123—126 стр. и др.; Семевскій (Крестьяне въ царств. Екатерины II-ой), стр. 413—436; 439 и 440; 473. это для 2-й пол. XVIII ст.; 471 и 472 стр.—для 1-ой полов. XVIII ст.; здѣсь цитируется суконный регламентъ 1741 г., составленный въ царствованіе Іоанна Антоновича, регламентъ, который хотя и «не примѣнялся» «на дѣлѣ», но изъ котораго можно извлечь «не мало интересныхъ данныхъ, рисующихъ положеніе суконщиковъ». См. также ст. г. Погожева въ Вѣстн. Европы, 89 г. іюль, стр. 10: Вотчинныя фабрики и ихъ фабричныя.

⁴⁾ Выраж. Императрицы Екатерины II-ой (Семевскій, цит.соч., стр. 420).

⁵⁾ Чтенія въ Им. об. ист. и др., 1863 г., т. 2, смѣсь, стр. 40.

рактистическую положенія заводскихъ крестьянъ болѣе спеціальными чертами. Это молодой кн. Семень Воронцовъ, путешествовавшій въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны по Приволжью и Прикамью и писавшій отцу о своихъ заводскихъ впечатлѣнiяхъ и наблюденiяхъ. Молодого князя нельзя заподозрить въ излишней мягкости, ибо онъ о своихъ людяхъ выражается довольно объективно, что, де, они могли „околѣть“); да и другiе штрихи его переписки свидѣтельствуютъ скорѣе о практичности заводчика, чѣмъ о гуманнхъ идеяхъ XVIII-го стол.; такъ что мы въ правѣ отнести къ его изображенiю заводскихъ дѣлъ и отношенiй съ большимъ, если не съ полнымъ, довѣрiемъ.

Бѣдность и даже обнищанiе рабочаго населенiя на заводахъ поразили кн. Семена Воронцова, и онъ счелъ нужнымъ написать отцу о татарахъ, которые „издавна“ добывали мѣдную руду на егошинскомъ заводѣ, „что и нынѣ дѣлать продолжаютъ“; экономическое положенiе этихъ татаръ прямо вызываетъ сожалѣнiе; вдобавокъ они не въ состоянiи добиться простой справедливости. Раньше работали они на юговскихъ заводахъ гр. Ивана Григорьевича Чернышева, поставивъ туда руды „слишкомъ на 30000 руб.“. Управляющiй юговскими заводами Сотниковъ, желая, вѣроятно, наверстать убытки отъ прорванной плотины и тѣмъ избѣжать гнѣва своего господина, отказался заплатить вышеупомянутую сумму. Жаловаться вышней власти отнять у татаръ возможность ихъ бѣдностью: имъ не на что нанять подводы, чтобы ѣхать въ Петербургъ и „просить тамъ суда у правительствующаго Сената“. Кн. Семень Воронцовъ, „зная ихъ бѣдность“, ходатайствовалъ предъ отцемъ за этихъ татаръ, испрашивая для нихъ 200 рублей: „а оныя деньги“, присовокуплялъ сынъ, „не пропадутъ, за тѣмъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ должно намъ имъ выдать слишкомъ тысячу рублей“¹⁾. Разжалобили также молодого князя „исенскiе мужики“, „которые до основанiя было разорились старанiемъ Алексѣя Ивановича Бахметьева“; этотъ послѣднiй, между прочимъ, „заставляетъ исенскихъ мужиковъ ихъ же лѣсъ рубить и возить къ нему на строенiе мыльной фабрики“;

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, т. 16, стр. 29.

этого однако мало: Бахметевъ, „вмѣсто платы, плетьюми сѣчетъ, для чего не поспѣшно работаетъ“¹⁾.

Казенные мастеровые, отданные вмѣстѣ съ заводами частнымъ лицамъ, терпѣли еще худшее: ихъ во всѣхъ отношеніяхъ стремились смѣшать съ крѣпостными. Злоупотребленія были еще болѣе систематическими и затыжными. Такъ мастеровые люди полотняной и бумажной фабрики ассесора Гончарова объявили въ мануфактуръ коллегію, что прикащики берутъ „со всѣхъ ихъ подушныя и рекрутскія деньги“ „съ немалымъ излишествомъ“ „противу узаконенныхъ указаний платежей (напр., противъ указа 1745-го года), а именно 1) по нынѣшней ревизіи съ 240 душъ мастеровыхъ и работныхъ людей подушныхъ денегъ бралось ежегодно по 1 рублю (а окладъ 70 к.), 2) въ 2 набора въ рекруты отдано изъ мастеровыхъ, а не изъ купленныхъ его людей, 6 человекъ, а сверхъ той отдачи съ того же числа душъ взято деньгами съ каждой души 1 р. 70 к., а въ два набора со всѣхъ 4216 рублей; всего перебрано „противъ указовъ“—3709 руб. 90 коп. Кромѣ того, мастеровымъ людямъ чинится „непорядочное содержаніе“; къ тому же самый трудъ ихъ поставленъ въ тяжкія условія: пенька покупается нигде негодная и велеть вычищать изъ нея по 7 и 8 тюковъ съ 2-хъ пудовъ, а если этого не выходитъ, то штрафуютъ; за пряжу, которую берутъ прикащики у фабричныхъ женокъ, платятъ или очень плохо или совсѣмъ не платятъ и т. под.“²⁾.

Нельзя сказать, чтобы правительство XVIII ст. относилось невнимательно къ положенію рабочихъ людей; напротивъ, мы должны отмѣтить тотъ неоспоримый фактъ, что въ выс-

---

¹⁾ Ibid., т. 16, стр. 12. Заводскіе управляющіе очень старались; тотъ же князь Семень Воронцовъ не можетъ не нарадоваться на одного изъ нихъ: «здѣсь на заводѣ, писалъ онъ отцу, видѣлъ я съ крайнею радостью чрезвычайное раченіе Жемчужникова къ вашему интересу; можно сказать, что этотъ человекъ о томъ только и думаетъ, чтобы Вамъ угодить». Помимо разныхъ другихъ его доблестныхъ дѣяній, какъ-то постройки четырехъ анбаровъ, свѣтлицы, прекращенія «непорядковъ Алексѣя Ивановича на Исѣ» и т. под., этотъ радѣтель господской выгоды «отправилъ въ Москву и Шую до 16 тысячъ ведеръ вина (заводъ винный), да еще заготовлено 8500 вед.» (Ibid.).

²⁾ П. С. З. XII, 9409; указъ 1747 г. (5-го іюня): о писаніи въ подушный окладъ состоящихъ на казенныхъ и партикулярныхъ заводахъ и фаб-

шихъ правительственныхъ сферахъ заинтересовались этимъ положеніемъ и пытались его изслѣдовать. Такъ, чтобы выяснитъ состояніе суконныхъ фабрикъ, была образована коммиссія, которая констатировала большія въ нихъ неудобства для рабочихъ. Этихъ неудобствъ не скрывали отъ общества. Объ нихъ было объявлено „во всенародное извѣстіе“ въ суконномъ регламентѣ 1741 года: ткачи свѣту имѣютъ немного—только, „дабы тканье свое точно высмотрѣть“; другіе работники „прядутъ и чешутъ шерсть и стригутъ сукно въ темнотѣ“¹⁾. Волненія, повторявшіяся все чаще и чаще, еще болѣе заставляли центральную власть приглядываться къ отношеніямъ между рабочими и ихъ господами—заводчиками и фабрикантами. Правда, къ „противностямъ“ правительство относилось весьма строго—и въ указахъ, и на дѣлѣ: но всетаки оно не останавливалось на этомъ; а старалось узнать и причины волненій. Изъ „доношенія“ генераль и оберъ-прокурора мы узнаемъ, что Сенатъ, выслушавъ сообщеніе бергъ-коллегіи омятежѣ демидовскихъ крестьянъ и постановивъ увѣщевать бунтовщиковъ „указами“ и усмирять командами, кромѣ того, приказалъ и „развѣдать, отчего тѣ крестьяне такое ослушаніе и противности чинятъ, и нѣтъ ли имъ отъ кого противъ другихъ заводчиковъ какихъ обидъ и притѣсненій и отъ кого и въ чемъ именно тѣ обиды имъ произошли“? И въ другой разъ былъ поставленъ буквально тотъ же вопросъ²⁾, и онъ несомнѣнно ставился не два только раза. Впрочемъ, что касается практической стороны дѣла, то на „вопросѣ“ оно пока и заканчивалось. Это не покажется преувеличеніемъ, если мы вникнемъ въ нѣкоторыя закулисныя обстоятельства. Трудно было въ тѣ далекія отъ насъ времена получить удовлетвореніе рабочему люду при несправедливыхъ отношеніяхъ къ нимъ со стороны фабрикантовъ и даже при благопріятномъ отношеніи къ дѣлу большинства членовъ Сената. Вотъ при-

---

рикахъ мастеровыхъ и рабочихъ людей и о считаніи ихъ всѣхъ въ одномъ семигравеликомъ окладѣ. Сенатск. ар., № 1562: жалобы разсмотрѣн. въ 1752 году.

¹⁾ П. С. З. XI, 8440.

²⁾ Чтенія О. И. и Д. Р., 1863 г., т. 2-ой, смѣсь, стр. 40—41.

мѣрь. Пожаловались мастеровые люди суконнаго фабриканта Дряблова въ Сенатъ на своего хозяина, удержавшаго у нихъ „немалую сумму заработанныхъ денегъ“¹⁾, и просили взыска-ть съ хозяина причитающуюся имъ заработную плату; пожалова-лись и на „прочія обиды“. Въ Сенатѣ дѣло было рѣшено въ пользу рабочихъ. Но Дрябловъ остался недоволенъ постанов-леніемъ Сената, и „дѣло“ было перенесено въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества „по письменному требованью за-рукою статскаго совѣтника Демидова“. Повѣреннымъ отъ мастеровыхъ людей, вчинившихъ жалобу въ Сенатъ, пришлось долго жить въ Петербургѣ, такъ какъ имъ было запрещено уѣхать домой „безъ указа“. Положеніе этихъ повѣренныхъ (Родіона Иванова, Ивана Шиншина и Василя Козлова) сдѣлалось трагическимъ: надо жить, а средствъ для „пропитанія“ нѣтъ, пришлось „подолжать великими долгами“²⁾. Отсюда очевидно, что крупный заводчикъ, заводское управленіе котораго внушало подозрѣніе Сенату, поддерживалъ крупнаго фабриканта, въ его тяжбѣ съ „мастеровыми людьми“. Это была своего рода круговая порука, тѣмъ болѣе естественная, что самый влія-тельный изъ членовъ Сената былъ самымъ крупнымъ заводчи-комъ. Другіе члены Сената, повидимому, не желали вредить инте-ресамъ выдающихся заводчиковъ. Намекъ на это усматривается изъ доношенія генераль-оберъ-прокурора, который въ отчетѣ по дѣлу о возмущеніи демидовскихъ крестьянъ говоритъ, что по-становленіе сдѣлано всѣми членами, „кромѣ тѣхъ“, „кои только для важныхъ государственныхъ дѣлъ, и то рѣдко въ сенатѣ присутствуютъ“³⁾. Я боюсь думать, что уклоненіе происхо-

---

¹⁾ У С. М. Соловьева приводится извѣстіе, что въ 1742 году Сенатъ повелѣлъ Дряблову платить мастеровымъ людямъ казанской суконной фаб-рики столько же, сколько они получали, когда фабрика находилась въ ка-зенномъ содержаніи и потомъ въ содержаніи Микляева, а именно въ то время платили ткачамъ 6 к. съ аршина, прядильщикамъ по 3 к. за фунтъ; «тогда какъ настоящій содержатель Дрябловъ началъ платить тка-чамъ по 5 к., а прядильщикамъ по 2 к.». (Истор. Россіи, т. 21, стр. 189).

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по коммерцъ, б., ман.-к., и гл. м., т. 949, экстрактъ 1748 г.

³⁾ Чт. О. И. и Д. Р., 1863 г., т. 2-й, стр. 44.

дѣло исключительно вслѣдствіе нежеланія заниматься дѣлами. Какъ велико было значеніе иныхъ связей для заводскаго благоденствія, показываетъ слѣдующее мѣсто корреспонденціи кн. Семена Воронцова. 15-го Марта 1760 пода послѣдній писалъ отцу, что онъ, Семень Воронцовъ, „съ крайнимъ удивленіемъ услышалъ“ о постановленіи екатеринбургскихъ судей отнять у нихъ, кн. Воронцовыхъ, Бѣлоярскую слободу „(а она у насъ наилучшая“). Эта слобода была присуждена Александру Григорьевичу Гурьеву. Кн. Семень Воронцовъ потребовалъ чрезъ посланнаго у судьи Арцыбашева объясненія, „почему онъ поступилъ такъ несправедливо“ Оказалось, что это было сдѣлано по желанію Ивана Ивановича Шувалова, покровительствовашаго Гурьеву. Ив. Ив. Шуваловъ написалъ Арцыбашеву, по сообщенію послѣдняго, „выговоръ“, „для чего Гурьеву не приписали крестьянъ съ поспѣшностью“, и это самое обстоятельство и заставило оренбургскихъ судей поступить такъ, какъ они поступили. Это „объясненіе“ было убѣдительно и для кн. Семена Воронцова ¹⁾: онъ ничего не могъ имѣть противъ такой союзника, который обнаружился у Гурьева. Каждый изъ Дрябловыхъ, Гурьевыхъ, Демидовыхъ и т. под. искалъ себѣ союзника, и всѣ они вмѣстѣ съ Шуваловыми, Воронцовыми, Чернышевыми и т. под. представляли въ общемъ столь крѣпкій союзъ, что какія бы то ни было жалобы заводскихъ рабочихъ не могли достигать и дѣйствительно не достигали серьезныхъ результатовъ. Самое легкую провѣрку этого заключенія служитъ то, что волненія крестьянъ продолжались и послѣ этихъ жалобъ и постановленій на нихъ, продолжались въ теченіе всей второй половины XVIII стол. Борьба съ этими волненіями было тѣмъ труднѣе правительству, что „воинскія команды“ не всегда находились на высотѣ своего положенія: „сыскныя команды, пишетъ кн. Семень Воронцовъ, „вмѣсто того, чтобы защищать, сами воруютъ ²⁾“.

Итакъ, кратко формулируя содержаніе настоящей главы, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) учрежденіе государствомъ заводской и фабричной промышленности повлекло

---

¹⁾ Ар. кн. Воронцова, т. 16, стр. 19 и 20.

²⁾ Ibid., стр. 12 и 13.

за собой прикрѣпленіе извѣстной части государственныхъ крестьянъ, бѣглыхъ и всякаго рода бродягъ къ заводамъ ¹⁾, а также позволеніе покупать и переводить на заводы помѣщичьихъ крестьянъ (и при томъ не только на заводы дворянскіе, но и на купеческіе), ²⁾ принудительныя мѣры, составъ заводскагорбочаго населенія и притѣсненія дали въ результатѣ заводско-фабричныя волненія и побѣги.

Уже во время Императрицы Екатерины II-ой въ именномъ указѣ, данномъ въ 1763 году (9-го апрѣля) бергъ-коллегіи, было объявлено всенародно о „прямыхъ причинахъ“, „отъ чего учинились возмущенія заводскихъ крестьянъ“. Между прочимъ, здѣсь говорилось: „на Ижевскомъ и Воткинскомъ заводахъ гр. П. И. Шувалова“ „нашлися“ „великое неустроеніе и неудобноносимыя тягость и раззоренія“. Бергъ-коллегія, повелѣвала Императрица дальше, должна объявить „всѣмъ заводчикамъ, что отягощеніе крестьянъ было столь безвременно и велико, что уравненіе между работою и заплатою совсѣмъ потеряно“ ²⁾.

Въ заключеніе нахожу не лишнимъ замѣтить, что бороться даже благожелательно настроеннымъ государственнымъ людямъ было трудно противъ этого „неуравненія“, ибо оно, не представляло единичнаго злоупотребленія, а было слѣдствіемъ цѣлаго круга экономическихъ отношеній, примыкавшихъ однимъ концомъ къ казенному интересу, а другимъ и даже бѣльшимъ къ „конторамъ“ лицъ, имѣвшихъ въ государствѣ „немалое значеніе“.

---

¹⁾ Разночинцы, «неимѣющіе кунечества и промысловъ, заштатные церковники, солдатскія дѣти, нищіе», всѣ, словомъ, прозношатающіеся отдавались на заводы и фабрики (Семевскій, крестьяне. 402—404.) Даже праздношатающихся мастроскихъ, солдатскихъ и другихъ служилыхъ людей «женокъ», «кои работатъ могутъ», было велѣно еще въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны по указу 1753 года отдавать на фабрики «дабы онѣ не шатались... и зла отъ нихъ какого послѣдовать не могло»; впрочемъ вернувшимся мужьямъ было предоставлено получать «женокъ» обратно «безпрепятственно», если мужья «того» «пожелаютъ» (П. С. З., XV, 11485).

²⁾ П. С. З., XVI, 11790.

Глава IX-я.

„Мочное“ и „маломочное“ купечество.

На торгово-промышленный классъ можно посмотрѣть съ двухъ главнѣйшихъ точекъ зрѣнія: а) какъ на одинъ изъ объектовъ управленія и б) какъ на совокупность весьма различныхъ экономическихъ величинъ. Историческая литература, долгое время изслѣдовавшая не самые общественные классы, а то, что изъ нихъ пытались сдѣлать правительства, естественно стояла на первой точкѣ зрѣнія, т. е. изучала общественные классы, какъ юридическія устоновленія. Не владеясь однако въ обсужденіе этого вопроса, кратко укажу лишь на разсужденіе, имѣющее извѣстный вѣсъ при изученіи русскаго торгово-промышленнаго класса XVIII стол.

Для управленія въ высшей степени важны механическая правильность и простота въ административныхъ учрежденіяхъ; этимъ мы скажемъ всё, когда захотимъ оцѣнить желаніе Императора Петра В. „собрать разсыпанную хранину“, иными словами—сконцентрировать дѣла по управленію торгово—промышленнымъ классомъ въ одномъ главномъ учрежденіи (бурмистерская палата, ратуша, главный магистратъ). Историки—юристы отсюда выводили, что Петръ В. „соединилъ купцовъ и посадскихъ въ одно сословіе“¹⁾. Но, при всемъ уваженіи къ историкамъ—юридическимъ трудамъ, мы напрасно стали бы считать „собранную хранину“ сословіемъ. Сословіе обыкновенно характеризуется

¹⁾ Дмитріевъ: Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 483.

общностью *интересовъ*, правъ и привилегій, принадлежащихъ его членамъ; но могла ли быть создана эта общность только потому, что была учреждена бурмистерская палата, въ которую было приказано явиться выборнымъ изъ купцовъ и посадскихъ людей „вѣдать“ этихъ людей? Конечно, нѣтъ; ибо въ сущности Петръ В. соединилъ лишь отдѣленія различныхъ канцелярій въ одну канцелярію, почему и терминъ „сословіе“ въ данномъ случаѣ едва ли примѣнимъ, если только не обозначено, что онъ употребленъ въ особомъ специально — административномъ значеніи.

Съ экономической же точки зрѣнія правительство Петра В. не могло не видѣть въ торгово-промышленной группѣ большого разнообразія и не могло не констатировать этого разнообразія въ законодательствѣ: учрежденіемъ гильдій ¹⁾ и цеховъ лишь болѣе точно, чѣмъ раньше, были опредѣлены тѣ главныя экономическія категоріи, на которыя распался торгово-промышленный классъ. Противъ привилегій высшаго слоя этого класса Петръ В. не только не боролся, но еще болѣе ихъ усилилъ въ своей покровительственной политикѣ по отношенію къ торгово-промышленнымъ компаниямъ Цитированный выше Дмитріевъ отмѣчаетъ, что „вышіе члены сословія. гости и гостинныя сотни, имѣли такія привилегіи, которыхъ у посадскихъ людей вовсе не было“ ²⁾. Это совершенно вѣрно, но, мнѣ кажется, что тѣ привилегіи, которыя были устранены петровскимъ административнымъ устройствомъ торгово-промышленнаго класса, были ничтожны въ сравненіи съ экономическими привилегіями его „вышихъ членовъ“, и уничтоженіе первыхъ, при оставленіи вторыхъ, не могло объединить купцовъ и посадскихъ въ одно сословіе въ настоящемъ значеніи этого слова. Напротивъ, съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе дѣлалось возможнымъ замѣтить что-либо общее въ интересахъ между „вышими“ и низшими членами торгово-

---

¹⁾ Какъ извѣстно, Петръ В. раздѣлилъ торгово-промышленный классъ на двѣ гильдіи (Е. Осокинъ: О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи, стр. 167), а Императрица Елизавета прибавила еще третью (п. с. з., XI. 8504).

²⁾ Истор. Суд. Инстан., стр. 483.

промышленнаго класса; наконецъ, дошло до того, что совѣщательный органъ правительства— (коммиссія о коммерціи)— откровенно заявилъ, что между интересами „мочныхъ“ и „маломочныхъ“ купцовъ и не должно быть какой-либо солидарности. Итакъ, съ экономической точки зрѣнія ясно, что компанейщики и вообще „мочные“ купцы XVIII стол. суть прямые и счастливые наследники гостей и прожиточныхъ торговыхъ людей московскаго періода, и торгово-промышленное законодательство первой половины XVIII-го стол., если и объединило какую-либо группу людей въ смыслѣ социальна-экономическомъ, то лишь „высшихъ членовъ“ купечества: эти „члены“ въ своихъ интересахъ, правахъ и привилегіяхъ еще болѣе рѣзко, чѣмъ раньше, отдѣлились отъ остальной массы торгово-промышленнаго люда, и по отношенію къ послѣднему явились еще болѣе враждебной стороною.

Эти общія замѣчанія подтверждаются фактами самой жизни. Но прежде чѣмъ перейти къ житейской исторической дѣйствительности, на сколько, разумѣется, её можно возстановить по старымъ „дѣламъ“, я долженъ оговориться въ одномъ пунктѣ: именно въ томъ, что фактовъ, относящихся къ поставленнымъ и имѣющимся быть дальше поставленными вопросамъ, можно было бы подобрать и обнародовать гораздо больше, чѣмъ это дѣлаю я: можно было бы прослѣдить фактическія данныя съ петровскаго времени до другого конца взятыхъ мною хронологическихъ граней изслѣдованія; но мнѣ думается, въ вопросахъ, касающихся *результатовъ* тѣхъ или другихъ стремленій, самое практическое—остановиться на томъ моментѣ, когда уже вполне опредѣленно обозначились общественныя комбинаціи, соотвѣтствующія основному характеру правительственной политики. Такъ я поступлю и теперь, сосредоточивъ свои наблюденія на 2-ой четверти XVIII столѣтія, т. е. на томъ времени, когда выяснилось настоящее положеніе компанейщиковъ и всѣхъ „прожиточныхъ“ людей и въ „казенномъ интересѣ“, и на рынкѣ, и въ магистратско-ратушскомъ управленіи.

Наиглавнѣйшій „казенный интересъ“, какъ извѣстно, заключался во всякаго рода „сборахъ“: кабацкихъ, таможенныхъ, соляныхъ и т. д. Со времени утверженія въ нашей V финансовой политикѣ компанейскаго принципа эти сборы

начали отдаваться на откупъ компаніямъ, и вотъ вмѣсто ожидаемаго приращенія казеннаго интереса обнаруживается цѣлый рядъ „нарушеній“ его, какъ разъ, этими довѣренными компанейщиками. Дѣлъ о такихъ „похищеніяхъ“ возникало очень много, тянулись они нерѣдко очень долго, вскрывая такую сеть связей и прикрываній, какая только и была въ состояніи обуславливать появленіе новыхъ подобныхъ же злоупотребленій правительственнымъ довѣріемъ. Особенно любопытно дѣло симбирской купеческой компаніи. Оно началось еще при господствѣ Бирона и продолжалось въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны, при которой указами 1740 (3-го ноября) и 41 гг. (4-го марта) было велѣно „съ симбирскихъ купцовъ Андрея Воронцова, Герасима Глазова съ товарищи истинныхъ и утаенныхъ ими приборныхъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ взыскать 129015 руб. Чтобы взыскать эту сумму, коммиссія, образованная при Сенатѣ для разслѣдованія этого дѣла, послала прокурора Ѳедора Жилина, вооруживъ его инструкціей, какъ „чинить“ взысканіе, и присоединивъ въ помощники для достиженія этой цѣли капитана Образцова. Въ августѣ 1741 г. (14-го числа) Ѳедоръ Жилинъ представилъ въ коммиссію свѣдѣнія о томъ, какъ великъ долгъ на членахъ симбирской компаніи. Самый большой долгъ числился на главѣ компаніи Андрей Воронцовъ—16983 рубля. Часть положенной суммы ¹⁾ была взыскана; бѣльшая же часть оставалась въ недоборѣ, такъ какъ, по доношенію прокурора Жилина, послѣ взысканій, еще предстояло получить со всѣхъ членовъ компаніи—83127 руб. А „было-ль взысканіе и коликое число“ въ декабрѣ 1741 года, „о томъ отъ прокурора Жилина репорта въ присылкѣ не имѣется“; впрочемъ: „такожъ и генваря мѣсяца сего 1742 года“: очевидно со взысканіемъ не торопились. Въ объясненіи Жилина мы читаемъ: „неплатежъ чинится не для какого отбывательства, но по самой необходимости нуждѣ“, „понежъ эти купцы весь свой капиталъ“, „по купецкимъ обрядамъ“, употребили въ оборотъ: на строеніе заводовъ и въ „струговые промыслы“. Они не только не могутъ „показанную великую сумму заплатить“, но лишены и

¹⁾ «Награжденіе» доносителю было включено въ общую сумму компанейскаго долга казнѣ.

промысловъ своихъ, и купчества (возможности вести торговлю). А между тѣмъ эти купцы платили въ казну „немалое число“ пошлинь. . „Распродавъ свои дома, и заводы, и пожитки“, они и вообще являются несостоятельными плательщиками даже податей и, вѣроятно, „на нихъ взойдутъ еще многія доимки“; итакъ, по объясненію прокурора Жилина, эти купцы круглые банкроты, почему „они просили“ у Ея Императорскаго Величества „помоловать“ ихъ и отъ „взысканія“ „уволить“, общая впредь „свое купчество производить“ и въ казну подати, а съ промысловъ налоги „платить исправно“. Таково объясненіе прокурора Жилина ¹⁾. Оно написано въ сочувственномъ для купцовъ духѣ, хотя въ началѣ и объявлено комиссіей, что „онѣй Жилинь“ „взыскиваетъ и содержитъ ихъ подъ карауломъ“. Но необходимо выслушать и другую сторону. Имѣется донесеніе (отъ 13-го января 1742 г.) отъ повѣренныхъ средней и меньшей гильдіи—купцовъ Бориса Кузнецова и Якова Плеханова; это донесеніе лично привезли названные повѣренные въ Петербургъ. Средніе и меньшіе купцы показывали въ своей челобитной, что Федоръ Жилинь „черезъ происки ихъ Воронцова съ товарищи“, „оставя ихъ самихъ“, „показанную сумму“ взыскиваетъ со всего симбирскаго купчества, съ нихъ, средней и меньшей гильдіи, и взыскиваетъ очень усердно: „бьетъ ихъ братією среднюю и меньшую гильдію батожемъ смертельно, морить въ колодкахъ и принуждаетъ подписываться къ платежу той суммы съ каждой души по 6 рублей со излишествомъ“. Бурмистръ Иванъ Твердышевъ, который находился въ той же „воровской компаніи и платежу повиненъ, какъ за отца своего, такъ и за себя—до 6000 руб.“.... „приказаль среднюю и меньшую братію“ „изъ домовъ ихъ таскать, такожъ женъ ихъ и дѣтей, и сажаетъ всѣхъ въ тюрьмы и морить въ колодкахъ“; „въ 4-хъ тюрьмахъ“ было ихъ насажено „съ 700 человекъ“. Тоже принуждая меньшихъ и среднихъ купцовъ подписываться къ платежу по 6 руб. „со излишествомъ съ души“, этотъ выборный начальникъ „морить“ ихъ „безъ выпуску“, „смертельно“, отъ чего многіе „могутъ въ недолгомъ времени помереть“, особенно женщины—„отъ приключившихся родовъ“. Иные же „отъ такого страха“ „принуждены“ были разбѣжаться, „оставя

¹⁾ Цитируется по сенатской бумагѣ.

домы свои“. „А что оныя интересные хищники Воронцовъ съ товарищи, повѣствуется дальше въ челобитной, „показываютъ себя, якобы они не въ состояніи“ уплатить, то это неправда: они не только ту сумму, но и до 500,000 руб. въ силахъ уплатить. „Оныя хищники“ „свои многіе торги и промыслы имѣють воровски подъ чужими именами, а именно Герасимъ Глазовъ съ товарищи въ томъ же 1741 году въ Петербургѣ учинили подложный договоръ“ съ однимъ кронштадскимъ и однимъ петербургскимъ откупщикомъ, чтобы поставить этимъ откупщикамъ (одному въ Кронштадтѣ, а другому на Ладожскій каналъ)—20,000 ведеръ вина, на что Воронцовъ съ товарищи не имѣли права; дѣло было поставлено такъ: какъ будто бы это вино не съ ихъ заводовъ, а съ заводовъ тѣхъ откупщиковъ, съ которыми они вступили въ сдѣлку. Словомъ повѣренные отъ симбирскаго купечества отмѣчали „явное воровство“ въ „поставкѣ“ вина симбирской компаніей петербургскому и кронштадскому откупщикамъ. Къ этому они прибавляли, что повѣренные „воровской компаніи“, приѣхавшіе для хлопотъ по дѣлу о „похищеніи“ тоже въ Петербургѣ, обращались къ нимъ, повѣреннымъ отъ симбирскаго купечества, съ просьбой, чтобы они не жаловались на Воронцова съ товарищи „за обиду и прочее“. Повѣренные же отъ симбирской компаніи въ поданномъ заявленіи очень неясно говорили о своихъ отношеніяхъ къ симбирскому купечеству и высказывали надежду на помилованіе Императрицы. Что касается прокурора Жилина, то ему пришлось отписываться. Онъ объясняется чисто формальнымъ образомъ, ибо, по его мнѣнію, онъ поступалъ согласно инструкціи: тамъ сказано, что если виновные купцы окажутся несостоятельными, и это засвидѣтельствуетъ ратуша, то—взыскивать на всемъ купечествѣ. Онъ такъ и поступалъ; только купечество этого „не приѣмлютъ и приходятъ къ нему собраніемъ, со мною укоризною и и досадами, отъ того отрекаются и угрожаютъ на него челобитьемъ“. 7-го января 1742 года прокуроръ заявилъ, что такъ какъ указомъ отъ комиссіи повелѣно взыскать положенную сумму „безъ всякаго послабленія“, то онъ такъ и поступалъ. Когда же началась оцѣнка дворовъ и имущества „интересныхъ хищниковъ“, то Воронцовъ съ товарищи объявили, что больше платить не могутъ („развѣ продавать пожитки и прочее“). Однако тотъ же Жилинъ увѣдомлялъ, что компанія можетъ поставить

„по подрядной цѣнѣ“ въ Петербургъ на кружечные дворы 25000 ведеръ вина и ходатайствовалъ, хотя и довольно осторожно, чтобы было позволено виновнымъ компанейщикамъ сдѣлать эту поставку „въ зачетъ“ „положенной на нихъ суммы“. А для вящаго подкрѣпленія ходатайства прокуроръ Жилинъ высказывалъ сомнѣніе въ возможности собрать всю сумму въ Симбирскѣ безъ продажи пожитковъ... Правда, тѣ, которые поручились за симбирскую компанію, готовы признать себя виновными и платить, но не прежде, какъ будутъ „обобраны“ всѣ тѣ, за кого они ручались¹⁾. Очевидно, сторонникъ симбирской компаніи прокуроръ Жилинъ желалъ рѣшить вопросъ о компанейскомъ долгѣ путемъ поставки въ зачетъ, но въ то же время, стараясь показать себя рачительнымъ исполнителемъ, просилъ комиссію сообщить ему подрядную цѣну, чтобы, если комиссія согласится зачесть вино за „похищеніе“, то онъ былъ бы въ состояніи правильно распределить „положенную сумму“ между плательщиками и сообразить, сколько еще останется взыскивать²⁾.

I. Не смотря на довѣріе³⁾, которое правительство оказывало компанейщикамъ и откупщикамъ, они блистательно его не оправдывали. Въ самомъ дѣлѣ стоить только заглянуть въ старыя сенатскія бумаги по камеръ-коллегіи, чтобы не возникало никакихъ сомнѣній въ справедливости отиѣченнаго положенія. При чтеніи многочисленныхъ дѣлъ „о похищеніи казеннаго интереса“ можно было бы удивляться замѣчательной устойчивости въ убѣжденіи лицъ высшаго управленія, что компанейскій откупъ — очень удобный способъ пополнять государственное казначейство, если бы этотъ способъ не принимался за единственный въ этой сферѣ, до котораго въ тѣ времена доходила несамостоятельная финансовая мысль совѣтниковъ власти. Дѣло въ томъ, что казенное содержаніе сборовъ и

---

¹⁾ Это и другія, приводимыя въ кавычкахъ слова и выраженія, взяты изъ бумагъ.

²⁾ М. А. М. Ю, с. д. по камеръ-к., т. 876.

³⁾ На сколько правительство надѣялось на компаніи и откупа, видно и изъ того, что по инструкціи 1-го марта 1753 года было велѣно даже корчемныя конторы отдавать компанейщикамъ и откупщикамъ по питейнымъ сборамъ (И. С. З. XIII, 10672).

промысловъ давало еще меньше гарантіи на добросовѣстность исполнителей и на казенную пользу. Цѣлый рядъ слѣдствій о нарушеніяхъ выборными властями казеннаго интереса подтверждаетъ невысокія достоинства казеннаго содержанія: тутъ масса злоупотребленій и по кабацкимъ ¹⁾, и по таможеннымъ ²⁾, и по солянымъ ³⁾ сборамъ, и по доходамъ съ казенной рыбы ⁴⁾: случалось, что иные присваивали „немалое число“: „не тоємо до семи тысячъ, но до семидесяти тысячъ“.

II. Затѣмъ несомнѣнно и то, что компанейщики и откупщики находились въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ выборнымъ городскимъ начальствомъ—бурмистрами. На основаніи уже приведенныхъ данныхъ не трудно догадаться, что выборные представители купечества и компанейщики составляли, такъ сказать, одну клику. Ихъ объединялъ „казенный интересъ“, къ которому все „первостатейныя купцы“, относились одинаково. Такъ въ 1742 году одинъ бѣлогорскій купецъ пожаловался самой Императрицѣ на обиды, понесенныя имъ отъ бургомистра и другихъ лицъ, присланныхъ изъ губернской канцеляріи для сбора недоимокъ. «Обстоятельства» дѣла слѣдующія. „Чины губернской канцеляріи“ собрали бѣлогорское купечество въ ратушу, чтобы „заплатить міромъ“. „Жалобщикъ“ „съ протчими купцами“ „спорилъ“ „словесно“, говоря, что доимку слѣдуетъ заплатить самому бургомистру, такъ какъ деньги уже отданы. За этотъ „споръ“ онъ былъ вмѣстѣ съ другими посаженъ „подъ караулъ“; однако „тое доимку міромъ заплатили, въ томъ числѣ и я нижайшій изъ-подъ неволи“. Бурмистръ затаилъ злобу на главнаго члена оппозиціи — „жалобщика“, и „по той злобѣ“ не давалъ „суда въ обидахъ“ на него. А именно „первостатейныя купцы“ Иванъ Петровъ сынъ Нехорошій, да Степанъ Назаровъ, „ваѣхавъ на меня въ степи“, рассказываетъ „жалобщикъ“ „... „били смертнымъ боемъ и выбили у меня изъ кармана денегъ пять рублей“... Нехорошій оказывается и съ репутаціей

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-к., т. 2765.

²⁾ Ibid., т. 886.

³⁾ Ibid., т. 2764.

⁴⁾ Ibid., т. 882; слѣдствіе было возбуждено по опредѣленію Сената въ 1752 году (27 августа).

нехорошей. Этотъ купеческій витязь, по показанію „жалобщика“, — „приличный (уличенный) воръ“: будучи старостою, сборщикомъ и расходчикомъ въ бѣлогорскомъ купечествѣ, Нехорошій „укралъ 300 рублей, въ чемъ явился изобличенъ, кромѣ того этотъ кунецъ — и убійца: у него было найдено „мертвое тѣло въ домѣ, въ навозѣ“; а „о смертномъ убійствѣ доносила дѣвка“. Бурмистръ съ товарищами, которымъ потерпѣвшій въ стени пожаловался, не только не дали ему управы но, „призвавъ въ ратушу“ его сына и „не объявляя ему никакого дѣла“, били его „батоужьемъ смертно и отъ тѣхъ побой лежалъ онъ съ недѣли четыре“; его же самого, „жалобщика“, выбрали „въ службу“ для собиранія оброчныхъ денегъ, „не поочереди, для разоренія моего“; далѣе жалобщикъ сообщаетъ, какъ его били и „послѣ смертныхъ побой“, сажали „въ холодную избу въ жестокой морозъ“¹⁾...

Что выборныя власти поддерживали „первостатейныхъ купцовъ“, — въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удивительнаго: бурмистры и ратманы были сами богатыми людьми, сами нерѣдко участвовали и въ компаніяхъ, и въ откупахъ, и въ казенныхъ подрядахъ; а главное — они показывали, можно сказать, примѣръ корыстнаго отношенія къ „казенному

---

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-к., т. 877. Въ 1748 г. верейскій кунецъ Федоръ Чеблоковъ пожаловался на злоупотребленія бурмистрами верейской ратуши «и прочими». Этотъ «доноситель» на «похищеніе» казеннаго интереса выборными лицами былъ отосланъ «при указѣ» въ московскій магистратъ по опредѣленію главнаго магистрата. Изъ допросныхъ рѣчей (такъ какъ было велѣно: «оному человѣку произвести розыскъ») видно, что «похищеніе казеннаго интереса» охранялось рѣшительными мѣрами. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ «дѣла». 6-го августа 1747 года Чеблоковъ «шелъ съ отцомъ мимо верейской ратуши; ратманы, выскоча изъ ратуши со многими верейскими куцями и незнаемо за что его, Чеблокова, и отца его били и втащили его Чеблокова въ тюрьму и въ той тюрьмѣ лежалъ онъ безъ памяти часовъ пять, а потомъ означенные ратманы, пришедъ, поломали у тюрьмы двери и велѣли его, Чеблокова, бить (нѣсколькимъ) верейскимъ куцямъ, которые его и били смертно и, не терпя онъ тѣ побой», двухъ купцовъ «складнымъ ножемъ порѣзалъ и то порѣзанье учинено безъ умыслу, бороня себя, а прежде того съ показанными куцями у него, Чеблокова, ссоры никакой не было и напредъ сего онъ, Чеблоковъ, никого не рѣзалъ» (М. А. М. Ю., с. д. по комеръ-кол., т. 896).

интересу“. Уже Императоръ Петръ В., возложившій довольно много надеждъ, финансовыхъ и экономическихъ, на выборное начало, принужденъ былъ разочароваться въ тѣхъ членахъ разсыпанной храмины, которые были призваны реализовать это начало.

Реформатору управленія торгово - промышленнымъ классомъ то и дѣло приходилось узнавать, что „отъ бурмистровъ премногія явились кражи казны“, что „за градскими бурмистрами премногое воровство сыскано“: въ Ярославлѣ было украдено 40,000 руб., а въ Псковѣ 90,000 руб. Г. Дятлинъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи отмѣтилъ, что Петръ В. мало по малу началъ слагать съ земскихъ избъ и ратуши „ихъ обязанности по сбору податей и повинностей и отдавать ихъ снова въ вѣдѣнье стараго приказнаго начала“¹⁾.

Послѣ Петра В. до Императрицы Екатерины II въ управленіи финансовыми и экономическими дѣлами господствовали спутанность, случайность и произволь. Въ хищеніи оказывались одинаково и выборные, и приказные²⁾. Контроль выборныхъ чиновниками, а чиновниковъ выборными приводилъ едва ли не къ сближенію между собой тѣхъ и другихъ на почвѣ обоюдной выгоды, да къ чрезвычайнымъ затяжкамъ разбира- тельствъ³⁾.

---

¹⁾ Устройство и управл. городовъ, т. I, стр. 181—183; этими указаніями почтеннаго ученаго я пользовался и раньше (см. мою лекцію: «Правительство Московской Россіи и Петръ В. въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу—Ученыя записки Каз. У-та, 1891 г.)

²⁾ Въ 30-хъ годахъ началось дѣло о похищеніи казенной пользы *приказными людьми* Нижегородской губерніи; въ «похищеніи» насчитывали 69,743 р. (сен. д. по камеръ кол., т. 883—М. А. М. Ю.)

³⁾ Продолжительность дѣлопроизводства по «кражамъ казны» выборными иллюстрируется, напр., слѣдующими выдержками изъ архивныхъ бумагъ. Это выдержки здѣсь тѣмъ болѣе умѣстны, что самыя «похищенія» производились не въ одиночку, а компаніями—съ товарищи. Въ 1745 г. посадскій человекъ Кошеваровъ донесъ на Высочайшее имя, что псковскій бурмистръ Герасимъ Сушнягинъ съ товарищи виновенъ «въ похищеніи съ кружечнаго двора казеннаго вина въ дома, какъ на себя, такъ и на товарищей своихъ»; похищали и пошлины: «товары, де, для уменьшенія цѣны и утайки пошлинъ въ таможи записывали больше сырцомъ, а не чистымъ, понеже чистаго предъ сырцомъ таможенныхъ пошлинъ въ платежѣ бываетъ

III. Отдѣльные лица изъ губернской администраціи оказывались иногда не на высотѣ своего призванія по отношенію къ корыстнымъ продѣлкамъ именитаго купечества—это тоже одно изъ частыхъ явленій изучаемаго времени. Подкрѣпляю отмѣченное положеніе фактами, наиболѣе, по моему мнѣнію, подходящими, какъ къ частному замѣчанію этой работы, такъ и къ общей ея темѣ. Такъ, напр., изъ доноса посадскаго человѣка Ивана Крашенинникова на похищеніе казеннаго интереса въ новгородской таможенѣ бурмистромъ Митрофановымъ съ товарищи можно усмотрѣть, что къ этому дѣлу причастны и тѣ лица губернской администраціи, на которыхъ доноситель тоже жаловался весьма энергично. Губернаторъ, будто бы, держалъ Ивана Крашенинникова

весьма больше; это происходило такъ: «когда иногородный купецъ для продажи товаровъ прибудетъ во Псковъ съ выписью или безъ выписи, тогда не прямо въ шнурованную книгу по надлежащему порядку товаръ запишется, но въ черные досмотры, и потомъ, много изгода, когда придетъ время оному купцу ѣхать обратно въ свой городъ, тогда запишется въ книгу, а розсѣйка товару чинится по тому черному досмотру». Изъ правительствующаго сената, «*ради изслѣдованья*», былъ посланъ преображенскаго полка капитанъ поручикъ *Темиряевъ*, а при немъ секретарь, канцеляристъ, три кописта, капитанъ гвардіи и два гренадера. Это — коммиссія. Въ 1748 г. (3-го ноября) эта коммиссія объясняла, что «тѣ люди, кои явились въ подозрѣніи и сумнительствѣ»...были допрашиваемы и что «оная коммиссія извѣкоторыхъ допросовъ и изъ поданнаго купца Русинова доношенія немалое подозрѣніе разумѣетъ, токмо ко изысканію о томъ истини безъ особливаго изъ правительствующаго Сената указу опасна». Въ 1749 г. (25-го мая) по опредѣленію прав. Сената велѣно (въ П. С. З. — нѣтъ): «которые люди по слѣдствію явились въ передѣлываніи, и въ переплетеніи въ книгу тетрадей, и въ клейкѣ, и въ выдираніи, и въ перепискѣ листовъ и другихъ воровствахъ, — о таковыхъ накрѣпко по силѣ указовъ слѣдовать и розыскивать, и буде кто по явному изобличенію истини не покажутъ и дойдутъ до пытки, ...такихъ, какъ возможно, склонять и чтобы принесли истину безъ кровопролитія, а ежели изъ тѣхъ истини показывать не стануть, то таковыхъ, подлинно къ тому приличныхъ, и пытать, а тѣхъ, которые только приличаются въ продажѣ неявленныхъ товаровъ и въ утайкѣ пошлинъ, также въ другихъ тому подобныхъ винахъ, такихъ не пытать, а доходить слѣдствіемъ». И слѣдствіе «доходило»; но какъ «дошло» — мы не знаемъ: въ 1750-мъ году оно не было еще закончено, въ 1754 году правительство еще посылало указы, относящіеся къ этому дѣлу. (М. А. М. Ю., с. д.по камеръ-к., т. 891).

въ тюрьмѣ и моришь голодомъ, а товарища его, Антропова, и совсѣмъ уморилъ. Этимъ губернаторъ не удовольствовался; онъ, „исполняя злобу на показанное мое на него подозрѣніе“, говоритъ „доноситель“, „прислалъ челоуѣка своего Михайлу Иванова съ протчими своими людьми въ домъ мой, которые въ ономъ домѣ моемъ всякое разореніе, позорище и грабежъ чинили“; это давало поводъ Крашенинникову опасаться, какъ бы для него не было учинено „чего-либо злѣе“ „ночною порою“. Нѣтъ основаній не вѣрить этимъ слезамъ посадскаго челоуѣка, тѣмъ болѣе, что слѣдствіе велось очень долго. Доносъ былъ поданъ въ 1744 году, а въ 1753 году мы видимъ Крашенинникова „въ содержаніи въ Новгородской канцеляріи подъ карауломъ“, гдѣ 22-го января въ 1-мъ часу пополудни и „умре“. Это мы узнаемъ изъ сообщенія слѣдственной комисіи, назначенной въ Новгородъ, вслѣдствіе доноса Крашенинникова и писавшей такъ много, что послѣдній былъ въ состояніи дожидаться только своего конца ¹⁾. Итакъ, если опять таки не забывать, что дѣло, подобное отмѣченному, не было единичнымъ ²⁾, то слѣдуетъ твердо установить тотъ общій фактъ, что и губернская администрація, и выборные, и пожалуй, даже посылаемые для разбирательства комиссіи занимали въ сущности одну позицію, съ тою только разницею, что одни, на этой позиціи начальствовали, а другіе помогали начальствовать. Приблизительно отношенія между правительственной администраціей и судьями съ одной стороны и магистратскими выборными и вообще „мочными“, купцами съ другой—укладывались въ тѣ же рамки, какъ и въ XVII ст.,

---

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-к., т. 886, весьма объемистый томъ спелна занять этимъ дѣломъ.

²⁾ См. у С. М. Соловьева въ исторіи Россіи, т. 22, стр. 184: «указами коллегіямъ и губернаторамъ запрещено самовольно накладывать пошлины, а орловскій магистратъ *грубымъ своимъ смысломъ беретъ, сверхъ указной пошлины по копейкѣ съ рубля съ товаровъ, а съ указныхъ пошлинъ беретъ по копейкѣ съ рубля съ товаровъ, будто на лѣкаря* (См. также 185 стр. и слѣд). Очевидно нѣкоторые губернаторы имѣли основаніе съвозъ пальцы смотрѣть на грубый смыслъ бурмистровъ. Приходилось Сенату самому вышпиваться въ дѣла такого рода и отрѣшати виновныхъ въ подобныхъ злоупотребленіяхъ отъ должности (Ibid., стр. 111).

когда богатые купцы были выгодными гостями у воеводъ ¹⁾. Я говорю „приблизительно“, ибо отношенія въ XVIII ст. сдѣлались сложнѣе, и связь вліятельнаго чиновника и крупнаго купца стала болѣе прочной, чѣмъ въ XVII стол.; эта связь уже выражалась не только въ подаркахъ и приношеніяхъ, но иногда и въ общности промышленныхъ интересовъ. Обнаруживалось, что между секретарями нѣтъ солидарности, а между секретарями и купцами есть, при чемъ секретарь гонить водку даже въ незаклейменныхъ казанахъ, а оброчныя деньги за нихъ платитъ купецъ и купецъ же принимаетъ незаконную водку на свой откупной кабакъ ²⁾.

Матеріальная и при томъ болшею частью особаго рода солидарность между крупнымъ купечествомъ и администраціей, выборной и назначенной, разумѣется, имѣла свои прежде всего *матеріальныя же* сдѣдствія, именно то, что въ документахъ называется „тягостью“ для остального купечества. Эта „тягость“ была достаточно велика уже вслѣдствіе того привилегированнаго положенія, которое заняли на русскомъ рынкѣ крупные промышленники и торговцы и которое ко времени Императрицы Екатерины II-ой обрисовывалось всё рѣзче и рѣзче; эта тягость сдѣлалась еще болше, массивнѣе, если такъ позволено будетъ выразиться, вмѣстѣ съ осложненіемъ социальныхъ связей въ правительственномъ и торговомъ мірѣ, вмѣстѣ съ расширеніемъ торговыхъ операций среди чиновниковъ и съ развитіемъ чиновничьихъ функцій среди торгово-промышленныхъ людей, словомъ—вмѣстѣ съ болшимъ сближеніемъ на экономической почвѣ между представителями „чина“ преимуществу и представителями капитала по преимуществу.

---

¹⁾ См. у Олеарія, стр. 197.

²⁾ Одинъ секретарь Василій Гладковъ объявилъ: «въ бытность его въ Пензѣ въ 1742 году увѣдалъ онъ, что пензенскій секретарь Гаврила Ермолаевъ завелъ безъ указа винокуренный заводъ въ приданомъ жены его въ пензенскомъ уѣздѣ... и курить вино въ восемьдесятъ казановъ, а по обкладнымъ книгамъ за нимъ Ермолаевымъ клейменныхъ только пять казановъ и съ того числа съ трехъ оброчныхъ деньги платитъ купецъ винный заводчикъ Алексій Конищевъ, а вино, де, безъ объявленія въ пензенской канцеляріи (Конищевъ) посылаетъ для продажи въ пензенскій уѣздъ въ село Чардымъ— въ кабакъ, который на откупъ у купца Украинцева (М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 878).

Свидѣтельство современника вполне гармонируетъ съ этимъ выводомъ изъ фактовъ, заключающихся въ официальныхъ источникахъ. Кн. С. Воронцовъ, нѣкоторыя показанія коего мы приводили выше, вѣдѣлъ, при посѣщеніи своемъ Астрахани, астраханское купечество въ состояніи „разоренія“, при чемъ наблюдатель причину тяжелаго положенія купечества приписывалъ прямо отношеніямъ между губернаторомъ и ловкимъ среди астраханскихъ купцовъ воротилой Кобяковымъ. Кн. Семень Воронцовъ писалъ своему отцу: „ежелибъ здѣсь былъ губернаторъ такой умный, порядочный и несребролюбивый, какъ въ Сибири Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, сего разоренія не было“... „А здѣшняго должность была, по полученіи изъ Сената указа, чтобы Кобякову одному торговать, призвать его и приказать при собраніи всего магистрата, чтобъ показалъ сколько у него съ товарищами капитала, ибо они въ Сенатѣ показали, что у нихъ около 600,000 его находится. Итакъ по свидѣтельству бы у нихъ валичными деньгами, товарами и въ торгу ни сорока тысячъ капиталу не нашлось. Онъ бы тогда оную компанію остановить могъ, а самъ бы въ Сенатѣ отрепортовался, а купечество не претерпѣвало бы разоренія“¹⁾. Губернаторъ не „остановилъ компаніи“ и въ Сенатѣ не „отрепортовался“, ибо, очевидно, онъ понималъ, что Сенатъ не безъ существенныхъ основаній послалъ ему указъ, „чтобы“ Кобякову съ товарищи „одному торговать“. Такъ во всякомъ случаѣ *долженъ былъ понять* дѣло астраханскій губернаторъ. Съ другой стороны самъ кн. С. Воронцовъ не чуждался знакомства съ торговыми и промышленными людьми, и это вполне естественно, ибо онъ самъ былъ сынъ заводчика, хотя

---

¹⁾ Ар. кн. Воронцова, т. 16, стр. 32.

Да не подумаетъ читатель, что я кого-либо и что-либо обличаю въ настоящей работѣ: я стараюсь лишь представить комбинаціи старинныхъ общественныхъ отношеній въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ изобразить всякій, кто сколько-нибудь выскнетъ въ факты источниковъ, вдумается въ нихъ. Были и тогда хорошіе губернаторы, имѣвшіе въ виду только пользу государства, какъ, напр., Соймоновъ Ѳедоръ Ивановичъ, «котораго», по словамъ кн. Семена Воронцова, «можно почесть примѣромъ честныхъ губернаторовъ» (Ар. кн. Воронцова, *Ibid.*).

и титулованнаго. Последнее обстоятельство производило особенный эффектъ въ средѣ „купцовъ и фабрикантовъ“, и „многіе“ изъ нихъ кн. С. Воронцова „въ гости звали“, а онъ хотѣлъ „у нихъ перебивать“¹⁾. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что о Кобяковѣ кн. С. Воронцовъ узналъ отъ этихъ „многихъ купцовъ и фабрикантовъ“, конкурентовъ Кобякова, заручившагося, впрочемъ, поддержкой на мѣстѣ и въ Петербургѣ; стало быть этихъ „многихъ“ было уже не такъ много, это—тоже капиталисты, только они не поладили съ Кобяковымъ; кн. Семену Воронцову было рассказано о такомъ самоуправствѣ Кобякова: „суда въ Персію погрузили товарами, пошлину Государю заплатили и хотѣли уже выходить въ море, вдругъ Кобяковъ пріѣхалъ, суда заарестовалъ и запрещаетъ производить торгъ съ Персіей“²⁾. Сообщение не похоже на вымыселъ, но оно указываетъ лишь на то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда привилегированная „компанія“ по особымъ, иногда специально-мѣстнымъ, условіямъ чувствовала себя твердо на ногахъ, то представитель ея, опираясь, какъ на „указъ“, такъ—и это, можетъ быть, главное—на свое сильное вліяніе и значеніе на мѣстѣ жительства, могъ дѣйствовать угнетательно не только на низшую купеческую братію, но и на крупныхъ торговцевъ, отправлявшихъ товары въ Персію на корабляхъ. Это значитъ интересы не сошлись, и конкурентамъ приходится плохо: имъ только и оставалось жаловаться сыну петербургскаго вельможи и опираться на разореніе „маломочнаго“ купечества отъ сильнаго купца.

Весьма естественно указаніе изслѣдователей, что крупные промышленники „притѣсняли низшую промышленную братію“³⁾; это такой фактъ, на которомъ мнѣ не приходится останавливаться слишкомъ долго. Читатель уже знаетъ, что я сдѣлалъ лишь попытку разложить этотъ фактъ на его составные элементы, выяснивъ ту цѣль интересовъ, однимъ изъ результатовъ которой являлась „тягость“, какъ для рабочаго, такъ и для купца, непричастнаго къ этимъ интересамъ. Пра-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, т. 16, стр. 32.

²⁾ Ibid.

³⁾ Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промыш. Россіи, т. II, статья Рейхеля, стр 386—388.

ительство очень хорошо знало, что въ „тягости“ мелкаго и крупнаго купечества въ значительной степени повинны богатые купцы, компанейщики и откупщики. Такъ въ 1706 году Государю сдѣлалось извѣстнымъ, что едва не во всѣхъ городахъ „пожиточные“ при сборахъ „притѣсняють маломочныхъ, убогихъ“. Перейдя къ позднѣйшему времени, мы видимъ, напр., въ Симбирскѣ откупщика Кожина, отъ котораго „всему симбирскому купечеству“, средней и меньшей брати, „было великое разореніе“. Этотъ Кожинъ состоялъ членомъ той симбирской компаніи, о злоупотребленіяхъ которой уже была рѣчь выше.

Нельзя сказать, чтобы правительство не старалось парализовать дѣйствіе тѣхъ условій, въ которыя были поставлены крупные представители купческаго и промышленнаго класса. Въ законодательствѣ XVIII стол. можно найти немало примѣровъ правительственнаго заступничества за „маломочныхъ“ промысловыхъ и торговыхъ людей предъ богатыми и сильными. Напр., въ указѣ (27-го янв. 1731 года), отдавшемъ архангелогородскіе промыслы въ компанію Евреиновыхъ, было объявлено: „смотря, чтобы они, Евреиновы, ловцамъ и промышленникамъ, которые пропитаніе имѣють и подати съ себя однимъ тѣмъ промысломъ оплачивають, ибо хлѣба за студенымъ климатомъ не пашуть, никакихъ обидъ и утѣсненій не чинили, а покупали бѣ повольною цѣною, и деньги платили безволокитно, подѣ потеряніемъ за обиду и удержаніе денегъ данной привилегіи и сверхъ того платежа штрафа“¹⁾. Или: когда б. Шафировъ запросилъ даровать „ихъ компаніи“ монополію не только на заграничный, но и на внутренней отпускъ сѣмги, то комиссія о коммерціи, какъ мы уже видѣли выше, высказалась противъ внутренней монополіи, на томъ именно основаніи, что „ежели быть внутренней продажѣ въ компаніи, то признается народная тягость“ „ради“ выгоды немногихъ „персонъ“²⁾. Комиссія о коммерціи совѣтывала отдать сѣмгу компаніи „въ олинъ заморскій отпускъ“ и выражала пожеланіе, чтобы „компанейщики“ поку-

¹⁾ П. С. З. VIII, 5687.

²⁾ Ibid., 5275.

пали семгу отъ промышленниковъ *безобидно*, а не по поставленной отъ барона Шафирова изъ трехъ годовъ сложной цѣнѣ¹⁾. Сенатъ согласился и съ совѣтомъ комиссіи, и съ ея благимъ пожеланіемъ: такъ и было постановлено. Бѣда попрежнему заключалась лишь въ томъ, что всё это были хорошія слова; дѣйствительность же представляла противоположное, и словесныя гарантіи указовъ и мнѣній не могли имѣть значенія уже потому, что самыя настоящія, такъ сказать, задушевные симпатіи комиссіи о коммерціи, какъ извѣстно, лежали не на сторонѣ „маломочныхъ“, а на сторонѣ „мочныхъ“.

„Маломочный“ попалъ въ тайную канцелярію за то, что выражалъ слишкомъ откровенно свои чувства по адресу лицъ, занимавшихъ высокое положеніе въ періодъ наибольшаго развитія привилегированной промышленности и торговли. Чувства, о которыхъ мы можемъ узнать изъ дѣлъ тайной канцеляріи²⁾, чувства маломочныхъ, настроенныя противъ покровительственной политики по отношенію къ „мочнымъ“, были несомнѣнно неизбѣжнымъ результатомъ экономическихъ и общественныхъ комбинацій, послужившихъ предметомъ настоящаго изслѣдованія. Торгово промышленная политика, покровительствующая „богатымъ купцамъ“ въ явный ущербъ „мизернымъ“, была тяжела для достаточно уже истощившейся почвы. Русскому купечеству въ 1-ой полов. XVIII ст. приходилось нести и *безъ того* много прямыхъ финансовыхъ обязанностей, чтобы еще быть въ состояніи выдерживать на своихъ плечахъ привилегированную промышленность и торговлю. Большинство сборовъ съ купечества падало особенно ощутительно на ту его часть, которая состояла изъ „маломочныхъ“, „мизерныхъ“... Это видно изъ простаго перечисленія сборовъ, требовавшихся со слѣдующихъ статей: съ вѣсовъ, съ кожъ палыхъ лошадей, съ яловичныхъ кожъ, со скотины, съ лавокъ, съ кузницъ, съ харчевень съ солодовень, со скотобойня, съ анбаровъ (и анбарныхъ и дворовыхъ мѣстъ), съ постоялыхъ дворовъ, съ ледоколу, съ водопою, съ привального и отвального, съ найма извозчиковъ, за пятнанья хомутовъ, съ мостовъ, съ перевозовъ и

¹⁾ Ibid.

²⁾ Русская Старина, 1875, XII т., стр. 523—539.

т. д. ¹⁾ Словомъ, почти все было обложено: въ окладные же, къ которымъ принадлежали перечисленные и другіе подобныя,—были также отнесены таможенные и кабацкіе сборы, отдававшіеся б. ч. на откупъ и такимъ образомъ ложившіеся не только своей собственной тяжестью, но и ратушскою и компанейскою—на весь малосостоятельный ремесленный, промышленной и торговый людъ. ²⁾ Если затѣмъ мы примемъ во вниманіе, что, кромѣ окладныхъ, были еще такъ называемые „неокладные“ сборы (пошлины—крѣпостныя, печатныя, челобитчиковыхъ дѣлъ) и что „окладъ“ на тѣ и другіе съ теченіемъ времени все увеличивался, то мы легко *себѣ* представимъ размѣры платежей нижняго слоя торгово промышленнаго класса. Разсмотрѣніе этихъ и другихъ соприкасающихся вопросовъ не входитъ въ задачу настоящаго труда; но попутно, мнѣ кажется, не мѣшаетъ привести нѣкоторыя, относящіяся сюда, данныя, чтобы бѣгля замѣчанія не остались совсѣмъ безъ фактической брони. Такъ, напр., въ вѣдомости по городу Орлу окладъ таможенныхъ и кабацкихъ въ 1710 и 1723 г.г. равнялся 12,852 р. 98 к. въ годъ; затѣмъ эти сборы были отданы на откупъ—на 3 года, и годовой окладъ былъ увеличенъ до 16,669 р. 60 к.; окладъ же 1741 года = уже 19593 р. 55 к.; слѣдовательно противъ оклада 1710 и 1723 г.г. получилось прибыли 6740 р. 57 к. ³⁾

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ ничего неожиданнаго въ томъ явленіи, что и купцы такъ—же, какъ и крестьяне, стремились „избыть“ всякими способами тѣ „тягости“, подъ давленіемъ которыхъ они находились, вслѣдствіе всего строя государственнаго хозяйства. Одни совсѣмъ удалялись изъ купечества, другіе, оставаясь въ немъ, старались ускользнуть изъ

---

¹⁾ Съ купечества поступало въ казну немало всякихъ сборовъ. Однихъ «четырегривенныхъ денегъ и по 1 р. 20 к. съ души, по Кириллову, съ купечества всего государства поступало ежегодно 208.950 р. 29 к. (Цвѣтуш. состоян., ч. II-я стр. 134).

²⁾ А тутъ еще «уѣздные люди», отъ которыхъ купечеству «есть великое помѣшательство» (М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-к., т. 883).

³⁾ Если въ иныхъ случаяхъ новый окладъ и показанъ ниже стараго, то всетаки въ *общемъ* новый окладъ имѣетъ тенденцію увеличиваться (М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-к., т. 875).

подъ контроля финансоваго вѣдомства. Ратушское донесеніе 40-хъ-хъ годовъ даетъ намъ возможность констатировать тотъ фактъ, что канцелярія, на которую еще въ XVII ст. такъ жаловались „купецкіе“ люди, привлекаетъ теперь ихъ именно тѣмъ самымъ, на что они жаловались, когда всецѣло находились подъ ея управленіемъ. Смоленская ратуша писала въ Сенатъ, что „нѣкоторыя изъ смоленскаго купечества изъ положеннаго въ подушный окладъ“ „отъ служенія и прочихъ смоленскаго купечества тягостей“ „самохотно безъ вѣдома смоленской ратуши“ „опредѣлены“ „въ смоленскую губернскую канцелярію“ „копістами, подканцеляристами, а иные и канцеляристами“. Эти новые приказные „по случающимся до нихъ дѣламъ“ „чинятся всегда ослушны ратушѣ“, „отъ чего за такимъ ихъ напраснымъ отбывательствомъ смоленскому купечеству отъ служенія за нихъ и въ платежѣ подушныхъ денегъ, и въ сборахъ, и дѣлахъ, и прочихъ нуждахъ имѣется не безъ тягости“... Вообще „отбываніе“ въ губернскую канцелярію изъ купечества послужило для ратуши достаточнымъ доводомъ пожаловаться на то, что „купечеству въ торговыхъ промыслахъ“ произошло „помѣшательство и въ платежѣ подушныхъ денегъ остановка“.¹⁾

Для того, чтобы освободиться отъ внутреннихъ пошлинъ, купцы прибѣгали къ „немалому секрету“, „котораго по словамъ репорта (1-го сентября 1743 г.) „никакъ доказать нельзя“²⁾. Вообще факты показываютъ, что положеніе массы торгово-промысленнаго класса не только не улучшилось, но все болѣе ухудшалось, все болѣе и болѣе деморализируя и низ-

¹⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камерь-к., т. 881.

²⁾ М. А. М. Ю., с. д. по камерь-к., т. 880, см. прилож. Неявленные товары находили и запечатывали. Такъ, напр., купецъ 2-ой гильдіи Иванъ Филатовъ донесъ камерь-коллегіи о безошлинной торговлѣ («пошлиннымъ деньгамъ», «входящимъ въ казну» «Ея Императорскаго Величества», «чинятъ немалый ущербъ») «шелковыми разныхъ сортовъ товарами». Доносъ былъ сдѣланъ 27-го окт. 1742 г. Въ это же число «для запечатанья» «въ суровскихъ рядѣхъ» (въ Москвѣ) «ходили камерь-коллегіи члены, которые по указанію того доносителя въ тѣхъ рядѣхъ запечатали съ товарами 47 лавокъ» (М. А. М. Ю., с. д. по камерь-к., т. 878).

шихъ, и высшихъ членовъ ея ¹⁾... Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ было не въ состояніи устранить того экономическаго кризиса, который тяготѣлъ надъ большинствомъ торговыхъ и промышленныхъ русскихъ людей, ибо основныя причины „тягости“ продолжали оставаться въ неприкосновенности... Въ чемъ заключались эти причины? отвѣтомъ на этотъ важный въ моей задачѣ вопросъ, осмѣливаюсь думать, служить все предшествующее изложеніе.

Здѣсь можно было бы остановиться, такъ какъ главные выводы большею частью формулированы, а частью съ очевидностью сами вытекаютъ изъ сгруппированныхъ фактовъ. Но, мнѣ кажется, будетъ нелишнимъ, если я попытаюсь связать начало моего разсужденія съ концомъ, чтобы не осталось мѣста для серьезныхъ недоразумѣній. Равьше былъ поставленъ вопросъ о великой розни между верхами торгово-промышленнаго класса и его сравнительно многочисленными низами: мы видимъ, что съ теченіемъ времени эта пропасть между „мочными“ и „маломочными“ еще болѣе раздвинулась, ибо вся торгово-промышленная политика вела къ тому, чтобы крупныя торгово-промышленныя дѣятели, какъ высшихъ ранговъ, такъ и высшихъ капиталовъ, закрѣпили за собой большую часть производительныхъ силъ страны. Это произошло само собою, ибо самый крупный торговый оборотъ и самое крупное производство въ Россіи находилось во владѣніи и пользованіи правительства ²⁾; правительство по своему почину ³⁾ расширяло сферу торговли, развивало старыя и заводило новыя отрасли промышленности. Когда же непосредственно, по старинному выраженію, — „производить“ эти

¹⁾ См. о нравахъ, кромѣ истор. Россіи Соловьева, у Н. А. Попова въ «историческихъ замѣткахъ о Бѣжецкоиъ Верхѣ»: содержаніе дѣлъ и происшествій между ними, извлеченное изъ Бѣжецкаго архива, изд. О. П. м. Д. Р., 1882.

²⁾ Въ указѣ 10-го января 1720 г. было объявлено, что рудокопныя заводы «и оныхъ употребленія» принадлежать «намъ однѣмъ», «яко монарху» (Истор. начерт. горнаго производства, стр. 21—25).

³⁾ Особенно при Петрѣ В.

статьи правительству сдѣлалось недосугъ, то ему не стоило большихъ хлопотъ отдать промыслы со всѣми средствами производства (орудіями и рабочими—казенными мастеровыми и государственными крестьянами) и свои монопольныя права на торговлю тѣмъ наиболѣе сильнымъ экономически и подходящимъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ—лицамъ, на которыхъ правительство считало возможнымъ положиться, какъ на хорошихъ доставителей казеннаго дохода отъ промышленности и торговли. И что же изъ всего этого вышло? Да только то явленіе, на которое впоследствии указала Императрица Екатерина II-я; Императрица такъ высказалась по поводу одного проэкта, „составленнаго по правиламъ всѣхъ монополистовъ“: „въ началѣ моего царствованія я нашла всю Россію по частямъ розданною подобнымъ компаніямъ и хотя я 19 лѣтъ стараюсь сей корень истребить, но вижу, что еще не успѣваю, ибо отрывки,—авось либо удастся, симъ проэктомъ оказываются“. А „правила“ „всѣхъ монополистовъ“ („компаній“), по ея словамъ, состоятъ въ томъ, чтобы „захватить все въ свои руки, не смотря на разореніе людей отъ того послѣдуемое“. Насколько „отрывка“ была сильна, весьма хорошо видно изъ того, что самой Императрицѣ нелегко было съ ней справиться ¹⁾: сильнымъ людямъ слишкомъ нравился этотъ прежній порядокъ и даже просвѣщенной Императрицѣ Екатеринѣ II-й трудно было ихъ цивилизовать. Императрица въ только-что цитированномъ письмѣ приказываетъ своему вельможѣ „возвратить“ проэктъ о монополіяхъ („буде самъ его не издерешь“) „его составителямъ съ тѣмъ, чтобы и впредь о подобномъ не заикались“ ²⁾.

---

¹⁾ Изъ сообщенія, прочитаннаго академикомъ генераломъ Н. Ѳ. Дубровиннымъ (въ 1895 г.) въ засѣданіи Русскаго Императорскаго Общества; цитата по «Волжскому Вѣстнику», (1895 г., № 93), перепечатавшему выдержки сообщенія изъ Биржевыхъ Вѣдомостей.

²⁾ Правительство иногда и раньше пыталось противоѣдствовать разрушительному дѣйствию покровительства крупной промышленности—по отношенію къ кустарному производству. Такъ, въ 1758 г. кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой высказалъ въ Сенатѣ мнѣніе: не давать привилегіи (въ смыслѣ монополіи) для производства на фабрикахъ того, что дѣлалось раньше ремесленниками и что теперь запрещено, напр., шляпы, «дабы чрезъ то у мастеровыхъ людей пропитаніе отъемлено не было». Сенатъ согласился

Все это ясно указывает, что правительство Екатерины II-ой рѣшило покончить съ прежнимъ порядкомъ въ промышленности и торговлѣ. И понятно почему: а) этотъ порядокъ, основанный государствомъ, эксплуатированный затѣмъ вліятельными „персонами“ и крупными капиталистами, началъ вредить самому фиску, „нужда“ котораго явилась первымъ побужденіемъ основать въ Россіи крупную торговлю и промышленность при помощи покровительства (монополіи, тарифы ¹⁾ и пр.), б) этотъ порядокъ, кромѣ того, сильно задерживая мелкое производство, не порождалъ однако и значительнаго развитія самого крупнаго производства, соединявшагося въ глазахъ Петра В. съ кровными интересами государства и русской будущей общественности, а въ затаенныхъ побужденіяхъ табельнаго вельможества, въ лицѣ гр. П. И. Шувалова съ товарищами,—съ самыми настоятельными ихъ собственными „нуждами“.

Въ заключеніе едва ли надо прибавлять, что русская торговля къ царствованію Императрицы Екатерины II недалеко подвинулась впередъ, если оцѣнивать эту отрасль народнаго труда съ точки зрѣнія мечты Петра Великаго объ освобожденіи русскаго купческаго оборота отъ иностранной зависимости: русская поромышленность, хотя и сдѣлала шагъ впередъ со времени Петра В., но все же не такой, чтобы была завоевана самостоятельность для русскаго капитала на европейскомъ

съ этимъ мнѣніемъ. Но это было исключеніемъ изъ общаго правила промышленной политики; общее же правило скорѣе характеризуется указомъ 1751 года (15-го октября), которымъ запрещалось заводить фабрики безъ дозволенія мануфактуръ-коллегіи; запрещеніе мотивировалось тѣмъ, что «разныхъ чиновъ люди производятъ безуказныя фабрики» (И. С. З., XIII, 9889).

¹⁾ О тарифахъ см. у Семенова: Изученіе истор. свѣдѣній о руссійск. внѣшней торговлѣ и промышл.; часть 3-я, стр. 23—33. Только тарифъ 1731 года понизилъ пошлины на иностранные товары, уменьшивъ пошлину и на отпускные товары; а тарифы 1724, 1753 и 1757 г.г. покровительствовали національной промышленности чрезъ возвышеніе пошлинъ на привозные товары (исключая, впрочемъ, изъ нихъ нѣкоторые, особенно необходимые Россіи), но не забывали и непосредственной выгоды для государственнаго казначества отъ туземныхъ товаровъ—продукта той же поощряемой «національной промышленности»; все это въ концѣ концовъ давало себя чувствовать русскому потребителю.

рынкѣ¹⁾. Въ 46 г. камеръ-коллегія полагала, что не слѣдуетъ запрещать иностраннымъ купцамъ заключать контракты съ россійскими купцами, ибо одни россійскіе купцы своимъ капиталомъ здѣшніе торги вести къ лучшему не въ состояніи; объясняется это безсиліе тѣмъ обстоятельствомъ, что „въ Россіи число капиталистовъ очень невелико“. Сенатъ, покровительствуя національной промышленности, не внявъ совѣту камеръ-коллегіи и повелѣлъ всеѣмъ россійскимъ купцамъ заключать контракты съ россійскими же иногородними купцами²⁾. Изъ всего сказаннаго ясно, почему русскому купечеству оставалось только сердиться и жаловаться на иностранцевъ³⁾.

Конецъ.

¹⁾ Увеличеніе количества фабрикъ и заводовъ отъ времени царствованія Петра В. до Екатерины II и не мѣшало современникамъ очень нехотѣно аттестовать и русскую торговлю, и промышленность. Такъ кн. Щербатовъ о торговлѣ говорилъ, что «ея и нынѣ у насъ нѣтъ». Та отрасль промышленности, на которую было обращено такъ много вниманія, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ и предпримчивыхъ промышленниковъ,—«рудокопное искусство»—кн. Щербатовъ считаетъ «на весьма дурномъ положеніи» и утѣшаетъ себя тѣмъ, что и этого не было бы, если бы не государственно-промышленная дѣятельность Петра Великаго (Чт. 0. П. и Д. Р., 1860, т. I).

²⁾ Соловьевъ, Истор. Россіи, т. 22, стр. 110. И потомъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й, число капиталистовъ не могло быть названо большимъ; на окраинахъ государства капиталистовъ было и совсѣмъ мало; Рычкову приходилось въ книгѣ, вышедшей въ 1762 году, хлопотать о средствахъ, «дабы» городъ Оренбургъ «умноженъ былъ капитальными и видною коммерцію знающими купцами» (Топографія Оренбургская, ч. II-я, стр. 312).

³⁾ Въ нѣкоторомъ отношеніи неспокойное отношеніе русскихъ купцовъ къ иностраннымъ оставило слѣдъ въ старинномъ дѣлопроизводствѣ. Въ 1742 г. отъ московскіе и иногородніе купцы въ большой московской таможнѣ объявили: «училились, де, они извѣстны отъ различныхъ чиновъ людей», которые «въ разговорахъ сказывали, что въ нѣмецкой слободѣ имѣется всякихъ разныхъ заморскихъ продажныхъ товаровъ довольно». Послались для развѣдыванья «два даречныхъ человѣка», но они сказали, что нашли торгъ только въ двухъ домахъ, ходилъ и еще одинъ, но онъ нашелъ у одного иноземца «малое число галантерейныхъ вещей» (М. А. М. Ю., с. д., т. 878).

Приложенія.

Нъ стр. 42.

Объясненіе картины, нарисованной по поводу изданія новаго тарифа (изд. въ 1757 году): „Россія, кромѣ своего копья и щита, держитъ вѣсы правосудія и зрительную трубу, при ногахъ ея лежатъ знаки военной силы, а правою рукою подымаетъ вверхъ щитъ имени Ея Императорскаго Величества, защищая онымъ слѣдующія фигуры, къ ней приходящія, а именно, коммерція въ образѣ дѣвицы, цвѣтами на головѣ увѣнчанная, въ лѣвой рукѣ меркуріевъ жезлъ и рогъ изобилія, въ правой же нѣсколько цвѣтовъ и плодовъ держитъ, которыя, вынувъ она изъ сего рога изобилія, оныя Россіи подноситъ, подлѣ сей стоитъ другая фигура въ восточномъ одѣяніи, представляющая восточную коммерцію, и также подноситъ въ чашѣ ладонь, смирену, пряныя коренья, жемчугъ и драгоцѣнные камни, позади сихъ фигуръ стоитъ справедливость, на главѣ треугольничекъ, а въ рукѣ водовѣсъ имѣющая и она помянутыя фигуры, якобы провождаетъ и представляетъ предъ Россіей; вдали видна гавань съ судами, а предъ фигурами лежатъ всякіе крупныя товары“ (с. д. „о сочиненіи въ комиссіи о пошлинахъ тарифа“, т. 2848, здѣсь же, въ этихъ бумагахъ, имѣются и два экземпляра описанной картины).

Нъ стр. 67 и 114.

„Въ 1699 г. у города Архангельска съ рыбы и сала въ казну брать велѣно съ 1000 рыбъ трески по 16 руб., а сала тресковаго за десятый пудъ по 15 алтынъ и таможенныя пошлины по указу. Въ 1702 г. въ Кольскомъ острогѣ съ иноземцевъ брать велѣно съ рыбы трески за 1000 рыбъ по 42 ефимка, а за сало по 1 ефимку—за пудъ. Въ 1703 и 1704 гг. по имяннымъ указамъ велѣно промысламъ салу варванья, моржевому, тресковому и другихъ морскихъ звѣрей, также моржиной кожѣ и рыбѣ трескѣ... быть въ компаніи бывшаго князя Меншикова съ Шафировымъ и прочими компанейщиками“, а „сверхъ пошлинь“ „ничего неимать“.

Прибыли отъ салныхъ промысловъ, кромѣ китоловнаго, впослѣдствіи времени „получено (свѣд. въ этихъ же бумагахъ)—44,175 р. 66 к.“: ибо „за проданныя товары было выручено 128,779 р. 41 к.; въ салную компанію денегъ употреблено 84,603 р. 75 к.,—въ китоловный промыселъ были присовокуплены для лучшаго произведенія того промысла всѣ мелкіе рыбныхъ и морскихъ звѣрей промыслы; на китоловный промыселъ было употреблено казенныхъ денегъ 86,545 р. 57 к.“ Тутъ же сдѣланъ расчетъ казенныхъ убытковъ съ китоловнаго промысла: „не возвратилось 67,031 р. 28 к.“ Таковы цифровые итоги, касающіеся сѣверныхъ промысловъ (въ 20-хъ годахъ) итоги, которые имѣются въ 915 томѣ сенатск. дѣлъ по коммерцъ, бергъ, м.-в. и гл. м. (М. А. М. Ю).

Нъ стр. 102 и 127.

Вотъ нѣкоторыя официальные свѣдѣнія о стоимости казенъ заводовъ, переданныхъ правительствомъ Шембергу, Шувалову и другимъ.

а) „Сколько употреблено“ „казеннаго кошта“ на заводы „при горѣ Благодати“—Туринскій и Кушвинскій съ 1735 по 1747 г.:

На Туринскій и Кушвинскій 30,301 р. 84 к. („казеннаго кошта“).

Да когда они были въ партикулярномъ содержаніи барона Шемберга, то партикулярнаго кошту употреблено . . . . . 7970 р. 94 к.

Итого . . . 38372 р. 78 к.

На Баранчинской съ 1747
по 1751 г. . . . . 10864 р. — „ („казеннаго
кошта“)

Итого . . 49,236 р. 78 к.

Съ 1747 года по 1754 г. въ бергъ-колл. извѣстій „не
имѣется“.

б) „вѣдомость“

„Объ отданныхъ изъ казеннаго содержанія партикулярныхъ
заводахъ, сколько съ нихъ за тѣ заводы во что въ казну
стали денежной казны ко взысканію положено и что въ то
число въ платежѣ получено и затѣмъ осталось не въ платежѣ“.

	«Во что тѣ заводы въ казну стали».	
	Руб.	Коп.
Гороблагодатскіе (Кушвинскій, Туринскій, Баранчинскій); съ платежемъ въ теченіи 10 лѣтъ (разсрочка) отданы Шувалову (юня 1-го) въ 1754 году.	182,296	81
Въ то число въ уплатѣ 5000 р., затѣмъ осталось 177,296 р. 86 к. Срокъ въ 1774 году, въ іюль.		
Въ 1758 году (декаб. 14) генераль-поручику сенатору графу Роману Ларионовичу Воронцову Верхне-Исецкій съ платежомъ въ 5 лѣтъ. Если не уплатить въ 5 лѣтъ, то на основаніи именного указа 1754 года платить въ теч. слѣдующихъ 5-ти лѣтъ, но не болѣе.	35,712	29¼
Въ 1759 году графу Ягужинскому . . . . . Срокъ въ 1764 году. Платежа не было.	72,687	94¼
Въ 1759 году капитанъ-поручику Гурьеву съ платежомъ въ 5 лѣтъ; срокъ въ 1764 году. Платежа не было.	47,861	26¼
Въ 1759 году—гр. Мих. Лар. Воронцову (сенатору), а отъ него порученные брату его генераль-пор. сенатору Р. Л. Воронцову мѣдноплав.: Ягошинскій, Мотовилинскій и Пыскорскій съ платежомъ въ двѣнадцать лѣтъ. Ко взысканію по оцѣнкѣ—165,315 руб. 16 коп. (М. А. М. Ю., с. д., т. 2864).	174,333	41¾

На стр. 94.

а) „ВѢДОМОСТЬ“

„о цѣнахъ компанейскихъ товаровъ изъ поданнаго отъ опредѣленныхъ къ салнымъ промысламъ комиссаровъ доношенія“. Доношеніе составлено по „взятой отъ бывшаго при Шембергѣ управителя Вернизобера справкѣ“.

„Въ компанію онаго Шемберга у города Архангельска въ покупкѣ нижеслѣдующіе товары по договору въ 1739, 1740 и 1741 гг. и нынѣшнемъ 1742 г. имѣлись по полнымъ цѣнамъ“, „а именно“: сало ворванное и тресковое топленое по 35 коп. пудъ.

Нетопленое, смотря по добротѣ, по 20, 21, 22 и 23 к. пудъ.

Китовое нетопленное по 18 к. пудъ.

Кожі ворванныя по 7 и 8 к. и по 10 к.

Нетопленое ворванное и тресковое сало по 25 к. пудъ.

Топленое китовое по 30 коп. пудъ.

Нетопленое по 15 к. пудъ.

„КОСТЬ МОРЖЕВАЯ“.

„2 зуба“ моржевыхъ „вѣсомъ въ 4 фунта по 16 к. фунтъ.

„24 зуба“ „вѣсомъ 24 фунт. по 10 к. ф. и т. д.

б) „Въ государственную коммерцъ-коллегію изъ архангелогородской губернской канцеляріи о принятіи отъ барона Шемберга отъ управителя его Вернизобера и прикащиковъ и отъ промышленниковъ салъ и что изъ того куда въ продажѣ и закупкѣ и въ остаткѣ“.

ВѢДОМОСТЬ

въ приходѣ сала ворваннаго 1742 года.

Принятаго у прежде бывшихъ комиссаровъ... нынѣшними... на счетъ отъ барона Шемберга

Топленаго	{	1)	3385 пуд. 17 ф.
		2)	2248 — 16 —

Нынѣшними комиссарами принятаго
отъ подрядчиковъ его жъ Шемберга при-
вознаго съ морскихъ береговъ. . . . . 336 пуд. 5 ф.

Итого топленого . . . . . 5969 пуд. 38 ф.

Нетопленого у прикащиковъ его Шем-
берга сала съ морскихъ же береговъ, бар-
ды и бардянаго. . . . . 3273 пуд. 10 ф.

Всего топленого, нетопленого, барды
и бардянаго . . . . . 9243 пуд. 8 ф.

Покупныхъ у промышленниковъ прежними комиссарами:

Топленого . . . . . 4198 пуд. 24 ф.

Нетопленого . . . . . 28 пуд. 10 ф.

Покупныхъ же топленого при другихъ комиссарахъ:

Топленого . . . . . 3381 пуд. 13 ф.

Нетопленого . . . . . 1244 пуд. 22 ф.

Всего въ приходѣ сала:

Топленого . . . . . 13549 пуд. 35 ф.

Нетопленого . . . . . 4344 пуд. 2 ф.

Бардянаго . . . . . 137 пуд. 30 ф.

Барды . . . . . 64 пуд. 10 ф.

Токмо нетопленого сала не всѣ еще
перетоплены, а когда перетоплены будутъ,
то изъ онаго напимѣрь, а не заподлинно
по прежней обыкности начеаемо быть топ-
леного. . . . . 3200 пуд. — „

Топленое сало исчисляется по 7 пудъ въ мѣрную бочку и по тому
исчисленію будетъ напимѣрь, а не заподлинно бочекъ мѣр-
ныхъ 2392 и 5 пуд. 35 ф. (Архивъ департамента тамож.
сборовъ, дѣла комерцъ-кол., т. 2215).

Нъ стр. 106.

ТАБЛИЦА

доходовъ отъ казенныхъ астраханскихъ рыбныхъ промысловъ
(за 15 лѣтъ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны).

Г О Д Ы.	Отъ рыбы.		Отъ икры.		Итого прибыли «сверхъ истинной цѣны».	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К. *)
Въ 1742	6158	9	680	14	6838	23
— 1743	5074	81	870	21	5945	2
— 1744	5415	82	339	37	5755	19
— 1745	1376	18	213	7	1589	25
— 1746	6196	57	804	75	7001	32
— 1747	4071	76	609	63	4681	39
— 1748	3572	46	219	82	3792	28
— 1749	3775	71	957	27	4732	98
— 1751	2214	87	42	75	2257	62
— 1752	1755	21	167	60	1922	81
— 1753	3075	85	774	50	3850	35
— 1754	4458	21	868	6	5326	27
— 1755	1415	19	526	60	1941	79
— 1756	1316	98	490	66	1807	64
— 1757	1855	67	910	1	2765	68

(М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-к., т. 882).

*) Дроб. д. коп. отброшены.

Къ стр. 102 и 126.

Официальные данные, имѣющіяся въ моемъ распоряженіи, настолько скудны, что почти не заслуживаютъ вниманія для выясненія вопроса, какъ великъ былъ отпускъ шуваловскаго желѣза. По „вѣдомости“ 1757 и 1758 гг. мѣди было показано 705 пуд., а желѣза 97,921 пудъ въ отпускѣ (М. А. М. Ю., с. д., т. 2864); но эти цифры нельзя считать сколько нибудь полными, ибо онѣ очень сильно противорѣчатъ выбраннымъ изъ другого источникохранилища г. Рожковымъ. Цифры послѣдняго, впрочемъ, относятся къ болѣе раннимъ годамъ и къ одному позднѣйшему. Когда уже не было въ живыхъ гр. П. И. Шувалова, въ Сенатъ была представлена слѣдующая „вѣдомость“ объ отпускѣ желѣза съ гороблагодатскихъ заводовъ за море.

Въ 1731 г.	—	600	пуд.
— 1735	—	2145	—
— 1741	—	12709 ¹ / ₂	—
— 1742	—	4670	—
— 1744	—	218,763 ¹ / ₂	—
— 1745	—	194,464 ¹ / ₄	—
— 1746	—	324,977 ¹ / ₄	—
— 1747	—	337,109 ¹ / ₂	—
— 1748	—	172,338	—
— 1750	—	1,235,864	—
— 1765	—	1,975,123	(„Матеріалы“ стр., 26).

Если бы мы приняли во вниманіе только эту „вѣдомость“, взятую г. Рожковымъ изъ Государственного главнаго архива, и признали бы ее вполне точной, то мы были бы должны прежде всего сдѣлать заключеніе о томъ, что при б. Шембергѣ желѣза отпускалось за море очень ничтожное количество; а это было бы явною несообразностью. Дѣйствительно, по справкѣ, доставленной портовой таможней и опубликованной г. Рожковымъ, оказывается, что „отъ имени б. Шемберга“ было отправлено за границу 505,910 пуд. желѣза за три года (1739, 1740 и 1741), а остальными фирмами въ то же время 39,965 пуд. Изъ такого сопоставленія двухъ „вѣдомостей“ г. Рожковъ справедливо дѣлаетъ заключеніе, что „за два года

(1739 и 1740) весь отпускъ желѣза отъ имени б. Шемберга не записывался въ таможенные книги и прошелъ безъ оплаты тарифныхъ пошлинъ въ ефимкахъ“.

Г. Рожковъ имѣлъ дѣло только съ оборотомъ б. Шемберга и по этому вопросу сдѣлалъ немало цѣнныхъ фактическихъ наблюдений. Относительно отпуска шуваловскаго желѣза мы имѣемъ возможность (за отсутствіемъ прямыхъ „извѣстій“) сдѣлать только расчетъ на основаніи косвенныхъ указаній. Намъ извѣстно сообщеніе кн. Щербатова, который свидѣтельствуетъ, что ежегодный доходъ гр. П. И. Шувалова съ гороблагодатскихъ заводовъ = 200,000 руб. Существуетъ также извѣстіе (изъ архивн. бумагъ) о прибыли съ 1 пуда желѣза, относящееся ко времени между 1744 и 1755 годами, когда желѣзо продавалось по 63 копейки за пудъ, а прибыли на пудъ „имѣло быть“—31 1/2 копейки. Предположивъ, что сообщеніе кн. Щербатова достаточно точно и что цѣна на желѣзо особенно не могла измѣниться и въ слѣдующіе (за 1755 г.) годы шуваловскаго содержанія, получимъ:

$$X = \frac{20,000,000}{31 \frac{1}{2}} = 634,920 \text{ пуд.}$$

Итакъ, съ гороблагодатскихъ заводовъ при Шуваловѣ ежегодно отпускалось желѣза (приблизительно) ок. 1/2 милліона пудовъ, по крайней мѣрѣ; при томъ скорѣе выше, чѣмъ ниже этой суммы.

Нъ стр. 132.

„вѣдомость“,

показывающая колебаніе и возрастаніе питейныхъ сборовъ въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Ингерманландіи за 14 лѣтъ.

Г о д ы.	Петербургъ.	Кронштадтъ и Ингерман- ландія.	И т о г о.
	Рубли *)	Рубли.	Рубли.
Въ 1730	74822	18,379	93,201
— 1731	68879	23,967	92,846

*) Копейки отброшены.

Г О Д Ы.	Петербургъ.	Кронштадтъ и Ингерман- ландія.	И т о г о.
	Рубли.	Рубли.	Рубли.
Въ 1732	107,506	18,733	126,239
— 1733	126,191	19,650	145,841
— 1734	138,179	19,806	157,985
— 1735	134,595	16,769	151,364
— 1736	122,253	19,831	142,084
— 1737	175,338	20,067	195,405
— 1738	179,620	20,067	199,687
— 1739	172,739	21,019	193,758
— 1740	213,662	22,722	235,384
— 1741	250,562	25,752	276,314
— 1742	232,246	25,084	257,330
— 1743	237,884	24,492	262,376

Въ эти цифры вошла также 10-я доля съ найма извозчиковъ, очевидно, для перевозки вина (М. А. М. Ю. с. д. по камеръ-колл., т. 878).

Нъ стр. 133.

Къ казеннымъ рыбнымъ промысламъ соли требовалось „немалое число“ пудовъ; вотъ напр., „вѣдомость“ соли съ озеръ „въ вывозѣ“ на „казенные рыбные промыслы“.

Въ 1732 г. — 123,989 пудовъ.

— 1733 — 144,171 —

— 1734 — 107,427 —

— 1735 — 165,004 —

— 1736 — 145,625 —

— 1737 — 125,359 —

— 1738 — 85,346 —

— 1739 — 93,882 —

— 1740 — 25,429 —

— 1741 — 86,136 —

Къ стр. 159.

Впослѣдствіи армяне „персидскаго торго“ разорились и обратились, по свидѣтельству Гмелина, въ „прикащиковъ и маклеровъ“. Въ своемъ разсужденіи, представленномъ въ комиссію о коммерціи (2-ю) и трактующемъ „о каспійскомъ торгѣ“, Гмелинъ очень жалѣеть о такой плачевной судьбѣ компаніи, ибо считаетъ армянъ весьма способными къ персидскому торгу, какъ знающихъ языки персидскій и турецкій, а равно и обычаи этихъ странъ. Банкротство компаніи Гмелинъ приписываетъ тому, что, вслѣдствіе покровительства Россіи, армяне потеряли свой кредитъ въ Голландіи (Арх. д-та там. сбор., д. комиссіи о коммерціи). Хотя нельзя опредѣленно утверждать, что это относится именно къ той армянской компаніи, которая, по свидѣтельству кн. Щербатова, подарила гр. П. И. Шувалову солидную сумму денегъ, но тѣмъ не менѣе ничто не говоритъ противъ такого сближенія фактовъ, которое, можетъ быть, и оказалось роковымъ для компаніи, ибо, (если не отказаться отъ означеннаго сопоставленія) она была ослаблена матеріально въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Это, по всей вѣроятности, именно та компанія, которая была образована въ 1758 году и, надо думать, не безъ участія гр. П. И. Шувалова, такъ хорошо отблагодареннаго ея директорами. Можно было бы предположить, что Гмелинъ говоритъ о старой армянской компаніи, дѣйствовавшей здѣсь еще въ XVII ст., если бы въ „разсужденіи“ не было замѣчанія о „покровительствѣ“ компаніи со стороны Россіи; мы знаемъ, что старая армянская компанія была лишена покровительства Россіи еще въ 1719 году, когда у нея были отняты привилегіи (П. С. З., XV, 10848), а въ 1758 году, въ указѣ, которымъ персидскій торгъ отдавался Иссаханову съ братьями, члены прежней армянской компаніи были тщательно устранены отъ новаго дѣла (XV, 10848). Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ, за нимѣніемъ у меня болѣе точныхъ данныхъ, я пока оставляю открытымъ....

Къ стр. 204.

а) Изъ „репорта“ „о дѣйствительномъ исполненіи по присланнымъ указамъ“:

„Тверичи посадскіе люди, какъ въ Твери“, такъ и въ другихъ городахъ, „подряжаютъ иногороднихъ людей въ поставку себѣ во Тверь хлѣбнаго товару, а больше муки аржаной съ *такимъ договоромъ*, что на тотъ товаръ, когда онъ продавецъ тотъ свой подрядный хлѣбъ и прочее поставитъ ему купцу въ Тверь, то *привестъ бы* на его Тверитиново имя выпись яко бы на покупку того товару (гдѣ оный иногородный продавецъ или подрядчикъ будетъ покупать) въ таможеннѣ деньги явилъ и товаръ покупалъ онъ тверской купецъ самъ, а не тотъ его продавецъ и подрядчикъ; или тотъ продавецъ и подрядчикъ напишется ему купцу въ ту выпись, для прикрытія своего, прикащикомъ или работникомъ его, дабы можно было ему тверскому купцу принять тотъ товаръ во Твери, ѣхать съ тою выписью и въ С.-Петербургъ, въ такой выгодѣ, ежели тому иногородному купцу привести на товаръ выпись на свое имя, то уже надобно ему продавцу при отдачѣ того своего хлѣба во Твери записать въ таможеннѣ и заплатить съ того таможенную пошлину“; въ рассказанномъ же приѣмѣ (при написаніи „на купцево имя выписи“ тамъ, гдѣ онъ „якобы“ купилъ), купецъ избѣгалъ этой пошлины. Дѣлали и такъ: писали „въ выписи“, что товаръ везется до С.-Петербурга, когда его везли до Твери, и тѣмъ избѣгали „десятой доли“, „понеже той десятой доли съ ѣдущихъ въ С.-Петербургъ имать не велѣно“ (1743 г.).

б) Тоже: изъ „репорта“ (1743 г.):

.... „Чинится между купцами за немалый секретъ, котораго никакъ доказать нельзя. Тверскіе купцы, везучи хлѣбные свои товары въ С.-Петербургъ воднымъ путемъ въ баркахъ, какъ на свои, такъ и на стороннія имена, и, усмотря въ пути тому своему товару по городамъ и по прочимъ

мѣстамъ способную къ продажѣ цѣну, продаютъ тайно и явно безъ пошлинъ“....

(М. А. М. Ю., с. д. по камеръ-кол., т. 880).

Ясно, что внутреннія таможи было выгодно уничтожить и ради того, чтобы устранить расходъ на борьбу съ „избываніемъ“ внутреннихъ пошлинъ...

Важнѣйшія опечатки и неточности:

Напечатано:

- На стр. 9—собственныя
— 62—преводило
— 67—*на* царя Петра
— 67—(прим.) наиболѣе
    выгоднымъ
— 75—этому горное произ-
    водство обязано
— 96—Между тѣмъ гр. Шу-
    валовъ понималъ
— 101—(прим.) дѣйствовать
    напрямикъ
— 104—*не* съ большею го-
    товностью
— 136—установливалась
— 139—принципами
— 192—осторожно.
— 199—фактовъ.

Слѣдуетъ читать:

- собственные
переводило
не царя Петра

наиболѣе выгодныхъ

въ этомъ горное и пр.

Но гр. Шуваловъ и пр.

не церемониться

съ большею готовностью
устанавливалась
принципами.
осторожно,
фактовъ,

2022510297